

И. Д. СЕРЕБРЯКОВ

**ИЗ БЛОКНОТА
ИНДОЛОГА**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

И. Д. СЕРЕБРЯКОВ

**ИЗ БЛОКНОТА
ИНДОЛОГА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1987

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л. Б. АЛАЕВ,
Л. М. БЕЛОУСОВ, А. Б. ДАВИДСОН, Н. Б. ЗУБКОВ,
Г. Г. КОТОВСКИЙ, Р. Г. ЛАНДА, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
и автор предисловия

Н. Р. ГУСЕВА

Фото автора
и В. А. ШУРЫГИНА

Рецензент
Т. Н. ЗАГОРОДНИКОВА

1905020000-159
С 013(02)-87 67-87

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1987.

ОТ РЕДАКТОРА

«Из блокнота индолога» — книга-воспоминание Игоря Дмитриевича Серебрякова — доктора филологических наук, лауреата премии им. Дж. Неру, удостоенного этой высокой награды в 1971 году за серию очерков об Индии, опубликованных в «Правде», и за исследования по индийской литературе. Несколько лет проработал автор книги в Индии в годы, когда со дня завоевания этой страной независимости прошло всего лишь 12—15 лет. Поэтому подобные очерки о прошлом, которое с высоты сегодняшнего дня может казаться уже далеким и как будто не связанным непосредственно с важнейшими событиями современности, важны и интересны, так как не было в те годы таких событий, которые не породили бы тех или иных последствий, выявившихся в наши дни, как не было и таких людей, которые могли бы быть вычеркнуты в последующие годы со страниц истории.

Поездки, встречи, разговоры...

Жизнь журналиста полна своеобразия и несет его по волнам современных ему событий. Он должен быть прежде всего их очевидцем и, кроме того, уметь правдиво рассказать о них и верно оценить каждое в отдельности и все в совокупности. Эта сторона деятельности автора в те прошедшие годы очень выиграла от того, что он — востоковед и смотрел на жизнь страны глазами индолога, профессионала, совсем другими глазами, чем многие его коллеги из разных стран.

Особый интерес представляют те главы, которые посвящены развитию отечественной индологии. Наши учителя — И. П. Минаев, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской — воскресают на страницах книги в описаниях автора и его воспоминаниях, исполненных чувства глубокого пиетета и искренней признательности. Здесь читатели (и подавляющее их большинство — впервые) познакомятся с этими именами, встретятся с описаниями деятельности корифеев нашей науки, про-

следят направленность их интересов и узнают о чувстве глубокого, горячего патриотизма, которым было проникнуто каждое их действие и каждый шаг в науке. И не только об этом, но и о дружественном, высоко гуманном отношении русских к простым людям Индии, к этим поистине вечным труженикам, скромным и нетребовательным создателям древней и великой культуры, которых английские колонизаторы рассматривали как низшую расу и доводили до нищеты, непрекращающегося голода и чудовищного роста смертности.

Гуманизм русских исследователей стран Востока в целом и Индии в частности лежит в основе всего советского востоковедения. Советская индология является сейчас обширной и высоко развитой областью науки, и все наши индологи создают свои научные и научно-популярные труды только на основе дружественного интереса к жизни индийского народа, к созданной им богатой и многогранной культуре.

Книга И. Д. Серебрякова завершается двумя небольшими рассказами, авторским опытом создания литературных произведений малого жанра. В них особенно резко противопоставляются позиции русских и англичан в их отношении к индийцам. Эти рассказы тоже по-своему ценны тем, что в них приводятся верные описания самых разных индийских реалий. Перед глазами читателя предстают пейзажи, селения, городки и отели, а главное,— люди Индии в их повседневной жизни.

Несмотря на известную условность структуры книги, она, безусловно, заслуживает внимания широкого круга читателей.

Н. Р. Гусева

ОБ ИНДОЛОГЕ И ЕГО БЛОКНОТЕ

Индолог... Полвека назад эта профессия, пожалуй, и не выделялась, будучи скрыта узкоакадемическим и весьма экзотичным потоком общего востоковедения. Но после второй мировой войны, когда рушилась система колониализма и на мировую политическую арену вышли один за другим завоевавшие независимость народы, в лице СССР эти страны нашли верного друга. Как раз в это время и произошло преобразование индологии из скромного академического занятия в профессию, имеющую громадную культурную и общественную значимость. В самом деле, советский индолог — человек, посвящающий свою жизнь благороднейшему делу развития и расширения дружбы советского и индийского народов, активно участвующий в весьма разнообразных областях советско-индийских отношений, начиная от изучения языков и обучения языкам как средству прямого языкового общения с индийцами и кончая активным участием в важнейших актах экономического и политического сотрудничества.

В 1940 г. автор этой книги вместе с шестью другими студентами — своими будущими коллегами — окончил Ленинградский государственный университет. Все мы получили дипломы филологов-индологов. Сегодня наша страна располагает уже многими сотнями специалистов по Индии и не только в области филологии. Одни работают непосредственно в Индии, другие — в различных научных и практических учреждениях; время от времени кто-нибудь из них публикует свои впечатления о стране, изучению которой они посвятили свою жизнь.

Автору довелось работать и на дипломатическом, и на журналистском поприще, встречаться с разными людьми — от князей, президентов, премьер-министров, ученых, лидеров политических партий и общественных организаций до рабочих, крестьян и батраков.

Я старался более или менее регулярно заносить

свои впечатления в блокноты и записные книжки. Однако эти беглые записи и сегодня воскрешают в памяти реальные лица и события, города и села, дороги и пейзажи страны. Некоторые наиболее яркие воспоминания легли в основу очерков и рассказов, включенных в эту книгу.

Нередко автору доводилось ступать по следам великих предшественников в индологии, и эти соприкосновения с историей отечественного востоковедения породили цикл рассказов и очерков о тех замечательных русских людях, которые закладывали основы отечественной индологии, — Афанасии Никитине, профессоре Иване Павловиче Минаеве и его учениках — академике Сергее Федоровиче Ольденбурге и академике Федоре Ипполитовиче Щербатском. Автор не стремился написать строго научные монографические статьи, а, опираясь на достоверные источники и увиденное им самим, попытался передать, говоря словами одной из старших коллег по «Правде», Ольги Ивановны Чететкиной, «...только личные впечатления», которые могут заинтересовать всех, кого волнует жизнь современной Индии.

И еще одно соображение — великий индийский прозаик Премчанд в своей программной речи на учредительной конференции Всеиндийской ассоциации прогрессивных писателей сказал, что красота присуща и уставшей крестьянке, кормящей своего младенца на меже под палящим солнцем. Автор позволил себе несколько нарушить жанр этой книги и дополнить ее двумя своими рассказами беллетристического характера о жизни индийцев в период колониализма.

ДОРОГА В ИНДИЮ

Его благословения

Разные побуждения вели людей в Индию, и не всегда они отправлялись туда по своей воле. Воля монарха Махмуда Газни привела в X—XI вв. великого среднеазиатского энциклопедиста Абу-р-Райхана Бируни в эту замечательную страну. Человечество обязано Бируни гениальным описанием Индии его эпохи в «Китаб-аль-Хинд» (переведенном на русский язык и изданном в Ташкенте в 1963 г.). Поиск торговых связей сначала

вел былинного Садко, а затем в XV в. и самого реального тверского купца Афанасия Никитина в рискованные, весьма и весьма опасные странствия.

Афанасий Никитин увековечил себя во вдохновенно патриотическом и вместе с тем исполненном уважения и любви к Индии «Хождении за три моря» — книге, неоднократно издававшейся в СССР. В конце XVIII в. судьба забросила русского музыканта Герасима Лебедева в Калькутту, где вскоре он стал основателем бенгальского национального театра нового времени. Интерес к буддизму заставил И. П. Минаева оставить изучение китайско-маньчжурской письменности и заняться индийской, а в дни своих путешествий в 1870-х гг. на Цейлон (Шри-Ланку), в Индию, Непал и Бирму он стал уделять современности этих стран преимущественное внимание. Эти известные деятели науки так или иначе не только усматривали в Индии объект изучения, но и проявляли любовь к ней, ее народу, ее цивилизации. Значение их научного подвига особенно осознаешь сейчас, с высот, достигнутых современной наукой.

* * *

У автора данной книги, скромного последователя его выдающихся предшественников и учителей, путь в Индию складывался совсем по-иному. Мои родители представить себе не могли, что их сын станет индологом. Они просто хотели, чтобы я стал образованным человеком (в их понимании — инженером). Этому желанию способствовало и время — ведь я родился через двадцать дней после Великой Октябрьской социалистической революции. Читать я стал пяти лет от роду. Как бы ни было трудно, а с каждой полочки отец покупал мне книгу. Однажды он положил передо мной том «Чудеса мира». В разделе «Азия» было много фотографий по Индии — Красный форт, мраморные решетки Тадж-Махала, каменный бычок Нанди из Танджорского храма, все то, что я потом увидел воочию, спустя сорок лет.

Одна фотография запечатлела прыжок с минарета одной из мечетей в пруд — крохотная фигурка с поджатыми в коленях ногами навечно повисла в воздухе. Детское воображение было потрясено самой возможностью подобного прыжка, и я спросил отца:

— Зачем он делает это?

Чтобы заработать себе на хлеб,— ответил родитель.

И это была суровая правда, которая врезалась в мою детскую память.

Затем в мои руки попала книга «Маугли» Киплинга и очаровала меня дивным ароматом описаний индийской природы, пропитавшим ее. Я начал учиться в школе, и увлечение приключенческой литературой, во власть которой попадают ребята всех стран, захлестнуло, конечно, и меня. Среди книг, которые я с упоением читал, оказались и «Паповой дом» Жюль Верна, и «В тущобах Индии» Луи Жаколио, а там уже рассказы-вались иные, совсем не фольклорные и не вымышленные истории, слышались отзвуки борьбы индийского народа против колонизаторов. Я уже читал об этой борьбе — ведь моей «книгой для чтения» постепенно становилась и газета, а в 20-х годах на страницах советских газет Индия была частой гостьей — сообщалось о Махатме Ганди и Шапурджи Саклатвале, о Мотилале Неру и его сыне Джавахарлале, о харталах и забастовках, о полицейских расправах и британских обстрелах повстанцев в Вазиристане и о многом другом.

Шли годы. Я стал студентом Ленинградского государственного университета, куда поступал с намерением изучать творчество У. Шекспира. Но случилось так, что на всех, сдавших экзамен успешно, вакансий не хватило. Среди неудачников оказался и я. Размышляя, что делать, мои «товарищи по несчастью» решили сменить литературу на языковедение и поступили на отделения германское, скандинавское, романское, славянское. Я тоже решил последовать их примеру, но мне предложили на выбор поступить либо на китайское, либо на древнеиндийское. Памятуя о том, что трудность «китайской грамоты» навечно вошла в русскую поговорку, я избрал себе древнеиндийское. Случайность? Да, случайность! Но я никогда не пожалел о сделанном выборе.

В то время я имел самое смутное представление о том, чем, собственно, буду заниматься и что такое язык санскрит. К счастью, и подчеркну — к великому счастью, моими наставниками стали такие выдающиеся советские ученые, как академик Ф. И. Щербатской и его ученик профессор А. И. Востриков, индологи М. А. Ширяев, В. М. Бескровный, В. Е. Краснодембский, позднее — академик А. П. Баранников.

Однако сейчас хочется рассказать не о них, а об одном из замечательных деятелей индийского национально-освободительного движения, ставшем одним из наших преподавателей,—о Вирендранате Чаттопадхьяе, о нашем дорогом Чато. Крепкий и подвижный, всегда собранный и энергичный, никогда не унывающий, весь — действие, он увлекал студентов самой своей личностью. В те годы Чато заведовал индийским отделом Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР и преподавал в нашей группе разговорную практику языка хиндустани, историю материальной культуры Индии и введение в индийскую этнографию. Он привлек меня к работе в индийском отделе музея, где я должен был описывать поступающие материалы.

Для правильного понимания современной Индии Чато устроил в нашей университетской аудитории нечто вроде постоянной выставки. Здесь были карты по этнографии, языкам, экономике, административному делению, фотографии руководителей национально-освободительного движения, коммунистов — узников Мирута, снимки соляных походов Ганди, демонстраций, митингов и т. д. Особенно драгоценные экспонаты — фотокопии листовок, титулы журналов, которые издавали различные организации, возглавлявшиеся деятелями индийского национально-освободительного движения. Конечно, для нас важнее всего было то, что создателем выставки оставался сам Вирендранат Чаттопадхьяя — непреклонный борец, посвятивший жизнь благороднейшему делу освобождения своей Родины от чужеземного ига.

Наряду с предметами, которые полагалось изучать студентам, занимавшимся древней Индией, нам приходилось изучать и современные индийские языки. Я выбрал бенгальский. И не случайно — единственно широко печатавшимся в переводах на русский язык индийским писателем был Рабиндранат Тагор. Еще в школьные годы меня очень увлекали его рассказы. Теперь открылась возможность припасть к этому изумительному источнику духовной красоты самым непосредственным образом. Но мне было этого мало — хотелось вступить в общение с гением бенгальской литературы. Я решил обратиться к нему с письмом. После двух школьных фраз на бенгали, я перешел на английский, над чем я тоже немало потрудился. Наконец я отправил это письмо авиапочтой. Возлагая все надежды на

прогресс техники, на рекордные скорости, достигнутые к тому времени авиацией, я полагал, что уже через несколько дней оно ляжет на стол Р. Тагора, а недели через две-три придет ответ. Ответ-то пришел, но месяца через четыре.

К несчастью, письмо Р. Тагора погибло в Ленинграде вместе с моей скромной, собранной за студенческие годы индологической библиотекой во время одной из бомбежек. Какова же была моя радость, когда один из моих друзей, побывавший в Шантиникетоне, узнал, что в его архиве хранится не только мое письмо Р. Тагору, но и копия ответа мне. И он привез фотокопии и того и другого. Не буду пересказывать содержание своего письма — оно было бесконечно наивным и по-юношески прямолинейным. Ответ Тагора — кратким и великодушным. Высказав радость по поводу того, что в Советской России некий молодой человек интересуется его творчеством, великий писатель выразил надежду, что вскоре я сумею читать его произведения в оригинале. И заключил письмо такими словами: «С моими благословениями — Рабиндранат Тагор».

С его благословения я и продолжал готовить себя к тому, чтобы стать профессиональным индологом.

НА ДОРОГЕ ДРУЖБЫ

В годы Великой Отечественной войны советские индологи вносили свои усилия в дело победы над германским фашизмом и японским милитаризмом. Многие из наших учителей отдали жизнь за свободу и независимость Советской Родины. Мы были уверены, что победа в этой войне стимулирует борьбу народов за свободу, независимость и демократию. Так оно и произошло. Крах германского и итальянского фашизма и японского милитаризма, всего того, что составляло авангард мировой реакции, подрубил основы и британского империализма. Ему пришлось отступать, и прежде всего в Индии. Громадным достижением национально-освободительного движения народов Индии стало образование временного правительства, главой которого стал Джавахарлал Неру. Уже в начале 1946 г. временное правительство Индии заявило о своем желании уста-

новить прямые дипломатические отношения с Советским Союзом, и вскоре это произошло.

История свидетельствует, что народы извечно стремятся к установлению связей друг с другом, к обмену плодами трудов своих рук и ума. Однако также известно, что эксплуататорские классы ради корысти не только становятся препятствием на пути таких стремлений, но и делают все, чтобы любыми средствами породить между народами ненависть и вражду. Британский империализм, покидая Индию, оставил реки грязи и моря крови. Но грязь не прилипает к лотосу, и из безбрежного моря гнусностей, оставленных в наследие колониализмом, стало расти здание той Индии, о которой мечтали многие поколения индийцев,— Индии, которая вырисовывалась в мечтах Р. Тагора, М. Ганди, Дж. Неру. 15 августа 1947 г. в Дели над Красным фортом взвился национальный флаг независимой Индии.

В то время вместе с моим другом Владимиром Сергеевичем Москалевым я принял участие в основании кафедры индийских языков на восточном факультете Ташкентского университета. Знаменательно, что она начала работу уже через две недели после провозглашения независимости Индии. Тогда мы еще не помышляли, что одному из нас раньше, а другому позже придется поехать в Индию. До того дня еще было далеко, а тем временем представители Индии стали появляться в нашей стране. В 1951 г. в СССР приехала первая индийская делегация деятелей культуры, возглавлявшаяся замечательным человеком, внесшим большой вклад в дело развития дружбы народов Индии и Советского Союза,— доктором Балига. Эта делегация представляла все главные области культуры — среди ее членов были поэт Хариндранат Чаттопадхьяя, ботаник профессор Чиной, танцовщица Чандралекха, журналисты Шьям Лал и Рана Джанг Бахадур, поэт из Кералы Валлатхол и его сын, театральный деятель Чандрани. Мне выпала честь принимать их в Узбекистане.

О том, что индийские гости увидели в нашей стране, они не раз рассказывали сами. Добавлю только, что в этих людях я почувствовал не только друзей нашей страны, но и органическую связь с чем-то близким и важным мне, еще не очень ясную для меня самого. Вскоре, когда на одном из приемов я оказался рядом с поэтом Хариндранатом Чаттопадхьяей, это прояснилось — он настолько похож на моего дорогого учителя,

что сначала у меня мелькнула мысль, не вернулся ли тот, поправ смерть, оттуда, откуда никто никогда не возвращается? На мой робкий вопрос, не знает ли поэт Вирендраната Чаттопадхьяю, я получил ответ:

— Конечно, знаю! Это же мой старший брат!

Не раз я сталкивался — уже в Индии — с людьми, которые так или иначе были связаны с моим наставником.

Прошли годы. В феврале—марте 1959 г. в составе правительственной делегации мне довелось впервые побывать в Индии. С необычайным волнением летел я первый раз в страну, изучению которой уже было отдано почти четверть века. Под крыльями ТУ-104 проплывали угрюмые пики горных хребтов, вот уже самолет перевалил через Гималаи, и внизу я увидел великую равнину, одну из колыбелей человеческой цивилизации. В этой поездке по стране — Дели, Агра, Бхилаи, Калькутта, Мадрас, Бангалор, Тривандрам, Бомбей, Эллора и Аджанта, Джайпур и Кашмир — мне стало ясно, насколько сложны проблемы, решаемые индийским народом, и как велико должно быть мужество человека, поставившего перед собой задачу руководства страной и выработку перспектив ее развития.

Кроме встреч с официальными лицами нашей делегации удалось еще побывать в гостях у Джавахарлала Неру. Сам хозяин и его дочь встречали гостей у входа в дом. Впервые я видел одного из виднейших деятелей индийского национально-освободительного движения так близко, пожимал его руку, говорил с ним. Много раз потом мне доводилось видеть и слышать его — в парламенте и на трибуне Красного форта, на Рамлилаграунд и в Диван-э-ам, на различных приемах и в его рабочем кабинете. Самое значительное, на мой взгляд, в нем то, что он был человеком для людей, для народа, человеком на все времена. Через несколько лет Неру не стало, и тогда мир узнал о его завещании — изумительно поэтичном и искреннем документе, свидетельстве глубокой любви к родине, своему народу, благодарности за ту любовь, объектом которой он стал, за веру в него людей.

Во время первой поездки в Индию я все время проверял себя — та ли это страна, о которой так много прочитано и передумано? И сам себе отвечал — да, действительно, это она! Но вместе с тем не переставал удивляться многогранности, разнообразию этой заме-

чательной страны и ее талантливого многоязычного народа! И на каждом шагу я убеждался, какими неверными оставались традиционные представления об этой стране, так энергично и ныне распространяемые западными «экспертами» по Индии, выдающими индийский народ за мистиков.

Первым и решительным ударом по такому представлению для меня стала знаменитая железная колонна в Дели, в Мехраули. Собственно, мы поехали посмотреть на минарет Кутб-минар. Конечно, это грандиозное зрелище. С Кутб-минаром связано множество романтических историй, память о грозной власти средневекового владыки, чьей волей была воздвигнута эта почти восьмидесятиметровая башня, облицованная красным песчаником, изрезанным арабскими буквами, возносящими к небесам хвалу Аллаху.

Рядом с ним семиметровая железная колонна, черная, почти лишенная украшений, выглядит скромно. Но именно в этой гениальной простоте отражено величие человеческого ума, покорившего металл. Конечно, наивно поверье, будто у того, кто сумеет, став к ней спиной, обхватить колонну руками и соединить пальцы, осуществятся все его желания. Наивно, но и в то же время мудро — разве не металл, обращенный в орудия труда, сообщает небывалую силу человеческим рукам, позволяет собирать камни на Луне, рассмотреть пейзаж на Венере, увидеть комету Галлея, улавливать мельчайшие частицы материи, проникать в глубь Земли, сдвигать горы, создавать моря? Ведь с помощью металла человек реализует свои желания — и я очень серьезно отношусь к этому поверью индийцев, отполировавших колонну своими спинами на высоте чуть более метра до серебристого блеска.

Колонна эта до сих пор представляет секрет для металлургов. Действительно, полторы тысячи лет назад в Индии эта железная колонна была сооружена из цельного куска металла, равный которому отлит в Европе лишь в XVIII в. в Швеции. Значит, полторы тысячи лет назад индийцы обладали таким уровнем знаний и мастерства, который позволил им создать колонну Победы. Не ради правителя Чандры, чье имя на ней начертано, и того, кто повелел соорудить ее в честь его завоеваний, а ради победы Ума, Знания, Труда! Вель эту железную колонну за полторы тысячи лет даже не тронула ржавчина. Так она одержала победу даже над

беспощадным Временем! Разве не достойна она бóльшего восхищения, чем завоевания самого Чандры? Впрочем, без него мы так и не узнали бы о блистательных технологических возможностях древних индийцев.

Так, знакомство с железной колонной в Мехраули стало для меня как бы первой встречей с действительной Индией. После этого я уже по-другому смотрел на скальные храмы Эллары и Элефанты — чудо искусства эпохи раннего индийского средневековья. Ведь голыми руками одолеть горные породы невозможно, да и как без металлических орудий вдохнуть жизнь в бездушные камни? Придать им совершенство формы и красоту содержания? Дать подлинное бессмертие мифу и сказанию, сохранить на долгие века живой облик людей того времени? Я по-иному взглянул и на людей, и на страну, на ее историю и культуру.

Горько сознавать, что на протяжении веков страну безжалостно грабили феодальные властители и терзали колонизаторы. Тем радостнее видеть, какой промадный прогресс — я не оговорился — именно громадный! — достигнут Республикой Индией в области культуры и просвещения. От начальной школы, где юный гражданин Республики неумелой рукой выводит затейливые буквы того или иного индийского алфавита, до инженеров и исследователей ядерной энергетики и космических пространств — таков путь, знаменующий этот прогресс!

Не забыть тот день, 28 января 1968 г., когда занимавшая тогда пост премьер-министра Индии госпожа Индира Ганди открывала центр космических исследований в поселке Тхумба, неподалеку от Тривандрама. Запуск первой сконструированной в Индии метеорологической ракеты был назначен на вечерние часы. Над нашими головами было черное, усеянное звездами небо. И вот наступил момент запуска, и через несколько мгновений все пространство озарилось ярким светом — это Индия решительно заявила о своем вступлении в космический век!

Мне не раз приходилось видеть возле дорог в тени раскидистых деревьев учеников, собравшихся вокруг учителя и внимательно слушавших его рассказы об истории Родины, о дальних странах, о сказаниях родной старины. Под этими деревьями или в школьных классах, но именно отсюда начинается воспитание чув-

ства огромной любви к Родине, могучей силы, порождающей в человеке стремление внести свой вклад в будущее страны, в строительство новой жизни.

Сегодня на многочисленных стройках Индии в основном трудятся те, кто родился уже гражданином независимой Индии. Не случайно наиболее видное место в строительстве промышленных предприятий занимают металлургия, энергетика и машиностроение. Воссоединяются звенья прерванной колониализмом цепи нормального развития социальной и экономической жизни народов Индии. От железной колонны Мехраули до металлургических гигантов Бхилаи, Бокаро, Ранчи, Дургапура и многих других строек идет великая цепь побед Ума, Знания, Труда народов Индии!

ЛИЦА ДРУЗЕЙ

Почти восемь лет жизни я отдал работе в Индии, а для индолога нет большего счастья, чем трудиться в этой стране, иметь возможность соприкоснуться с ее замечательным народом и удивительной культурой, дышать ее воздухом, ходить по ее земле. Как много дружеских лиц встает перед моим мысленным взором, стоит лишь подумать об Индии!

Среди них — самые разные люди. Портовый рабочий Эллумалаи, не только твердо веривший в завтрашний день страны, но и понимавший значение своего сегодняшнего труда для того, чтобы жизнь его семьи, его народа становилась день ото дня лучше. Он разгружал корабли, которые доставляли машины и оборудование для строек Индии.

Что касается доктора Кришнасвами, жившего в рабочем пригороде Мадраса, то двери его дома открыты день и ночь. Шли к нему люди и со своими недугами, и с заботами и тревогами. Он героически сражался не только за телесное здоровье пациента, но и за бодрость духа, а иногда и за спасение всех его надежд.

Доктор Раюду — сын крестьянина. Он не пожелал расстаться с деревней, где вырос, с родной землей. Получив диплом врача, он поднялся на борьбу с косностью и предрассудками. Крестьяне верили ему, ведь он не только лечил их (притом делал это бескорыстно),

свято выполняя врачебный долг, но и знал их нелегкий труд так, как они. Раюду сделал многое для налаживания медицинского обслуживания и для обеспечения крестьян высокоурожайными сортами сахарного тростника, риса, проса — у него три диплома за успехи в селекционной работе. Крестьяне избрали его председателем сельского совета старейшин — *панчаята*, а затем и председателем союза панчаятов. Когда я познакомился с ним, он уже трижды переизбирался на этот пост. С максимальным успехом он использовал все возможности для налаживания крестьянского хозяйства. После того как его коллеги показали мне ферму племенного скота, фабрику удобрений, поликлинику и рассказали о той громадной просветительской работе, которую он ведет, я спросил, что же сейчас его волнует больше всего. И услышал в ответ:

— Ликвидация бедности, уничтожение кастовых барьеров, пути создания коллективных хозяйств.

Он долго и подробно расспрашивал меня о том, с чего в Советском Союзе начиналась коллективизация.

Никогда не забуду я доктора Кришнана, жившего в Мадрасе на Эллиот-роуд. Это — чудесный человек, прекрасный специалист, жадно ищущий новых путей в медицине. Он всегда стремился быть на уровне современной науки. Он знал о новых достижениях советской медицины, ведь доктор изучал русский язык. Мое знакомство с ним началось с моего визита к нему в качестве пациента. Вскоре нас уже связывала прочная дружба.

Мне хотелось рассказать хотя бы об одном человеке каждой профессии из числа встреченных мною, но это заняло бы много места и времени. Но я не могу не упомянуть о некоторых. Так, в одной семье двух дочерей назвали в честь советской героини Великой Отечественной войны Зои Космодемьянской. Одну дочь звали Зоей, а другую — Таней (партизанская кличка Зои Космодемьянской). Я с удовольствием вспоминаю и скромную семью двух выдающихся ученых — философа Дебипрасада и филолога Алаки Чаттопадхья. Они изучали духовное наследие индийского народа, занимались исследованием таких его областей, которые либо оставались малоработанными, либо стали предметом сомнительных спекуляций.

Я низко склоняю голову перед памятью многих из

моих друзей, которых, к сожалению, уже нет в живых,— общественных деятелей, работников культуры, писателей, актеров. Но на их место встают сотни новых.

* * *

Однажды я отправился на машине из Дели в сторону города Лакхнау. Только что закончилась гроза, и иссиня-черные тучи отступали в глубь равнины. Они рассеялись, и под яркими лучами солнца открылась панорама Гималаев. Словно продолжая их, в бескрайнюю голубизну неба над горными вершинами вздымались белоснежные клубящиеся груды облаков. И вдруг из долины Ганга поднялась и в одно мгновение переступила через хребты и плоскогорья яркая радуга. Наверное, другой ее конец опустился где-нибудь на берегах Волги. Невольно подумалось, что она знаменует собой радость дружбы, связывающую народы, живущие у двух великих в истории человечества рек.

УХОДИТ НОЧЬ

Машина медленно двигалась по шоссе. Свет фар выхватывал из тьмы придорожные деревья и волов, медленно тянущих громоздкие телеги. Иногда свет фар упирался в богатырские, в четыре обхвата, деревья, врасплох захватывал крадущегося вдоль шоссе шакала и приводил в ужас рыжего зайчишку, стремглав летевшего по освещенной полосе, вместо того чтобы убраться с дороги.

Время от времени на поворотах в свете фар мы видели на фанерных щитах философические надписи: «Жизнь коротка. Не старайся сделать ее короче», «Безопасность прежде всего!» и т. п. Печальные результаты пренебрежения этой мудростью — обломки машины вдоль дороги — вновь и вновь убеждают в их правильности и необходимости соблюдения правил дорожного движения. Перед глазами бежали белые столбики, с неумолимостью арифмометра отсчитывая мили. Сколько их уже осталось позади!

Ночью дорога преобразается и полна своими особыми ароматами. Если днем здесь господствуют свои

запахи: пыли, скота, газolina, то вечерами и особенно ночью все меняется и слышится запах земли.

— Чем пахнет?— спрашивали мы друг друга.

Шофер засмеялся.

— Рисом «басмати». Так пахнет «басмати». Кто сеет «басмати», к тому в дом приходит счастье.

— Остановись, пожалуйста!— взмолились мы хором. Гоял выключил мотор и потушил фары. Наступила ошеломляющая темнота, нарушаемая мерцанием бесконечных, бесчисленных звезд. Непривычно низко здесь в Индии лежит Большая Медведица, тут ее зовут по-иному — Семь пророков.

Мы стоим и вслушиваемся в дыхание пенджабской ночи, в шелест трав, в стрекот цикад, столь же бесчисленных, как звезды. Где-то подвывает шакал. Издалека доносится собачья перебранка.

— Где же «басмати»?

— Да вот он на поле, перед нами!

Мы, оступаясь, спотыкаясь о кочки, добираемся до края поля. Да, запах этот неповторим, незабываем. Он настоящий волшебник. Запах будит воображение и рождает мысли: «Вот что может дать индийская земля, политая потом тысяч поколений крестьян, возделанная их руками! Если бы я пришел на каждое поле, счастье и радость вошли бы в каждый дом. Дайте мне дорогу к людям. Я хочу дымиться горячим паром в плошке труженика, белеть снежной горой на блюде праздничного стола, всегда быть в любом доме, большом и малом!» Ветерок мягко колышет упругие, жесткие и вместе с тем шелковистые колоски.

— В этих местах «басмати» раньше расти не мог,— говорит наш шофер.

— Почему?

— Вода... Вода пришла сюда из плотины Бхакра-Нангал. Вот оттуда.

Скорее угадывая, чем видя силуэт его руки, смотрим туда, где из-за гор струится голубоватое зарево.

Еще час пути, и перед нами яркое созвездие огней Бхакра-Нангал, рассеивающее мрак ночи. На здании первой очереди этой мощной ГЭС укреплен мемориальная доска, напоминающая о дне, когда Джавахарлал Неру объявил первую очередь проекта Бхакра-Нангал завершенной. На мраморе высечены слова: «Посвящается народу».

ПЛАМЯ И КАМЕНЬ (13 апреля 1961 года)

Но здесь обернулся девятый январь
Тринадцатым днем апреля.

Н. Тихонов

«Это было...» Бесчисленное множество раз человеческая рука писала эти два коротких слова — и в письмах друзьям, и в стихах, и в докладах и отчетах, и в газетных сообщениях, и в учебниках, и в произведениях всех жанров художественной и научной литературы. Конечно, попадись мои записи на глаза строгому критику, он обвинит меня и в штампе, и в повторении, и кто знает, в каких еще литературных грехах. И тем не менее эту запись я начну именно с этих слов.

Это было 13 апреля 1919 г. Уже не первый день бурлил город Амритсар. 10 апреля произошло событие, неслыханное со времен национального восстания 1857—1859 гг., при одном воспоминании о котором англичан охватывала дрожь. Но пусть об этом событии расскажут историки.

«...10 апреля народ стал хозяином Амритсара. Англичане укрылись в форту. К вечеру железнодорожная станция, телеграф и телефон уже оказались в руках восставших. Связь города с другими районами была прервана. Перепуганные власти с нетерпением ждали прибытия военной помощи. Вечером того же дня в Амритсар вошли войска под командованием генерала Дайера, которому была передана гражданская власть. Таким образом, в городе фактически было введено военное положение. 13 апреля в праздничный день на площади Джалианвала Багх...»

Несколько лет назад я стоял на ней, стараясь представить, что произошло здесь 13 апреля 1919 г., «...в праздничный день на площади Джалианвала Багх».

...По узким улочкам города, образованным рядами двух-трехэтажных домов, стекались к площади ручейками люди — мужчины и женщины, старики и юноши, сикхи, мусульмане и индусы, образуя бурлящее человеческое озеро. Они пришли на площадь, чтобы заявить о своем протесте против незаконной высылки их руководителей Сейф-уд-дина Кичлу и Сатьяпала, по-

винных, по утверждению властей, в неистовой антиправительственной агитации (если говорить точно, они оба требовали во весь голос независимости для своей Родины).

Площадь окружена неровной, плотной стеной домов без окон. Отсюда нет другого выхода, кроме узенькой улочки, одновременно являющейся и единственным входом. На краю площади — древний колодец глубиной метров 10—12, облицованный кирпичом.

Начался митинг. Ораторы сменяли друг друга. Толпа внимательно слушала, выражая одобрение или гнев дружными криками и поднятыми кулаками. Никто из присутствовавших не заметил, как со стороны улицы Мукериан на площадь вышли солдаты в широкополых шляпах и встали вдоль стен. Они установили ручные и станковые пулеметы. Солдаты стояли молча. Они были словно нож убийцы, поднятый над ни о чем не подозревающей жертвой. Удар еще не нанесен, но жертва уже обречена. И нет спасения.

...Раздался выстрел, и один из ораторов, судорожно дернув головой в тюрбане, упал на руки соотечественников.

Сначала слышались лишь выстрелы — толпа оторопело замерла, люди не могли понять, что произошло. Затем над площадью взметнулись крики гнева, ужаса, ярости и ненависти, боль за своих близких — отцов за сыновей и сыновей за отцов, возмущение. Несчастные матери неистово прижимали к груди бездыханные тельца детей, изрешеченные пулями. Началось что-то невообразимое.

Люди в панике металась по площади и не находили спасения. Пули косили всех подряд, невзирая ни на возраст, ни на пол. Согласно официальным данным, всего было 1500 раненых и убитых. Так ли это?

Английские фашисты (впрочем, фашизма тогда еще не было — английские империалисты) 13 апреля 1919 г., в тот праздничный день, залили кровью всю площадь Джалианвала Багх.

На площади погибали люди не только под пулями — одни были затоптаны толпой, срывались в колодец и тонули в нем, другие пробовали перебраться через стены и заборы, чтобы вырваться из тисков.

...Мигнут через двенадцать после того, как был открыт огонь, генерал Дайер скомандовал:

— Отставить!

После этого он удалился во главе своих солдат... Участники митинга не разошлись. Они кинулись помогать тем, кто еще нуждался в помощи. Залитую кровью землю Джалианвала Багх оросили слезы. Над площадью неслись рыдания...

И вот я еще раз пришел на эту площадь, но теперь уже с сыном. Сегодня необычайный день. Город взволновала новость — первый человек в космосе. И им стал советский космонавт Юрий Гагарин. Всех интересовали подробности его биографии. Люди забросали нас вопросами: красив ли Гагарин, высок ли? Женат он или нет? Если женат, то есть ли у него дети? Все газеты Пенджаба на первых полосах под крупными заголовками поместили сообщения о полете первого человека в космос.

Джалианвала Багх запружена народом. Место, обернувшееся бойней в 1919 г., теперь выглядит совсем иначе. Толпа шумит — ожидают приезда президента Индии Раджендры Прасада и премьер-министра Джавахарлала Неру.

Какие-то молодые люди ведут под руки одного из участников митинга, господина Мукерджи, и усаживают на почетное место. Ему далеко за восемьдесят. Он еще живо помнит, что произошло на площади Джалианвала Багх в тот далекий страшный день. Он не может сдерживать слез радости, глядя на полную народа мирную площадь, на национальные флаги, на праздничное убранство.

Сегодня на этой площади открывается памятник героям борьбы за национальную независимость. Его центром является обелиск из красного песчаника, символизирующий негасимое пламя патриотизма, неустанной борьбы за свободу и независимость.

Я смотрю на взятые в деревянные рамки следы пуль на стенах домов, окружающих площадь, и рассказываю сыну о том, что здесь случилось 13 апреля 1919 г., в праздничный день.

Каждый год 13 апреля весь индийский народ чтит память погибших на площади Джалианвала Багх и воздает почести всем, кто погиб в борьбе за свободу и независимость Индии. Честь и слава павшим героям!

13 апреля весело развивались на ветру шафранно-бело-зеленые флаги независимой Индии. Это был действительно праздничный день 13 апреля, День Весны.

От Калькутты до Амритсара, пересекая всю Северную Индию, протянулась Джи Ти Роуд — Большая грузовая дорога, или Великий выючный путь. История ее насчитывает уже не века, а тысячелетия. И днем и ночью, не замирая ни на минуту, течет по ней река грузов — сахарный тростник и ткани, пшеница и горючее, бревна и машины, фрукты и кожи. Но, пожалуй, длинным хозяином на дорогах независимой Индии стал кирпич. Мчатся по дорогам мощные грузовики. Дробно топчут по асфальту подкованными копытцами ослики. Тащатся крестьянские подводы, запряженные медлительными волами. В кузовах грузовиков, в хурджилах осликов, на подводах — кирпич, кирпич, кирпич.

Мчитесь ли вы по Джи Ти Роуд или едете по какой-либо другой дороге, уходящей от нее к югу, вдоль них между тонкими пальмами или раскидистыми манговыми деревьями то справа, то слева мелькают трубы кирпичных заводов. Сколько этих труб на пути от Дели до Агры! Кажется, не меньше, чем пальм!

Белоснежное великолепие изумительного мавзолея Тадж-Махал в городе Агре только выигрывает от окружающих его сооружений из красного песчаника и кирпича. Какое совершенство линий, гармония пропорций! Поражает слепящая белизна мрамора. Холодный камень буквально ожил под руками огромного числа безвестных мастеров. С помощью незатейливых инструментов, которые и ныне в ходу, они создавали на плитах мрамора цветы на длинных, гибких стеблях. Инкрустированный лепестками цветов мрамор радует глаз многообразием красок. Люди берегут Тадж-Махал и заботливо поправляют то, что портит время. Вот сидит возле одного из угловых минаретов старик. Может быть, он — потомок одного из строителей мавзолея. Тончайшей лучковой пилкой вырезает он лепесток из яшмы — видно, на одном из узоров такой потерялся.

Джи Ти Роуд разветвляется на множество дорог — они уходят на север и на юг и оплетают страну густой и все разрастающейся сетью. Повсюду ведутся дорожные работы. На благоустройство дорог часто идет также и кирпич. Шоссе ведет на Бхилаи, Хардвар, Бокаро, Ранчи, Дехрадун и Дургапур, Нейвели, туда, где индийские труженики возводят новые заводы — опоры не-

зависимой экономики. Кирпич необходим и здесь. Давайте посмотрим на один из древних памятников в штате Бихар.

Если отправиться к юго-востоку от города Патны, то среди невысоких зеленых холмов, покрытых густым слоем пыли, можно увидеть развалины некогда великолепного ансамбля университета Наланда. Историки считают, что он основан две с половиной тысячи лет назад. Университет был варварски сожжен полководцем Бахтиаром Хильджи, «по ошибке» принявшим его за крепость. Следы феодального варварства видны повсюду и по сей день. Стены, возведенные из кирпича, почти тех же размеров и пропорций, что и современный, несут на себе печать событий, происшедших семь веков назад. Пожар был настолько силен, что кирпич оплавился.

Давно умер Бахтиар Хильджи, а кирпич продолжает свое стремительное шествие по дорогам Индии. Его везут на стройки, туда, где индийский народ, искренне верящий в справедливость избранного пути, строит заводы и фабрики, возводит плотины, создает электростанции, открывает новые университеты и школы. Эти люди совершают великое чудо — страну, искалеченную двухсотлетним чужеземным господством, преобразовывают в промышленно развитую. Нелегкое это дело, и немалые силы нужны, чтобы претворить эти планы в жизнь. Людям труда нужен мир. Мечтает о нем весь индийский народ. Он позволит ему покончить со следами колониализма и построить лучшую жизнь.

Из окна корпункта мне видно, как споро и тщательно работает каменщик. Мелькают в его руках кирпичи, постукивает мастерок. Не для того трудится мастер, чтобы кирпичный дом, который он возводит, оплавился от атомного огня. Человек строит ради жизни на земле. Его стране нужен кирпич, нужны строители. И сотни тысяч прибавляются их в стране с каждым новым поколением.

ОТ БАТАРЕИ КЛАЙВА ДО КАФЕ «ТАШКЕНТ»

В Мадрасе пишут карандашами «Лунник», электричество включают рубильниками «Спутник», пьют прохладительный напиток «Фруйтник», занимаются в уни-

верситете русским языком, а в порту часто стоят корабли под советским флагом.

Мадрас — город сравнительно молодой. Он вырос вокруг форта св. Георга, одной из первых опор английских колонизаторов на земле Индии. Когда-то форт стоял на берегу моря, а теперь оно ушло от его стен километра на два. Форт осел и уже давно никому не страшен. Сейчас на его территории расположена резиденция правительства штата. Примерно в двух милях от него, там, где кончается территория Мадрасского порта, стоит небольшое укрепление. Над воротами — серым по черному надпись: «Батарея Клайва». Того самого Клайва, которого придворные историографы британского колониализма возвели в ранг национального героя и чуть ли не великого полководца. Но стоит посмотреть на его портрет — живописный ли, скульптурный ли, — и перед глазами, несмотря на все старания портретистов, встает эдакий купчина, для которого нет ничего святого, кроме собственного кармана. Гедаром он так умилялся своей скромности. Его «подвиги» вывели из себя даже многотерпеливый британский парламент тех дней, и он потребовал от Клайва отчета. Тогда он заявил:

— Господа, я не перестаю удивляться своей скромности. У моих ног лежал богатейший город. Но я взял всего лишь два миллиона!

Разве это не скромно — он украл всего два миллиона, а ведь мог взять и десять! Лондонское Сити пожурило его, но в конце концов простило.

В этом укреплении, утонувшем среди жилых домов и предприятий, начиналась его карьера. Тут еще сохранились пушки, но они никого не могут испугать и всего лишь служат довольно оригинальным декоративным элементом. Вокруг растут цветы, из-за них даже не видно пушек. Теперь здесь размещена резиденция и контора заместителя главного инженера Мадрасского порта. Город поглотил батарею Клайва. К западу от нее расположились рабочие кварталы и торговый район. Совсем недавно частные дома и предприятия старались держаться подальше от крепости и фортов.

— Эй-я! — кричит рыбак, борясь с волной.

Повинуясь крику, десять его товарищей, полуобнаженных и опаленных солнцем до угольной черноты, вытягивают на полметра-метр свой конец сети. А мет-

ров через пятьдесят от первого еще один рыбак, выныривая из горько-соленой пены прибоя, тоже кричит свое «Эй-я!». И еще другие десять таких же рыбаков вытаскивают на полметра-метр свой конец сети. И тянут они и четверть часа, и полчаса, и час.

Однако уже виднеются два поленца, обозначающие начало мотни. И тогда несколько рыбаков бросаются в воду и изо всех сил бьют руками по воде, чтобы рыба не ушла из сети. Но нет-нет, да и брызнет мимо их рук серебряный фонтанчик рыбы. Уже подтянута мотня на мелкое место. Еще два рыбака стремглав бросаются в воду с длинным шестом, пропускают его под горловину мотни. Они запирают сеть. После того как мотня отцеплена от тяжей, остальные кидаются им на помощь. Улучив момент, когда набегаёт волна, рыбаки с ее помощью вытаскивают сеть. Через густые ячейки сети пробивается мелкая рыбешка — она серебрится, прыгает по песку, спешит вернуться в родную стихию.

Но не тут-то было. Пока тянули сеть, уже собрались рыбаки с корзинами — предстоит дележ. Вслед за матерями прибежали маленькие ребятишки. На них нет никакой одежды — ее не полагается носить до семи лет. Они не дают вывавшейся из сетей рыбе снова уйти в море. Пока вытаскивали сеть, над ней кружили чайки и на лету хватали что могли — возле людей им делать нечего. Вместо белых чаек на берегу кружат черные голодные вороны, спорящие с ребятами из-за живых серебряных пружинки, отчаянно пытающихся добраться до воды. Наконец, кошель на берегу. Его раскрывают. Иной раз, несмотря на многообещающий вес, рыбы в нем оказывается мало, зато много медуз. Иногда он полон рыбы — сардины и тунец, маленькие акулы и скат. В шуме споров идет дележ. Одни сразу же несут свою долю на рынок, другие отдают рыбу перекупщикам, которые платят вдвое, втрое меньше, чем на рынке, но зато рыба не успевает испортиться, да и время экономится.

Все это происходит перед одной из красивейших набережных мира — перед Мариной, почти в центре города. В начале ее стоит скульптурная группа «Триумф труда», созданная замечательным мастером Роем Чоудхури. Несколько истощенных, опаленных солнцем до угольной черноты людей с помощью бревна пытаются поднять громадную каменную глыбу. Это триумф труда, победа человека над природой. По несколько раз в

день потомки героев Роя Чоудхури — мадрасские рыбаки — одерживают подобные победы. Но время ждет других триумфов, и они наступают.

Мадрас — промышленный город. До сих пор здесь действует одно из старейших в Индии промышленных предприятий, «Бакингэм энд Карнатак миллз», — текстильный комбинат, насчитывающий более 14 тысяч рабочих.

В городе много современных промышленных предприятий, в том числе Перамбургский вагоностроительный завод. Построенные на нем железнодорожные платформы бегают и по нашим дорогам. Теперь промышленные предприятия в основном располагаются в предместьях. Существенный вклад в поток энергии, необходимый для них, вносят построенные с советской помощью ТЭЦ Нейвели и Меттурская ГЭС. В Мадрасе производят автобусы и мотоциклы, ткани, консервы, удобрения, предметы домашнего обихода и многое, многое другое.

У моего друга Эллумалаи родилась дочь — седьмой по счету ребенок в семье. Он живет недалеко от батареи Клайва. Высоко в небо возносит свою башневидную крышу храм, тот самый, который изображен на гербе штата Тамилнаду. Сразу же за его каменной оградой, выкрашенной в шафранные и белые полосы, начинается улица, по которой расположены двух-трехэтажные дома. Фасад дома Эллумалаи выглядит довольно нарядно. У крыльца меня уже ждал сам хозяин. Мы обнялись, и он повел меня в свое жилье. Мы шли по длинному коридору первого этажа: направо — маленькие комнатенки метров по 7—8, налево — перед каждой комнатой примерно такого же размера дворик. В комнатах спят и едят, в двориках — стряпают и стирают. Мы дошли почти до конца коридора, и тут он остановился и сказал:

— Здесь я живу.

Шестеро ребятишек Эллумалаи с удивлением разглядывали меня. Я вошел в комнату и сразу же в глаза мне бросился портрет В. И. Ленина. Портрет вождя висел на самом видном месте.

За всю свою жизнь хозяин не нажил никакого богатства, все, чем он владел, — это кое-какая одежда всех членов его семьи, да еще начищенная до блеска

кухонная утварь, аккуратно сложенная во дворике. Он работал в порту бригадиром грузчиков. Активный член профсоюза, лет пятнадцать назад он вступил в Компартию Индии. Его бригаде часто приходится разгружать советские корабли — машины и оборудование для предприятий, строящихся в Индии с помощью СССР, а также продовольствие и зерно. Он человек энергичный, решительный, оперативный.

Вокруг нас собрались обитатели длинного коридора. Мы вели беседу о насущных проблемах современности, о повседневных заботах индийцев. Эллумалаи и его соседей интересовали буквально все события, происходящие и в Индии, и в других странах. В газетах они видели фотодокументы, свидетельствующие о преступлениях американской военщины против других народов. Они были потрясены изображением ухмыляющегося детины из морской пехоты США, который выгонял тщедушную старуху из ее дома (она, как гласила подпись под фотографией, подозревалась «в связях с партизанами»). На другой фотографии были изображены несколько крепких молодцов, взявших в плен... мальчугана — тоже по подозрению в связях с партизанами. В то же время с экранов некоторых мадрасских кинотеатров в регулярно демонстрируемой американской кинохронике американский президент постоянно воркует о ...мире. Не верили в Мадрасе этим его словам. Не верили потому, что именно здесь, в Мадрасе, индийцам уже приходилось сталкиваться с прямым вмешательством американцев во внутренние дела Индии. Тревожная обстановка создалась и на Ближнем Востоке. Эллумалаи сказал мне:

— Мы сумели прекратить военные действия с Пакистаном и подписали Ташкентскую декларацию. Теперь дело только за тем, чтобы точно ее выполнять. Но разве не могут ее принципы быть приложимы в других районах?

— Конечно, могут — ответил я ему и соседям. — Для того чтобы их осуществить, нужна добрая воля, взаимопонимание всех народов, ведь нет в мире страны, которой война принесла процветание.

Я тепло попрощался с моим другом и его соседями и пошел вдоль тихой улицы. За поворотом находится гостеприимное кафе «Ташкент». Около него плакат с приглашением: «Еда на столе — заходите, садитесь и ешьте!»

Гунтур расположен не так уж далеко от Мадраса, но дорога туда нелегкая, особенно если приходится преодолевать участок от Онголе до Гунтура от 7 часов 30 минут до 8 часов утра. Шоссе запружено работницами, спешащими на табачные фабрики (подчас они расположены километров за десять-двенадцать от их деревень). Бойкие белозубые девушки в дешевеньких пестрых сари торопятся попасть на фабрики до гудка. Они двигаются быстро, грациозно, а на головах несут начищенные до блеска судки. Утренний ветерок раздувает концы сари за их плечами, и однообразное шоссе обретает неожиданную красоту. Почти все время оно идет среди табачных плантации, продукция которых помогает стране пополнять фонды иностранной валюты. Но в Гунтур меня влекло вовсе не желание изучать перспективы развития табачной промышленности Индии, а совсем иное...

Несколько месяцев назад в Дели мои друзья-журналисты показали мне брошюру «Новая Россия» Постгейта и Джексона, вышедшую на английском языке в Мадрасе в 1922 г. Факт издания такой брошюры в то время в Индии весьма знаменателен. Английские колониальные власти, прямо скажем, не жаловали тех, кто пытался говорить правду о молодой Советской Республике. Но не менее интересно и другое. Предисловие, написанное индийским журналистом Г. В. Кришна Рао, содержало призыв к организации помощи голодающим Поволжья. Кто он, этот человек? Какова его судьба? Мои мадрасские коллеги приняли горячее участие в поисках сведений о Рао. Уже через несколько дней стало известно, что в 20-е годы он действительно работал в Мадрасе. Вскоре также выяснилось, что он живет в Гунтуре.

Я решил отправиться туда и, если этот человек действительно жив, попытаться отыскать его. За полчаса до отъезда мне позвонили из редакции газеты «Мэйл» и сообщили (предположительно) адрес Рао. Хотя Гунтур небольшой городок (в нем проживает около двухсот тысяч жителей), но отыскать нужную улицу здесь нелегко. Она затерялась в старой его части. Я оказался возле неказистого одноэтажного дома с побеленной наружной стеной, пламенеющей от заката. Три ступеньки

вели к двери дома. Но та ли это дверь? Живет ли тут тот, кого я ищу?

Дверь была незаперта — сюда часто приходят друзья, соседи, знакомые, чтобы потолковать о жизни, о повседневных заботах и радостях, о новых ценах на рис. Сам хозяин уже давно не участвует в политической жизни — не позволяет здоровье, — но он по-прежнему живо интересуется всем происходящим в стране и на планете. Я объяснил хозяину цель моего визита, все еще опасаясь, что он вовсе не тот, кто мне нужен.

— Да, это я написал предисловие к брошюре «Новая Россия», — сказал мне хозяин дома, одетый в домотканую рубаху. За стеклами больших очков искрились умные стариковские глаза. Просто не верилось, что я все же нашел автора предисловия. Но больше всего меня потрясла его фраза:

— За год до выхода в свет этой брошюры, в 1921 г., я опубликовал биографию Ленина. Жаль, что первое ее издание не сохранилось. Но у меня есть экземпляр второго, расширенного.

Он подошел к книжному шкафу и достал брошюру в побуревшей от времени обложке.

В ней всего 84 страницы, 53 из них посвящены собственно биографии В. И. Ленина, а остальные — двум ленинским работам. Первая из них — «Тезисы и доклад о буржуазной демократии и диктатуре пролетариата 4 марта», вторая — «О большевизме». Насколько мне известно, это первая публикация работ В. И. Ленина в Индии.

Кое-какие даты и факты в биографии неточны, но ведь это же издание 1921 г.! Г. В. Кришна Рао рассказал, какой это был скрупулезный труд — собрать достоверные сведения о жизни В. И. Ленина, как ему повезло добыть фотографию Ильича. Он поведал мне еще и о том, что состоял в переписке с деятельницей английского коммунистического движения Сильвией Панкхерст, от которой в 1919—1921 гг. получал материалы и документы Коммунистического Интернационала.

Возвратившись в Мадрас, я прочел эту брошюру от первой до последней строки, не отрываясь. Каковы бы ни были огрехи, допущенные при ее издании, они вполне понятны и объяснимы в условиях того времени. В ней дана объективная оценка деятельности великого вождя. В предисловии к биографии В. И. Ленина Г. В. Кришна Рао писал: «Никто не станет отрицать, что на пути мо-

лодой Советской Республики много опасностей... Однако необходимо признать, что освобождение рабов изменило все направление современного мышления и, безусловно, изменит ход событий грядущих столетий, и послужит основной их причиной. От могучего молодого народа, окрыленного благородными идеалами революции, потекут новые потоки жизни в другие страны мира и придадут уверенность труженикам всех стран в их стремлении объединиться под знаменем коммунизма, под которым уже одержаны первые великие победы. Истинно, русская Революция написала на стенах всего мира, что дни деспотизма сочтены!»

Уже в те далекие времена Г. В. Кришна Рао смело выступил против клеветы на коммунистов, на В. И. Ленина, против тех, кто говорил, что коммунисты «прибегают к насилию ради самого насилия». «Заявлять,— писал Г. В. Кришна Рао,— будто В. И. Ленин защищает насилие потому, что хочет, чтобы оно свершилось,— это значит клеветать на него. В. И. Ленин отвергает насилие не в меньшей степени, чем М. Ганди. Однако, если деспотизм использует насильственные методы, В. И. Ленин не колеблясь отвечает на это теми же методами и добивается с их помощью победы. Он знает, что борется за счастье пролетариата, и готов отдать свою жизнь во имя блага трудящихся всего мира».

Автор первой опубликованной в Индии биографии В. И. Ленина был одним из активных членов партии Индийский национальный конгресс. Он избирался в ее высший орган — Всеиндийский рабочий комитет конгресса. В 1934 г. он вышел из партии в знак протеста против уступок английским колониальным властям со стороны руководства партии. Он не коммунист и никогда им не был. Но он убежден, что Россия и сегодня продолжает идти верным путем, указанным В. И. Лениным.

— У нас страны разные, разные условия. Для того чтобы мы стали на тот же путь, должны произойти известные процессы,— сказал он.

Я спросил его, что он думает об отношениях между Индией и Советским Союзом.

— Советский Союз — страна социалистическая, и уже это объясняет его отношение к Индии и другим развивающимся странам. Ваша дружба великодушна и щедрa,— ответил Кришна Рао.

Так в небольшом индийском городке Гунтуре мне

посчастливилось встретиться с Рао, бросившим в 1921 г. вызов английскому империализму, человеком, дважды издавшим биографию В. И. Ленина, первую биографию великого вождя, написанную индийцем.

Эта встреча получила свое продолжение после того, как я рассказал о ней в «Правде» 22 апреля 1968 г. Мне пришло несколько писем от индийских друзей, в которых говорилось о том, что переводы произведений К. Маркса и Ф. Энгельса появились на языке малаялам уже в 1912 г., а книга о коммунизме (500 страниц!) была опубликована в 1919 г. в городе Бенаресе. В ней специальная глава посвящена рассказу об Октябрьской революции и о большевизме. В этих письмах сообщалось и о том, что к брошюре Г. В. Кришны Рао широко обращались авторы, писавшие на национальных языках, как к источнику сведений о В. И. Ленине.

У СИНИХ ГОР

У южноиндийского пейзажа — свой колорит. Это жнущие рис крестьянки в пестрых сари; волы, тянущие плуги по залитому водой полю; покрытые сплошь затейливыми скульптурами высокие *гопурамы* — крыши храмов, неожиданно вырастающие среди пальмовых рощ; провода высоковольтных передач, стремительно перелетающие с одной серебристой опоры на другую. Кое-где видны холмы и горы — следы древних разломов земной коры. Города с растущей промышленностью, такие, как крупнейший текстильный центр юга Индии Коямпуттур (Коимбатур), тоже входят в привычный южноиндийский пейзаж.

Когда подъезжаешь к Коимбатуру со стороны Мадурай, создается ощущение, что небо за ним становится все синее и, наконец, прорезается довольно четкими очертаниями горного хребта Нильгири — «Синих гор». Горы кажутся сине-голубыми даже тогда, когда взбираешься на лесистые склоны какой-нибудь из них.

Нильгири — не просто красивый уголок Индии. Здесь среди синих гор, под синим небом еще, к сожалению, не до конца стерт следы колониализма. На склонах гор, иной раз чуть ли не на отвесных обрывах, разбросано множество чайных плантаций. Более 65 процентов из них принадлежат либо индийским, либо

индийско-английским компаниям, а остальные пока еще оставались английскими, как, например, широко известные «Брук Бонд» и «Липтон». Последняя компания больше американская, чем английская.

На высоте около двух тысяч метров расположен уютный городок Утакаманд, сохраняющий еще в большой мере облик английского курорта. Перед входом в ботанический сад и в других местах города стоят бронзовые пушки, отлитые неким Бирнсом в Кассипуре в 1855 г. Возможно, из этих пушек стреляли по участникам национального восстания 1857—1859 гг. Недаром в городе есть улица, названная именем генерала Хэвелока, одного из палачей восстания. Имеется несколько англиканских церквей и миссионерских школ. Для местных миссионеров известие, что их собеседник — из Москвы, было равно удару грома среди ясного неба. С одним из таких миссионеров, который начал было обращать меня в христианскую веру, состоялся довольно любопытный разговор.

— Если вы не верите в бога и спасение души, что же вы будете делать после смерти?— спросил меня мистер Вольф.

Я ответил, что ничего делать не собираюсь, а обо всем остальном позаботится сама природа. Я заметил, что смерть встречу с чистой совестью.

— А как же душа?— воскликнул он.

— Душа? У людей обо мне останется память о том добром, что я успел сделать при жизни, мои работы. Разве этого мало?

Мистер Вольф все-таки продолжал настаивать, что я должен следовать заветам Иисуса Христа. Мне пришлось возразить ему:

— Вам не кажется странным, что почти за две тысячи лет своего существования христианство не только не принесло людям ни «мира на земле», ни «в человеках благоволения», но и, напротив, способствовало, как, впрочем, и другие религии, войнам и распрям?

— Не равняйте христианство с другими религиями. Христианство — вера истинная.

— А какая религия не заявляет о своей истинности? И во что обходилось, да и нынче обходится человечеству утверждение об «истинности»? Разве не американские христиане в наши дни бесчинствуют в других странах, несут смерть и старикам и детям, ни в чем не повинным людям?

— Отказываясь от спасения души, вы отказываетесь от подлинного счастья.

— Мы — за счастье на земле. И не надо говорить о нас, как о примитивных существах, думающих лишь «о хлебе едином». Да, не хлебом единым жив человек. Но разве может быть большее счастье, чем знать, что усилиями твоей страны, твоего народа разбито фашистское чудовище, установлен мир между враждовавшими странами, оказана эффективная помощь людям, строящим новую жизнь, одержаны величайшие победы над природой? И к тому же сознавать, что и ты участник великого дела преобразования жизни!

Несмотря на весь свой миссионерский пыл, мистер Вольф вынужден был признать, что не слова, а практика доказывает истинность, а коммунисты действительно верны своим идеалам, которые соответствуют интересам человечества.

Мистер Вольф по-прежнему руководит миссионерской школой, преподает закон божий и учит тому, что каждый должен быть доволен своим уделом. Сам он живет довольно скромно и вынужден считать копейки, экономить, тем трогательнее его истовая учительская добросовестность — слишком много надуманного в учебниках, которыми он пользуется. Его жена — преподаватель в той же школе. Она в отчаянии от противоречий между тем, чему ей приходится учить людей, и тем, что она сама думает. После нашего случайного разговора на улице мистер Вольф с женой, сыном и их другом, молодым англичанином, однажды вечером пришли к нам в гостиницу. И снова разговор зашел о том, существует ли свобода религии в Советском Союзе, есть ли проблема цветных, каковы идеалы коммунистов, каков «коммунистический рай» и о многом другом. Госпожа Вольф высказала довольно любопытное суждение, и я понял, что ее терзают сомнения:

— Мы с мужем уже пожилые люди, — сказала она. — Мой личный опыт говорит, что не может быть иной свободы, кроме слияния с нашим Спасителем. И все-таки почему-то нет у меня удовлетворенности. Почему? Я завидую вам, вы уверены в том, что говорите.

Трудно разрешить подобные сомнения еще и потому, что мучали они истинную труженицу.

Мы беседовали более двух часов, и молодые люди явно с пониманием относились к идеям коммунизма. И хотя разговор носил острый полемический характер,

с гостями мы распрощались сердечно. На прощание мистер Вольф сказал:

— Конечно, мы не можем согласиться со всем, что вы сказали, но поговорить с советским человеком — для нас великая честь.

Когда его семейство уже вышло, молодой англичанин крепко пожал мне руку и сказал:

— Не сердитесь на него. Нам, молодым, проще понять вас.

На следующее утро мы покинули город еще до восхода солнца. На высоте двух тысяч метров над уровнем моря по ночам так прохладно, что пришлось надеть шерстяную одежду. Равнина еще спала в утренней дымке, а Коимбатур — город текстильщиков — уже начинал свой обычный день. Розовые блики зари освещали фабричные трубы, верхушки пальм, будили тех, кто еще спал. Начинался трудовой день и для нас — к 8 часам утра мы должны были прибыть на прядильную фабрику. Работа на текстильных фабриках в нашей стране — в основном прерогатива женщин, в Индии же на таких фабриках заняты большей частью мужчины.

Трудно живетесь многим рабочим в Индии. Причин для этого много. И самая первая из них — еще не преодоленная промышленная отсталость страны. Коимбатурская текстильная промышленность, например, убедительно об этом свидетельствует. В самом деле, подавляющее количество фабрик города и округа (подчас хорошо оборудованных и с высокой производительностью труда) заняты производством пряжи для... кустарей. Вернемся на двадцать лет назад, чтобы увидеть социальные конфликты, которые во многом не изжиты и сейчас. Тогда довольно резко упал экспорт кустарных индийских тканей. А они удивительно красивы и очень качественны. Предприниматели под шумок уволили пять тысяч рабочих, закрыли ряд предприятий. Несколько мелких фабрик было скуплено магнатами, объявлены локауты. Удивительно, но доходы у предпринимателей с 1959 до 1965 г. выросли в два с половиной раза. На 1965 г. чистый доход почти для половины текстильных фабрик юга Индии составлял от 16 до 29 процентов. Профсоюзы округа Коимбатур считали, что кризис — явление не стихийное, а дело рук предприни-

мателей, пытающихся таким образом вынудить правительство пойти на уступки, в частности на предоставление беспроцентных займов. И такие картины можно было наблюдать повсеместно.

Мы оказались гостями такого предприятия, устойчивое положение которого продолжало сохраняться. Фабрика была построена всего несколько лет назад и оборудована совершенными для того времени станками на 26 тысяч веретен. Мы с удовольствием отметили, что на этом предприятии работают советские станки с маркой «Ташкент». Нас принял у себя в кабинете директор фабрики и радушно угостил ароматным южноиндийским кофе. Он — довольно типичная фигура на таком предприятии. Оказывается, длительное время директор занимался в деревне ростовщицеством. В конце концов это занятие принесло ему изрядный капитал. Правда, он несколько стыдливо умолчал о его размере. Во всяком случае, эти деньги дали ему возможность стать одним из директоров компании, владеющей тремя фабриками. Он сказал, что государственному сектору в текстильной промышленности делать нечего, и поэтому возражал против передачи закрытых владельцами предприятий правительству, чего требовали профсоюзы. Зато он был абсолютно уверен, что государственный сектор обязан обеспечивать фабрики электроэнергией, сырьем, станками, топливом.

— Тяжелая промышленность должна оставаться в руках государства, — решительно заявил он.

Эти слова — вовсе не свидетельство прогрессивности его образа мыслей, — здесь действовал простой хозяйственный расчет.

— Мы ждем, чтобы эти деньги — наши деньги! — использовались разумно.

Он одобрял широкое экономическое сотрудничество Индии с Советским Союзом — это выгодно для индийской стороны. Что касается его самого, то он считает, что главное — надежность, прочность и прибыльность предприятий, а те, которые построены с помощью СССР, этим требованиям как раз и отвечают.

ЗАДУМАВШИЙСЯ ГОММАТА

Восемь веков стоит призадумавшись Гоммата. Он так погружен в глубокое раздумье, что не заметил, как

лианы оплели его тело, а хлопотливые муравьи построили у его ног муравейник. Так скульптор X в. выразил глубину и величие сосредоточенной человеческой мысли. Недавние колонизаторы и прочие любители легкой наживы хотели бы, чтобы и сегодня индийский народ пребывал в такой же задумчивости и не замечал, как пытаются оплести его лианами лицемерной дружбы или, подобно термитам, разнести народное достояние по кусочку, по зернышку. Но мысль рождает действие, а действие будит мысль.

Сюда, на вершину гранитной глыбы, доносится дробный стук молотков. Это кустари-латунщики — они зарабатывают свой хлеб насущный. Только к ночи смолкает стук. Но даже глубокой ночью не замирает работа множества предприятий тяжелой и легкой промышленности штата Карнатака. В основном промышленность выросла здесь за время независимости. В округе Шимога находится один из старейших в Индии металлургических заводов, когда-то построенный концерном Тата, а теперь он принадлежит государству.

Округ Шимога примечателен еще и тем, что именно тут шла долгая и ожесточенная борьба трезвой, материалистической мысли против обскурантистской средневековой идеологии. Именно здесь есть надписи, относящиеся к X—XV вв. н. э. Они донесли до нас отзвуки острой идейной борьбы материалистов с их противниками, отголоски драмы идей, имя которой — история индийской философии. Действительно, в ту пору не было для материалистов в жизни достаточно прочной основы, и феодальная идеология восторжествовала. Сегодня же все настойчивее ощущается потребность в трезвом, материалистическом подходе к жизни и даже с газетных страниц раздается иногда призыв: «Где ты, новый Чарвака?» А Чарвакой звали основателя индийского материализма.

ОТ ЯКУТИИ ДО КОЛАРА

Пусть читателя не удивляет такой заголовок. Вскоре ему все станет ясно. А пока вернемся в штат Карнатака и расскажем о том, что недра его еще недостаточно изучены. Здесь все началось с добычи золота. Еще в 1804 г. англичане послали специального офицера на ро-

зыски месторождений золота. То ли геолог оказался неважным, то ли ему что-то помешало, но промышленная разработка золота в этих краях началась лишь в 80-х годах прошлого века.

Инженер-геолог наших дней показал нам кусочек кварца с двумя словно впаянными в него полосками золота.

— Конечно, это весьма редкий случай. А вот такая руда встречается чаще,— сказал он и показал кусок черно-серого кварца с легчайшим золотистым налетом.— Теперь посмотрите обогатительную фабрику. Там вы увидите ту руду, на которой и работает наше предприятие.

Из шахт по транспортерам поступает на фабрику непрерывным потоком руда, тот самый черно-серый, словно припорошенный пылью, кварц. Разговаривать тут совершенно невозможно. Грохот стоит невероятный. Мы оказались между двумя громадными барабанами, грызущими, дробящими, крошащими руду. Из барабана в барабан — и руда все больше крошится, измельчается, превращаясь чуть ли не в пыль, и вот тогда-то поток воды выносит ее на лотки, где она должна оставить на ворсистых подстилках драгоценные крупички. Но и на этом дело еще не заканчивается. Темно-серая вода уходит отсюда в специальные отстойники — ей предстоит в электролитах отдать все то золото, которое она могла унести с собой.

— Сколько же золота содержится в этой руде? — заинтересовался я.

— О, очень много! — ответил геолог. — Семь граммов на одну тонну породы. Пойдемте на шахту.

Подняться на десять тысяч метров в наши дни — дело вполне обычное, а вот спуститься на три тысячи метров? Здесь такое возможно. Говорят, будто это самая глубокая шахта в мире. Спускаемся в шахту. Классическая двухъярусная клеть: мы находимся наверху, внизу — порожние вагонетки. Звонок — и с той же скоростью, с какой на соответствующую высоту поднимается современный самолет, мы падаем на дно шахты, туда, где природа сотни миллионов лет назад спрятала свои сокровища. Мы выходим из клетки. В обе стороны тянется длинный просторный мрачноватый коридор — что-то вроде необлицованного туннеля метро.

Инженер провел нас через три тяжелые бронированные двери в боковой штрек. Мы переходили из отсека в

отсек — становилось все жарче, и, когда уже и дышать стало почти нечем и пот заливал глаза, наш спутник остановился и спокойно сказал:

— Отсюда мы и получаем руду. Сейчас перерыв между сменами. Поэтому мы и смогли сюда заглянуть.

— Сколько времени длится смена? — поинтересовались мы.

— Шесть часов, — был ответ.

Действительно, очень тяжело достаются людям крупинцы золота, такого прекрасного и такого нужного стране!

Теперь о Якутии. Английская компания «Лена голдфилдс», эксплуатировавшая Ленские золотые прииски, была родной сестрой другой английской компании — «Майсур голдфилдс». Одни и те же хозяева беспощадно эксплуатировали рабочих на Ленских приисках и в Коларских рудниках Карнатаки. Одни и те же руки правились с забастовщиками — на Лене — с помощью нарских сатранов, в Коларе — с помощью махараджи и его приспешников.

Правда ли, что запасы Колара истощаются? — спросили мы.

Мой спутник отрицательно качает головой.

Я не согласен с этим мнением. Нужны более тщательные работы по изучению этого района, как и других с близкими ему геологическими структурами.

ЧЕТВЕРО БРАТЬЕВ И ДВАДЦАТЬ ТЫСЯЧ СТРОИТЕЛЕЙ

За окном автомобиля пробегают поля и холмы, ажурные фермы несут на торжествующе воздетых к небу руках провода высоковольтных линий — разносят энергию от гидроэлектростанций Тунгабhadра, Шаравати и других к предприятиям. Каналы с уверенностью питаются от этих ГЭС обильной водой и отдают ее полям. Долина Тунгабhadра стала важным центром экономического развития штата Карнатака.

День выдался необычайно холодный — над водохранилищем нависли тяжелые тучи, подул холодный ветер, о плотину разбивались высокие мутно-желтые волны. Холмы, окружающие водохранилище, словно растворились в тучах, из которых лил беспощадный ливень. В

такие дни с трудом верится, что в Индии случаются засухи. И еще труднее поверить в то, что всего лишь соток лет назад эта цветущая долина была ничем не радовавшей глаз степью. Тогда здесь стояла деревня Хоспет в сто дворов. Теперь тут расположен город с пятьюдесятьютысячным населением; люди трудятся на гидроэлектростанции и ирригационных сооружениях, на разработке железной руды, на промышленных и транспортных предприятиях.

В Индии постоянно сталкиваешься с тем, как далекое прошлое органически вплетается в настоящее. Вот, например, каналы в штате Карнатака. Их четыре, и три из них — совсем молодые, они как братья, которым всего лишь по двадцать лет. А вот четвертому их брату — уже полтысячи лет. Он родился примерно тогда, когда в Индии побывал Афанасий Никитин. Крестьяне, жившие на землях долин рек Тунги и Бхадры, возвели у их слияния по велению правителя средневековой империи Виджаянагар плотину из земли и камня и отвели в сторону столицы царства канал. Он и сейчас несет свою добрую незаметную службу. Вполне понятно благодарное к нему отношение со стороны тех, кто строил одно из первых ирригационно-энергетических сооружений независимой Индии — комплекс Тунгабхадры. Возведя величественную плотину, проложив здесь три новых мощных канала, строители не забыли о древнем Виджаянагарском канале — в теле плотины был предусмотрен специальный сток для питания его водой. Сбережен памятник трудовых усилий людей, соорудивших канал пятьсот лет назад. Так прошлое служит настоящему. А на западном конце плотины высится скромный обелиск, поставленный в честь героического труда двадцати тысяч строителей — рабочих, техников, инженеров — людей, возводивших эту плотину в XX в. и переместивших миллионы кубометров грунта и горных пород.

ДРУЖБЕ ПЯТЬСОТ ЛЕТ

Если вы приедете в Бидар — вас здесь всегда тепло встретят. Именно тут провел долгое время наш славный земляк Афанасий Никитин. Оживают страницы его книги «Хождения за три моря», когда проходишь сквозь

массивные ворота некогда могучей цитадели, опоры правителей Бахманидского царства, и бродишь по оживленным улицам и площадям этого небольшого по нынешним масштабам города. Когда-то Бидар был столицей. Это и сейчас видно по величественным стенам крепости, по многочисленным памятникам старины. Их бережно охраняют. Бидар лежит в стороне от туристских маршрутов. Но и сюда приезжают советские люди, работающие на объектах советско-индийского экономического сотрудничества. А как встречают здесь советского человека! Мне довелось это испытать на себе.

Не близок путь от плотины Тунгабхадры до Бидара — без малого четыреста километров и, значит, добрых восемь-десять часов езды на машине. Мы остановились возле бензоколонки «Индиан ойл». Необычный вид «Волги» привлек внимание водителей и любопытных, собравшихся у бензоколонки, — самого надежного на индийских дорогах справочного бюро. Хозяин бензоколонки, узнав, что мы ищем представителя «Пресс информейшн бюро», сообщил, что нас уже ждут, и предложил пройти в здание «Сельскохозяйственного кооперативного банка», где можно подождать, пока найдут нужного нам человека.

Визит в банк был экспромтом, но тем не менее интересным. Вопросы кредитования и финансирования развития сельского хозяйства в Индии весьма остры и в наши дни, не говоря уже о первых десятилетиях независимости. С законной гордостью председатель банка рассказал, что оборот с 1947 до 1967 г. вырос от ста тысяч рупий в год до сорока миллионов. Среди клиентов, кроме различных фирм, потребительских и кредитных кооперативов, а также тех, которые занимаются сбытом товаров, появилось четыре товарищества по совместной обработке земли. Банк оказался способен финансировать строительство первого в округе крупного промышленного предприятия — сахарного завода.

Прежде чем отправиться с визитами, нам надо было хотя бы часок отдохнуть. Мы собирались отправиться сначала в муниципалитет, но неожиданно в гостиницу приехали почти все его члены. Среди них оказался человек, который в свое время присутствовал в городе Калинине на открытии памятника Афанасию Никитину. Он сохранил самые теплые воспоминания о пребывании в СССР, о тех чувствах искренней дружбы, которые испытывают советские люди к индийскому народу.

Председатель муниципального совета предложил нам посмотреть город и крепость. Мы с удовольствием согласились. Основные памятники сосредоточены в самой крепости — и мы поднялись на крепостную стену. Здесь, на нескольких башнях, стояли громадные кованые пушки. Они бездействуют давным-давно. Внизу под крепостной стеной простиралась необозримая равнина, расчерченная на квадратики полей. Кругом виднелись следы разрушений — могучие стены крепости и укрепления оказались бессильны перед всеокрушающей силой времени.

На обратном пути мы миновали странное, словно расколотое пополам здание. Оно действительно было расколото. А произошло это так: у правителя Бидара главным министром был Махмуд Гаван. Он понимал, что для процветания государства необходимо укреплять хозяйство, помогать крестьянам. Он содействовал развитию просвещения, построил медресе, традиционное мусульманское учебное заведение. Завистливые придворные оговорили Махмуда Гавана, и он был казнен султаном, а здание медресе превратили в пороховой склад. То ли в него ударила молния, то ли кто-то пошутил с огнем, но от медресе уцелела лишь одна часть да минарет. На этих руинах до сих пор можно увидеть черный налет пороха, память о недалёковидности правителя. Мы въехали в город через крепостные ворота — возле них с того самого времени, как они были построены, располагаются ряды лавчонок, кустарных мастерских. Одна из них — мастерская, где изготавливают так называемые *бидри*. Всякого, кто приезжает в Индию, привлекают бидри — самые разнообразные декоративные изделия из черного металла с серебряной насечкой, отличающиеся строгой красотой, безошибочным, высокохудожественным вкусом и сравнительно невысокой ценой. Название свое эти изделия получили по имени города Бидара, где их начали выделывать.

Мы вошли под сумрачные средневековые своды и попросили показать, как изготавливают эти действительно высокохудожественные изделия. Мастера стали наперебой объяснять, как они делаются, но самый старший из них остановил товарищей:

— Не надо столько слов. Давайте лучше покажем, как это делается.

И он взял в руки невзрачную шкатулку из какого-то серого, тусклого, совершенно неинтересного на вид ме-

талла и сел на пол, скрестив ноги. Перед ним стояла наковаленка, а на ней моток серебряной проволоки и молоточек. По еле заметным линиям заранее нанесенного узора точными, короткими ударами мастер вбивал кусочки проволоки в шкатулку. Наконец рисунок выполнен, и шкатулка перешла в руки другого мастера, который слегка ее отшлифовал и протер (в этом-то и заключался секрет изготовления) особой глиной, которую, по словам мастеров, можно найти лишь неподалеку от Бидара.

Затем шкатулка перекочевала в руки еще одного мастера, который опустил ее в предварительно раскаленную чашу и полил кислотой. Какой? Опять-таки профессиональный секрет. Очередной мастер бросил еще грязную шкатулку в лохань с холодной водой, затем вынул, протер и передал следующему, а тот с потеплевшими глазами вскоре протянул нам на раскрытых ладонях очередное художественное творение, запечатлевшее гений народа. К традиционному узору мастер на шкатулке бидри от себя добавил еще несколько слов — *Совият рус зиндабад!* («Да здравствует Советская Россия!»)

Как жаль, что ни на бидри, ни на изделиях из слоновой кости и других произведениях художественного ремесла не стоят имена их создателей! Мне пришлось видеть кусок слоновой бивня длиной в полметра, на котором современный ремесленник с талантом не меньшим, чем у фламандца Снейдерса, изобразил самых разных птиц Индии. Я спросил имя создателя этого произведения искусства. Мне никто не сумел назвать художника, но сообщили, что бивень стоит более двадцати тысяч рупий — в основном это плата за материал.

Когда мы вернулись в гостиницу, уже стемнело и я было огорчился, что шикуда уже больше не удастся пойти. Действительно, идти оказалось некуда, потому что пришлось принимать гостей — тех, кто пришел побеседовать с нами — советскими людьми — или хотя бы посмотреть на нас. Живо приходят на память беседы — с председателем окружной организации партии ИНК и ее генеральным секретарем, видным юристом и членом муниципального совета, журналистами, с представителями научных и деловых кругов, а также духовенства мусульманского и индусского. Каждый из них был полон искреннего желания узнать что-нибудь новое о Стране Советов.

В середине 60-х годов сотни бывших индийских князей еще продолжали получать деньги от правительства на «карманные расходы» по цивильному листу. Сами князья, вернее десятки наиболее влиятельных из них, как раз из числа тех, кому доставалась львиная доля выплат за счет государственной казны, считали, что они вправе жить за счет индийского народа и играть «решающую» роль... в управлении страной. Носители титулов, вроде «светоч Британской империи» или «верный союзник британской короны» все еще не отказывались от мысли принять в той или иной форме участие в управлении страной, аргументируя свои претензии тем, что в этом — их «первородное право». Шестнадцать князей получали доход в размере от пяти миллионов до одного миллиона рупий каждый год, десять — от одного миллиона до полумиллиона, семьдесят пять — от полумиллиона до ста тысяч. За двадцать лет независимости их содержание обошлось во многие сотни миллионов рупий, заработанных тяжким трудом индийских тружеников.

Сейчас князья, лишенные своих пенсий, занимаются предпринимательской деятельностью и тем, что называется бизнесом — многие из них стали директорами крупных банков, акционерных обществ, владеют крупными предприятиями. Правая печать, да и сами князья потратили немало усилий на доказательство своей активной роли в развитии Индии. Одним из их аргументов была деятельность бывшего махараджи Майсура по индустриализации некогда подвластного ему княжества. Возьмем официальный справочник, изданный еще в 1930 году. Там вполне откровенно сказано, что в основном мероприятия по так называемой «индустриализации» были направлены на обеспечение необходимых удобств для деятельности английских компаний, высасывавших золото из рудников Колара. За эту «индустриализацию» махарадже отчислялось каждый год пять процентов от всех доходов английских компаний. Но в период независимости их предпринимательская деятельность, несмотря на их желания и убеждения, так или иначе способствовала промышленному развитию страны. Это — один из многих парадоксов истории Индии.

Сегодня Карнатака — важный компонент промышленной карты Индии, штат, который был прежде княжеством, где сочетались феодальная пышность и, вошедшая в поговорку, нищета масс. Потребовалось двадцать лет, чтобы впервые в истории штата, где раньше был постоянный дефицит продовольственного зерна, был создан значительный товарный фонд.

В ИНДИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Люди, о которых пойдет речь, далеко живут друг от друга — их разделяет расстояние в тысячу километров, да и познакомился я с ними не в одно время. Но их роднит образ мыслей, отношение к жизни, к проблемам, стоящим перед страной, получившей независимость. Оба они — председатели союзов *панчаятов*. Это слово в Советском Союзе мало кому известно. Панчаят — форма сельского самоуправления, орган, избираемый в каждой деревне (по свидетельству официального справочника), он ответственен за организацию сельхозпроизводства, кустарных промыслов, медицинской помощи, использование выпасов, поддержание в порядке дорог, ирригационных сооружений, обеспечение начального образования и т. д. Для успеха своей деятельности они вправе использовать некоторую часть поступлений за счет местных налогов. В Индии сейчас насчитывается почти двести двадцать тысяч панчаятов. Их объединяют в союзы в среднем по сорок-пятьдесят панчаятов, что облегчает координацию их деятельности.

Быстро темнело. Краски индийского заката — это неповторимая симфония. На фоне неба чернели широкие листья кокосовых пальм. Изредка налетал ветер и тогда листья пальм скрежетали, словно жестяные. С разных сторон доносились звуки барабанов — крестьяне из близлежащих деревень шли на митинг, созданный Кисан Сабха («Крестьянским Союзом») в поддержку вьетнамского народа, борющегося против американских апрессоров. Одна колонна прошла мимо нас. Под красными знаменами, с песнями, с лозунгами, с пылающими факелами в руках, двигались люди, чьими заботливыми, натруженными руками выращивается рис, сахарный

тростник, просо. Эти люди хорошо знают, что такое земля и что она может дать. Они знают, что такое сельскохозяйственный труд. Далеко, во Вьетнаме, их братья и сестры поливали свою землю кровью, чтобы обуздать алчных захватчиков и начать строить свободную и независимую жизнь.

Рядом со мной на бетонном парапете оросительного канала сидел председатель союза панчаятов. Ему было уже далеко за пятьдесят. Я задал ему вопрос, который в те времена в Индии был у каждого на устах:

— Что вы думаете по поводу продовольственных затруднений? Может ли Индия сама обеспечить себя продуктами питания?

— Я как следует знаком всего лишь с полсотней панчаятов, еще, может быть, с округом. О всей стране сказать трудно. Земля у нас разная, да и климат тоже. Что касается нашего округа, так он всегда снабжал рисом другие районы страны. Думаю, мы можем выращивать риса намного больше.

— За счет чего же? — поинтересовался я.

— Возьмем для примера наше хозяйство. Нас пятеро братьев, но хозяйство веду я один. Два брата работают в городе, третий учится, четвертый служит в армии. У каждого есть надел в четыре акра. Если бы каждый вел хозяйство самостоятельно, то в лучшем случае еле-еле сводили бы концы с концами, да и то вряд ли. Конечно, никакой речи не могло быть ни об удобрениях, ни о машинах. Но мы объединили свои наделы — и в результате получилось уже двадцать акров. На них можно организовать смену культур и использовать технику. На наших полях теперь мы собираем процентов на десять-двенадцать больше, чем лет пять назад. Может, со стороны покажется, что это немного, но для нас существенно. А если объединить не четыре, а пятнадцать или двадцать семей? В нашем случае, например, на время уборки нужны дополнительные руки, а если объединить много семей, то работу организовать можно полностью своими силами. Надо объединяться. Сначала хотя бы только для совместных работ — пахоты, сева, уборки урожая.

Мне приходилось бывать в нескольких таких кооперативах, в которых крестьяне сообща осуществляют основные сельскохозяйственные работы. Они хорошо знают свои участки, не нуждаются в межах, делят урожай в соответствии с количеством труда, орудий

и вклад, вложенного каждой семьей. В одном из таких кооперативных обществ в описываемые здесь годы было в штате Андхра-Прадеш объединено шестьдесят семей, принадлежащих к племени, ведущему прежде полукочевой образ жизни. Кооператив существовал уже пятнадцать лет. Не такой уж большой срок, но за эти годы люди, находившиеся пятнадцать лет назад на грани вымирания, добились определенного достатка. Об этом племени говорили, что вообще ни к какой крестьянской работе они не способны. Но люди доказали, что могут преодолеть веками складывавшиеся привычки и сегодня их деревня является образцом хорошего ведения хозяйства. Не часто приходилось встречать крестьян, настолько уверенных в своих возможностях, как жители этой маленькой деревеньки в округе Налгонда, доказавших на практике принципиальную возможность коллективной крестьянской работы в условиях Индии.

Все больше и больше задумываются индийцы о необходимости новых форм организации сельского хозяйства. Все острее и острее становится вопрос об организации сельскохозяйственного производства. Он встает перед каждым, кого волнует судьба страны.

В начале 40-х годов, когда шла вторая мировая война, в деревне Ганаварам появился совсем юный врач, только что окончивший медицинский колледж. Он приехал туда, потому что его знания могли быть там полезнее всего. Молодой человек был талантлив, его убеждали остаться в городе, преподавать в университете и прочили большое будущее. Однако вопреки советам он уехал в деревню, в которой родился и вырос и где двадцать три года спустя произошла наша встреча.

Союз панчаятов Ганаварам считается образцовым. И в этом большая доля заслуг врача, ставшего его председателем. Он не производил впечатления человека, работающего в сельском хозяйстве, но тем не менее всеми помыслами был связан с деревней, отдавал ей все силы, энергию, знания для того, чтобы добиться подъема уровня жизни крестьян. Доктор завоевал уважение и любовь местных жителей. Это его усилиями были созданы поликлиника и двадцать три медицинских пункта. Это он занялся выведением высокопродуктивных сортов риса, сахарного тростника. Доктор стал инициатором многих практических дел.

О деятельности руководимого им в те годы союза панчаятов говорят сами за себя цифры. Население объединяемых союзом панчаятов 66 деревень составляло 114 тысяч человек. За семь лет было орошено 6 тысяч акров полей, поголовье крупного рогатого скота выросло с 49,5 тысяч до 74,7 тысяч, построено 36 школьных зданий. Всего в союзе панчаятов насчитывалось тогда 132 школы, причем не только начальные, но и полные средние. Школьным обучением было охвачено более 90 процентов детей школьного возраста.

С законной гордостью водил нас доктор по зданию, где работает совет союза панчаятов. Он показал фабрику по заготовке витаминизированных кормов и опытные поля сахарного тростника и риса. Работники совета продемонстрировали результаты семилетней работы и подарили нам объемистый отчет. Этот документ интересен не только для экономического анализа, он помогает лучше понять работу людей, стоящих за цифрами. Здесь сумели добиться и повышения урожайности, и роста надоев, и большой продуктивности несушек. Однако результаты председателя не удовлетворяли.

— Несомненно,— говорил он,— мы добились определенных успехов. Но ведь у нас примерно шестьдесят процентов — сельскохозяйственные рабочие и только сорок — крестьяне с земельным наделом. А из этих сорока всего лишь десять составляют настоящие землевладельцы, хозяйства которых дают товарную продукцию. У тридцати процентов наделы всего в один-два акра. На таком наделе не создашь экономически выгодного хозяйства.

— В чем же вы видите выход из положения?— поинтересовался я.

Он подумал и ответил:

— По-моему, выход мог бы быть найден в развитии производственных кооперативов. Но как преодолеть собственнические инстинкты человека?

— Но ведь вы-то преодолели?

— Что вы! Я и есть самый главный эгоист. Мало мне медицины, так я еще и за сельское хозяйство взялся.

— Сколько часов вы работаете в день?

— По-разному! Иногда по двенадцать, иногда по пятнадцать часов. Так ведь работа разная. К тому же работать мне интересно, добиваться реализации пусть небольших, но практически необходимых для людей це-

лей. Знаете, меня вдохновляет надежда. Иногда мне кажется, что здесь, в этой стране, все мы — путники и ищем дорогу и так или иначе обязательно ее найдем. Должны найти. И я очень хочу дожить до того времени.

ПАМЯТНАЯ ГИРЛЯНДА

У индийцев есть обычай встречать гостя цветочными гирляндами. Иногда, в особо торжественных случаях, эти гирлянды, созданные из множества цветов, перевиты серебряными и золотыми нитями, мишурными украшениями. Такие гирлянды иногда весят килограмма три-четыре. Однако сейчас передо мной гирлянда совсем иного рода. Скромные, желтовато-коричневые цветочки, каждая дюжина которых перемежается большим красным цветком, похожим на мальву, нанизаны на суровую нитку. Эту гирлянду надели на меня в городе Мангалоре 2 декабря 1965 г.

Накануне вечером местный врач, мой давний друг пригласил меня отправиться с ним на машине по памятным местам города.

— Знаете, — сказал он, — наш город небольшой, но нам есть чем гордиться. По преданию, англичане потерпели первое поражение на индийской земле именно здесь, у Мангалора. Давайте отправимся туда, где это произошло.

Он вывел машину на шоссе, и, миновав место сооружения нового Мангалорского порта, минут через пятнадцать мы подъехали к небольшому укреплению на берегу реки. Его стены почернели от времени. На крыше, где когда-то располагались дозорные, сегодня играют в свои мангалорские казаки-разбойники индийские ребятишки. Возле укрепления — щит, надпись на котором повествует о событии, происшедшем более полутора веков назад.

Поражение английским колонизаторам нанес Типпу Султан — борец за свободу своей родины. Рассказывают, что после длительной борьбы захватчики с помощью интриг и подкупа все-таки сумели одолеть Типпу и тогда герцог Уэлсли разыскал на поле боя тело героя, чтобы убедиться воочию, что никюгда уже больше не встанет против него этот отважный воин. Но горячее сердце Типпу продолжает биться в груди миллио-

нов индийцев, стремящихся покончить с остатками колониализма, социальной несправедливостью, утвердить священное право человека на труд.

Уже стемнело, когда мы возвращались домой той частью города, где стояли богатые особняки и где всегда царил тишина. Но в тот вечер возле двух из них сидели забастовщики. Эти дома принадлежали владельцам фабрик по обработке орехов кешью. Как раз на их фабриках уже больше 60 дней длилась забастовка. Две сотни работниц боролись за то, чтобы фабриканты выполнили постановление правительственного трибунала о повышении зарплаты. Фабриканты не желали соглашаться с судебным решением и отказывались ему подчиниться.

На топчане под навесом сидели пять худых, изможденных работниц. Это пикет забастовщиц. Рядом с ними — маленький столик, на котором стоял большой глиняный кувшин с водой. Вода служила им единственным питанием в течение пяти суток. Затем этих работниц сменяют пять других, а эти будут восстанавливать свои силы, чтобы в случае необходимости снова оказаться под навесом. Такая же группа женщин сидела и возле другого особняка. Возле них стояли и что-то возбужденно кричали взволнованные женщины с фабрики.

Передо мной сидели пикетчицы, принадлежащие к той категории населения, которая, по подсчетам индийских статистиков, пользовалась в те годы доходом менее половины рупии на душу в день. Увы, таких денег не хватало даже на еду.

На следующее утро работник профсоюза повез меня по городу. Я попросил показать мне именно фабрику по обработке орехов кешью. Процесс этот довольно сложный — скорлупа идет на производство масла, ядро проходит несколько стадий очистки, обработки, сушки, наконец, отсортированное по размерам, пакуется для отправки в другие районы страны или за рубеж, в том числе и в СССР. Когда мы осматривали последний цех фабрики, к нам подошли и сказали:

— Наши работницы узнали, что на фабрику приехал корреспондент «Правды», и просят, чтобы вы к ним вышли. Сейчас как раз начался обеденный перерыв, и все работницы собрались во дворе.

Двор был залит полуденным солнцем. Двести работниц — среди них и старые и молодые. На них были

застиранные сари. Они стояли и с любопытством смотрели на человека, который приехал из Москвы. Три старые работницы вышли вперед и надели на меня гирлянду не из пышных цветов, а из тех, которые они сами собрали на близлежащих улицах и нанизали на суровую нитку. Одна из женщин сказала:

— Ваша газета служит рабочим. Спасибо, что вы пришли к нам. Мы хотим послушать, что вы скажете.

Мне не раз приходилось выступать в Индии перед самой различной аудиторией, и к этим выступлениям я, естественно, готовился заранее, а тут надо было говорить, сразу включившись в их проблемы, минуты две-три без подготовки. В конце своей речи я сказал:

— Сердечное спасибо вам, дорогие женщины, за эту гирлянду. Это такой дорогой подарок для газеты «Правда»!

В ответ раздались дружные и долгие аплодисменты.

История этой забастовки довольно проста. Сначала она охватила все подобные предприятия, но постепенно владельцы большинства фабрик выполнили требование об увеличении зарплаты рабочим. В те дни оставалось лишь две фабрики, где забастовка продолжалась.

...Месяца через три после моего посещения Мангалора я получил письмо со штампом этого города. Мои друзья сообщали, что забастовка, длившаяся пять с половиной месяцев, закончилась. Работницы добились повышения зарплаты до двух рупий в день. Их поддерживали рабочие других предприятий, им помогала общественность города, их вела святая вера в справедливость своего дела. Это была настоящая победа. В память встречи с ними я берегу эту скромную гирлянду цветов, которую преподнесли мне работницы фабрики. Цветы уже давно завяли и высохли, но эта гирлянда всегда будет дорога мне.

«ТОВАРИЩ ПРАВДА»

Вокзал в Тричуре ничем не отличается от множества ему подобных. За день через него проходит всего двенадцать пассажирских поездов. Экспресс Мадрас—Тривандрам прибывает сюда около четырех часов дня, и перрон на десять минут заполняется разноголосой толпой, в которой пламенеют алые рубахи носильщи-

ков. Так принято на индийских железных дорогах — носильщикам предписано носить рубахи самых ярких цветов, чтобы их всегда можно было легко найти в не менее яркой толпе приезжих. Но пассажирам вагонов первого класса не нужно искать носильщиков: они их ищут сами.

Молодой человек лет двадцати двух, с удивительно красивой внешностью и с приветливой улыбкой, подбежал ко мне:

— Нужен кули, сэр?

— Да! Где здесь гостиница?

— Я провожу вас, сэр! Вот здесь, через дорогу, есть хорошая гостиница «Модерн отель». Совсем новая! — с гордостью добавил юноша.

— Хорошо, пусть будет «Модерн отель».

После дорожной пыли и тряски мне очень хотелось отдохнуть. Завтра с утра меня ждала работа, а сегодня надо было устроиться. Гостиница была действительно новая, еще пахнувшая масляной краской и сырой штукатуркой. Из окна относительно прохладного номера было видно, как солнце собиралось опуститься куда-то за сплошную стену пальм...

За дни, которые я провел в Тричуре, у меня было много интересных встреч с разными людьми, со знакомыми и незнакомыми, но славными и интересными. Но одну из них, не предусмотренную никакими планами, я не забуду никогда. Встреча эта произошла всего за полчаса до отъезда. Меня никто не провожал. Я расплатился за такси и взялся было за ручку чемодана. Но его уже не оказалось рядом, руки того же самого носильщика подхватили чемодан. Лицо юноши сияло. Он проводил меня до зала ожидания, и я, запасшись свежими мадрасскими газетами, решил познакомиться с новостями.

Зал ожидания — всего-навсего небольшая комната с окном, забранным толстыми, вертикально идущими железными прутьями. На стене висело уже давно ненужное, пожелтевшее расписание южноиндийской дороги на 1947 г. Соседство у меня оказалось довольно шумным — семейство, в котором было семеро мальчишек-погодков. До прихода поезда оставалось минут двадцать.

Не успел я расположиться в кресле и раскрыть газету, как в комнате потемнело. Тогда я взглянул на окно. К его решетке прижималось много смуглых людей.

Их натруженные руки крепко держались за прутья. На что смотрели носильщики? Я осмотрелся кругом — тут не было ничего, что могло бы представлять для них интерес. Как узнать, что же их так заинтересовало? Сделать это оказалось очень трудно — в Индии множество разных языков и диалектов, а я знаю всего лишь два, да и то не те, на которых говорили в Керале.

Потом я понял, что они, оказывается, смотрели на меня. Но почему, почему? Я не понимал. Ведь я не был для них первым европейцем — сюда приезжали и миссионеры, и коммерсанты из Европы.

Это была настоящая немая сцена — они явно стремились к контакту, но мешало незнание языка. Прошло минуты полторы-две, как мы глядели друг на друга во все глаза. Наконец, один из носильщиков с большим напряжением проговорил:

— Товарищ Правда! — и протянул мне руку.

Тут я все понял. Накануне я был гостем редакции «Навашакти», местной партийной газеты. Ее редактор пообещал, что поместит сообщение о нашей беседе. Несмотря на мои возражения, статья все-таки появилась.

Я протянул носильщику руку, и наше рукопожатие было долгим и дружественным. Что уж говорить! Я был искренне взволнован. Кю мне уже тянулись руки других носильщиков, и мне приходилось пожимать их и правой и левой, боясь пропустить чью-нибудь. Они приветствовали меня, широко улыбались и весело смеялись. Встречу смог прервать лишь пронзительный свисток подходящего поезда, и хотя медленно, но все-таки мои «собеседники» разошлись — ведь им надо было зарабатывать на жизнь!

Посадка на проходящие поезда ведется обычно минут за пять-семь до отправки поезда, но еще задолго до прихода нужного мне поезда снова появился мой знакомый, да не один, а с двумя приятелями. Один подхватил мой чемодан, другой взял у меня из рук фотоаппарат, третий кинокамеру, и мы вышли на перрон. Мой вагон оказался в голове поезда, и, пока мы шли вдоль перрона, к нам присоединялись другие носильщики; когда я наконец добрался до своего вагона, то вокруг меня собралась толпа носильщиков. Как жаль, что я не знал их языка и не мог сказать им все, что чувствовал.

Я вынул бумажник, но кули, несший чемодан, же-

стом предупредил, что никакой платы не надо. Мне стало как-то неловко. И снова мы смотрели друг на друга, улыбались, хлопали друг друга по плечу. И снова я пожимал крепкие, жесткие руки. Красные рубахи рдели на солнце. На этой станции за все ее существование были и забастовки, и митинги, и демонстрации, но в тот, уже очень далекий день на станции Тричур состоялась молчаливая, — но какая красноречивая! — манифестация в честь нашей страны, в честь мира и свободы.

Поезд тронулся, и платформа стала медленно уплывать. Я выглянул из окна и долго махал рукой своим новым друзьям. Я никак не мог оторвать глаз от пламенеющих на солнце красных рубах, и в ушах у меня долго звучало: «Товарищ Правда».

МУРУГАЯН И МУРУГЕСАН

В Махабалипураме сама природа позаботилась создать ровную поверхность скалы, столь привлекательную для художников. И безвестные художники на этом полотне из камня создали изумительные картины. Среди привычных индийских мифологических и эпических сюжетов на громадном барельефе Махабалипурама изображен и такой, который можно было бы назвать «Вечер в деревне». На фоне множества фигур художник (а может быть, художники) выделил, продвинул вперед крестьянина, который доит корову. Теленок льнет к ней, а она по-матерински нежно и ласково лижет его. Перед вами заурядная деревенская сцена, но в ней поражает то, что создана эта группа веков тринадцать-четырнадцать назад.

Поэзия нелегкого крестьянского труда именно здесь, в Махабалипураме, нашла, быть может, одно из самых прекрасных своих воплощений во всем мировом искусстве. Проезжая через этот городок, я не мог удержаться от соблазна еще раз полюбоваться этим гениальным барельефом. Путь мой пролегал мимо многих деревень, где жили потомки этих самых крестьян, многообразной толпой наполняющих каменную картину в Махабалипураме.

Одна из поездок пришлось на время уборки урожая: но в этих местах четкого деления на периоды полевых работ нет — тут убирают, а рядом вспахивают, а непо-

далеку крестьянки в разноцветных сари, стараясь двигаться строго по прямой линии, высаживают рассаду. Так здесь работали десятки веков назад, и с тех пор ничего не изменилось. Правда, не все крестьяне убирают или сажают рис на своих собственных участках, одни трудятся по найму, другие — на своей земле.

В первый раз я встретился с Муругаяном прямо на рисовом поле — среди сочной зелени.

Я остановился, чтобы сфотографировать крестьян — меня покорили ритм, в котором они работали, и гамма красок. Труд их невероятно тяжел — ведь работают они от зари до зари, лишь изредка распрямляясь, чтобы размять поясницу. Муругаян подошел ко мне, представился и спросил, кто я и откуда приехал в эти края. На его лице цвета старой бронзы играла приветливая улыбка. Как выяснилось, он — председатель деревенского панчаята, коммунист, ему 35 лет. У него довольно большая семья и, увы, огромные долги. Человек он грамотный, читал о нашей стране и, естественно, забросал вопросами о том, как у нас выращивают рис, интересовался урожаями, жизнью крестьян и их работой в колхозах.

— Да, кооперация — дело стоящее, — сказал он. — Только с чего ее у нас начинать?

Однако на эту тему нам удалось поговорить в другой раз — в тот день мне надо было торопиться к цели своей поездки, на митинг.

На улице, которая вела к деревенской площади, где должен был состояться митинг в защиту сражающегося Вьетнама, шумела вечнозеленая листва и шелестели гирлянды красных флажков. Сюда, на эту улицу, пришли и мы — Муругесан, Муругаян и я. Мои друзья нет-нет да и поглядывали на небо — не помешает ли митингу дождь. У Муругесана — совершенно седая голова. Скоро он будет отмечать свое семидесятилетие. Муругаян — моложе его по возрасту вдвое, а по партийному стажу — втрое. Они, можно сказать, тезки — и того, и другого родители называли в честь воинственного бога Муругана, которого народная фантазия наградила шестью головами. Но мои друзья — не боги, а обыкновенные люди.

— Товарищ Муругесан, скажите, пожалуйста, как началась ваша партийная жизнь?

— С урока интернационализма, с участия в демон-

страции в защиту Сакко и Ванцетти. В городе, где я жил в те годы, профсоюз железнодорожников работал активно, и на демонстрацию вышло несколько тысяч человек. Где-то далеко в США совершалось преступление против двух честных тружеников, и мы присоединили свои голоса в защиту этих людей. И еще с забастовки железнодорожников, охватившей тогда весь юг Индии. И с празднования 1 Мая. Пролетарская солидарность и самоотверженная борьба всех честных людей за интересы народа — вот что привело меня в партию. За участие в забастовке я попал в тюрьму. Старшие товарищи знакомили нас с великими идеями К. Маркса и В. И. Ленина, с тем, что принесла с собой Великая Октябрьская социалистическая революция в России, с ее международным значением. Мы переписывали от руки «Коммунистический манифест», знакомились — часто по рассказам — с трудами основоположников марксизма. И все же это было настоящим университетом жизни и борьбы. А потом меня освободили. И снова началась повседневная партийная работа. А затем снова тюрьма. Всего в тюрьмах я провел четырнадцать лет. Одним из самых памятных моментов моей партийной жизни стал тот февральский день 1946 г., когда жители Мадраса выступили в поддержку восстановивших моряков тогдашнего англо-индийского военно-морского флота. В городе шла забастовка, проходили демонстрации и митинги, был остановлен городской транспорт. В течение двадцати четырех часов народ оставался хозяином города. В демонстрациях приняли участие в знак солидарности и некоторые офицеры-англичане.

— А сейчас, — Муругесан показал на плескавшиеся на ветру красные флажки, — наступили иные времена. Идет уже двадцать первый год независимости Республики Индии, да и красный флаг не редкость. Вон сегодня в Мадрасе бастует сорок пять предприятий и повсюду красные флаги. И не только в городе.

— Муругаян, дорогой, — обратился он к молодому крестьянину, — скажи, сколько человек приняло участие в демонстрациях за осуществление земельных реформ?

— Более ста тысяч человек, — коротко ответил молодой коммунист.

— Это точно? — переспросил Муругесан.

— Не совсем. Я назвал число меньше, чем в действительности. Вам стоило бы посмотреть.

Я сказал Муругаяну, что наблюдал проведение такой кампании в прошлом году.

Мимо нас шли люди, направлявшиеся на митинг.

— Сегодня — людской поток, словно река, а в прошлом году он был похож всего лишь на ручей! — сказал Муругаян, провожая глазами толпу.

Муругаян — крестьянин новой формации. Он мыслит не только в пределах категорий своего союза панчаятов, где председательствует второй срок, но и масштабами страны. Он недоволен, что крестьянин до сих пор лишен возможности получить кредит, хотя кое в чем почувствовал к себе больше внимания: и удобрения теперь можно получить вовремя, и кое-что делается в отношении ирригации. Муругаян сетует на то, что нет специальной газеты для крестьян. Муругаян засмеялся:

— Видите, какие у нас теперь коммунисты. Мы радовались, когда удавалось листовку выпустить, а ему газета нужна.

И добавил уже серьезно:

— Конечно, крестьяне нуждаются в газете, выражающей их интересы.

— Есть ли в вашем округе сельскохозяйственные кооперативы? — спросил я Муругаяна.

— Видите ли, у нас в округе половина крестьян имеет землю, а половина — батрачит. Тот, у кого есть земля, пойдет в кредитный кооператив, но туда, где он должен работать наравне с батраком, его не затанешь. А вот на вновь орошаемых землях можно было бы создавать кооперативы, вовлекая в них батраков, и, наверняка, работа там пошла бы успешнее. Пока производственные сельскохозяйственные кооперативы для нашего крестьянина — мечта.

МНОГОЦВЕТНАЯ ЛОЖЬ

У входа в кинотеатр в огнях неоновых реклам толпился народ — демонстрировался американский фильм «Безобразный американец». Люди, движимые желанием разобраться, каковы же на самом деле американцы, пришли посмотреть этот фильм с интригующим названием, да к тому же американский. В чем же суть американской политики? К тому же, судя по рекламным щи-

там, здесь обещали пощекотать нервы: кинжалы, красавицы, выстрелы, яд, убийства.

В кинотеатре каждого зрителя сразу же можно классифицировать по достатку — тот, кто имеет деньги, восседает на балконе, в «дрес сёркл», то есть в «круге нарядов». Поскромнее — занимают места в партере. Служащие и рабочие несут сюда свои с трудом заработанные пайсы и рупии в надежде отвлечься от тягот повседневной жизни, помечтать, увидеть иной мир и испытать либо радость при виде чужого счастья, либо тревогу за чью-то судьбу.

Фильм начался с показа беседы в сенатской комиссии по иностранным делам с вновь назначенным в одну из стран Индокитая американским послом. (Не так уж в конце концов важно, в какую! Ведь принципиально она одинакова, американская политика!) Посол выехал в страну своего пребывания — народ встречал его мощной демонстрацией протеста, снятой с достоверностью, почти документальной. Зритель укрепляется в надежде, что будет рассказана правда. Атакуемый демонстрантами, дипломат быстро садится в машину и с трудом добирается до посольства. Посол приступает к работе. Здесь, в посольстве, он сталкивается с людьми недалекими, не понимающими и не желающими узнать страну, в которой находятся. В результате в народе растет ненависть к американцам. Казалось бы, фильм повествует о реально происходящих событиях и реально существующих людях.

По мере развития сюжета посол начинает действовать — он пытается исправить положение. Один из вождей народного сопротивления — старый друг посла — (его роль исполняет обаятельный Марлон Брандо) решает с ним встретиться. Естественно, главная цель встречи — убедить вождя, что американцы вовсе не представляют никакой угрозы для страны — напротив, они здесь строят госпитали, школы, прокладывают дороги. Он заверяет вождя, что опасность исходит от тех, кого тот ошибочно принимает за друзей. Вождь почти соглашается с послом, но — независимость превыше всего! И он настаивает на том, что американцы должны уйти из страны.

Вождь — человек душевный, замечательный патриот, но он не верит своему прежнему приятелю и в конце концов гибнет от руки собственного сына, связанного, как утверждают авторы фильма, с левыми. Трагедия

отца — трагедия патриота, человека, которого обманули... Зритель покидает зал, зачастую возмущаясь названием фильма — «Безобразный американец». Какой же он безобразный? Напротив, это человек благородный, глубоко порядочный, сострадающий, готовый протянуть руку каждому, кто в этом нуждается.

Огромна сила воздействия искусства кино, к тому же цветного, если оно способно заставить кое-кого забыть о смерти и насилиях, которые несла с собой американская морская пехота, о провокациях против развивающихся стран, об американских военных базах, о подлинных послых тех, кто цинично вмешивался во внутреннюю жизнь независимых государств, о том, что самолеты с авианосцев флота США могли в любой момент подняться в воздух и сбросить на мирное население не только фугаски и напалм, но и атомные бомбы!

Неоколониалистская ложь кочует в многоцветных широкоэкранных нарядах по странам Азии, Африки и Латинской Америки. На индийских экранах появился фильм «Зулу». Он начинался несколькими строками из хроникерской заметки в «Таймс» за какой-то 70-й год XIX столетия, что там-то и там-то, в Южной Африке произошла стычка регулярных английских войск и воинов народа зулу. Казалось бы, всего несколько строк, а авторы фильма вызвались по-своему рассказать, что за ними скрывалось.

На экране воины зулу решительно атаковали окруженных ими английских солдат. Те стойко отбивались. Изумленные героической обороной и стойкостью горстки англичан, вожди зулу приказали своим воинам прекратить сражение и подняли сигналы, овидетельствующие о том, что они восхищены мужеством противника и, как подобает настоящим рыцарям, сняли осаду. Конечно, зулу могли действительно по достоинству оценить величие воинского подвига, но как это возможно в отношении английских колонизаторов? Ведь в конце концов территории зулу входят в состав ЮАР, страны, где свирепствует апартеид. Уж не для того ли создавались подобные фильмы, чтобы заставить зрителя забыть о застенках и расправах с коренным населением, которые продолжаются и сегодня? Может быть, им надо заставить зулу забыть об ужасах колониального прошлого и самые черные дни приукрасить эдакой слащавенькой акварелью?

И в этом фильме ложь не меньшая, чем в «Безобразном американце»! Пожалуй, своих вершин многоцветная неокOLONиалистская ложь достигла в «Лоуренсе Аравийском». Фильм предназначался для того, чтобы, с одной стороны, подкрепить миф об известном разведчике Лоуренсе, создаваемый официальной английской историографией, как о благородном рыцаре, выступившем на защиту арабских народов от тирании Османской империи. С другой стороны, еще и еще раз повторить циничную, категорически опровергнутую жизнью басню, будто арабские народы не могут и не сумеют сами управлять своей страной. Технически фильм сделан великолепно. Если в объективе пустыня, то зритель очень реально ощущает палящий зной и мучительную жажду. Это не Лоуренс — а сам зритель, изнемогая от зноя и жажды, тащится по песку и теряет в пустынном аду своих друзей.

Английский актер Питер О'Тул хорошо сыграл роль, порученную ему режиссером, но она ничего общего не имеет с ролью подлинного Лоуренса. На экране — не умный, пронизательный британский разведчик, умевший поднять один народ на другой ради интересов английского империализма, а интеллигентный юноша-неврастеник, абстрактные идеалы которого разбиваются в прах при столкновении с жестокой империалистической «большой политикой» Великобритании. Зритель в подавляющем большинстве не осведомлен о подлинном характере деятельности Лоуренса. Да он вовсе и не обязан знать это, а полагается на совесть режиссера, сценариста, актеров. Зритель верит, что они расскажут, перескажут подлинные события. Но вместо правды и тут зритель получает ложь и клевету, его пытаются убедить, что арабские народы — жестокие и алчные недоразвитые дети, которым нельзя доверять даже их собственную судьбу. Может ли подобный фильм вызвать у людей какое бы то ни было уважение к арабским народам? Конечно, нет. И это не случайно, ибо таков реальный замысел картины.

Вот другой образчик так называемого «кинонеокOLONиализма». Фильм называется «Седьмая заря». События происходят в Малайе (в нынешней Малайзии), в дни после разгрома японского милитаризма, когда была восстановлена английская колониальная администрация, а народ решил продолжать борьбу за независимость. В сложном политическом и морально-этиче-

ском конфликте сталкиваются люди, некогда бывшие союзниками в борьбе против японских захватчиков.

Один из них — командир партизанского отряда. О нем другие герои фильма довольно прозрачно намекают, будто уже после второй мировой войны он прошел специальную подготовку не где-нибудь, а в ...Москве. Другой — американский офицер, осевший в Малайе, — выступает в роли плантатора. Его возлюбленная — учительница, дочь англичанина и малайки. Американец не хочет на ней жениться... В фильме фигурирует английский офицер, в Малайю он вернулся в качестве губернатора, у него красавица дочь. Их отношения разворачиваются на фоне жестоких расправ колонизаторов с местными крестьянами. Колониальные войска предают огню деревни, жители которых заподозрены в связях с партизанами. Перед глазами зрителей проходят страшные картины. Учительницу уличают в связях с партизанами и приговаривают к смерти. Партизаны похищают дочь губернатора и предупреждают его, что, если предстоящая казнь учительницы не будет отменена, они убьют девушку. Губернатору по просьбе американца-плантатора удается отсрочить казнь на семь дней, а тот отправляется к командиру партизан, с тем чтобы высвободить дочь губернатора и, может быть, тем самым спасти учительницу. Ведь когда-то он был дружен с командиром партизан. И вот американец продирается сквозь джунгли и, наконец, добирается до друга. Однако его аргументы не помогают. Тогда он бежит с юной англичанкой, но они опаздывают, и учительницу казнят.

События развиваются довольно убедительно, в результате по замыслу режиссера благородным героем оказывается губернатор! Он страдалец. Американец-плантатор — человек самоотверженный! Кто же причина всех несчастий? Выясняется, что во всем, конечно, виновны партизаны, посмевавшие пойти против законных английских властей.

В поисках сил, способных укрепить позиции неокOLONиализма, создатели фильма часто обращаются к религии, в частности к христианству. Правда, миссионеры не только в прошлом, но и за последние годы скомпрометировали себя в глазах народов как пособники чужеземной власти. Значит, нужен новый миссионер, который сумеет найти подходящие формы воздействия на разные народы. А может быть, и музыка. И тогда на

экранах появляется «Поющая монахиня». В этом фильме рассказывается вполне современная история о талантливой певице, ставшей монахиней. Она не гнушается никакой работой. Это человек смелый, который вырывает души из объятий порока. Так что она — миссионерка. И героиня отправляется в Африку, чтобы учить и лечить заблудшие языческие души. В конце фильма зритель узнает ее в новом облике — Мадонны — белой монахини с чернокожим младенцем на руках. Это производит сильное впечатление на зрителя, тем более что далеко не всякий индеец знает, что действительно творится в Соединенных Штатах Америки, откуда выплыл на экраны этот фильм.

Трактуя подобные темы, западные кинематографисты делают явный акцент на антикоммунизм, лежащий в основе «Безобразного американца» и многих других фильмов. НеокOLONиализм создал свою кинематографию. В ее арсенал входят и многочисленные детективы. Среди тех, которые демонстрировались на индийском экране, хотелось бы назвать два — «Миссию „Кровавая Мэри“» и «Миссию для убийцы».

К двум фильмам можно было бы добавить еще многие. Строятся и фильмы, и герои по следующей примитивной схеме. Герой наслаждается жизнью. И вдруг — звонок. Срочное дело — человечеству в целом или государству (чаще всего, разумеется, США) грозит гибель от неких злоумышленников. Герой кидается в погоню, причем она идет по живописным местам. Всюду — в Лиссабоне, Танжере, Ницце и т. д. (смотри любой туристический справочник!) — героя ждет роскошный номер в гостинице, красавица, оказывающая посильную помощь и дарящая ласки, и необходимый набор шпионского реквизита. Кое-где его бьют и чуть ли не до смерти, но герой не умирает — он преодолевает все и всякие препятствия, самочинно вершит суд и расправу, не гнушаясь любым насилием. В конце концов он торжествует над своими противниками, которым авторы подобных фильмов придают если не откровенно «красный», то хотя бы «розовый» оттенок. Иногда стараются сделать так, чтобы зритель не очень это замечал, но какой-то след все же остается, и от фильма к фильму зритель ощущает его все острее.

— Вам понравился фильм? — спросил я у представителя одной из торговых фирм после просмотра фильма «Миссия для убийцы».

— Конечно!— воскликнул он.

— А что же именно вам понравилось?— поинтересовался я.

— Места действия — очень живописные, красивые места,— ответил он.

— А кроме этого? Что вы думаете о герое?— настаивал я.

— Это очень сильный человек!— был ответ.

— А еще вам что понравилось?— пытал я его.

— Как они партизан разбили,— заметил собеседник.

— А зачем их нужно было разбивать?— не унимался я.

Мой собеседник замялся, ему явно было неясно, ради чего шла полуторачасовая погоня, со схватками, убийствами, взрывами и массивным парашютным десантом. Но технически фильм выполнен великолепно. Он цветной, в нем демонстрировались места, в которые такому зрителю с его ничтожным жалованьем не попасть никогда. Попутно со всей этой кинороскошью в души миллионов его соотечественников закрадываются сомнения, которые, по расчетам вдохновителей этих киноподелок, должны перерасти в восторг перед деяниями американских империалистов. Так и ползает по азиатским, африканским, латиноамериканским экранам многоцветная ядовитая ложь, отравляющая зритель.

У ХАЙДАРАБАДА ТРИ ЛИЦА

Как и у всех крупных индийских городов, у Хайдарабада было несколько предшественников. К тому же у него, как и у его собратьев, несколько лиц. Первое из них — Голконда.

«Сокровища Голконды, сокровища Голконды» — эти слова манили в Индию европейских авантюристов. С тех давних времен под этими словами понимается что-то сказочное, слышится отзвук легенды о какой-то богатой и яркой стране. Однако Голконда — вовсе не сказка.

Рядом со столицей штата Андхра-Прадеш возвышается ансамбль дворца правителей Голконды — одного из крупнейших городов средневековой Индии. Все, что

уцелело (к сожалению, совсем немного), сейчас охраняется государством. Однако и то, что дошло до наших дней, поражает нас и архитектурным, и инженерным мастерством создателей одного из замечательнейших сооружений.

Кто они, эти сотни тысяч, а может, и миллионы тружеников, чьими руками сооружалось подобное чудо? Их имена никому не известны. Аурангзеба, одного из Великих Моголов, по чьей воле и алчности в 1687 г. была разрушена могучая крепость, знает весь мир. Его сын, император Фаррухсияр, в 1713 г. отдал завоеванное царство одному из своих военачальников, а уже в 1724 г. Хайдарабад отделился от повелителей Дели. Город стал обретать очертания, определявшиеся волей правителей из династии, основанной этим военачальником, которые назывались «низамы».

К середине XVIII в. началась борьба между колонизаторами, главным образом между французами и англичанами, за их преобладание в Индии. А низамы, подыгрывая то тем, то другим, стали увеличивать свои владения. Когда французов выбили из страны, у английских колонизаторов не было более надежных помощников, чем низамы Хайдарабада, в расправах с теми, кто боролся против английского порабощения. Об этом свидетельствует включение в титул низама формулы «верный союзник британского правительства».

Низамы были феодалами, но они поняли, что капиталистические методы эксплуатации имеют кое-какие «преимущества» перед феодальными. Последний низам завел и свой банк, и свои промышленные предприятия. И, конечно же, он оправдывал титул «верного союзника» британского империализма, подторговывая пушечным мясом и ссужая деньгами чужеземных администраторов, выжатыми из шестнадцати миллионов его подданных.

Когда Индия обрела независимость, низам сделал все возможное, чтобы сохранить Хайдарабад в качестве бастиона и своей, и британской власти. И не его вина, что этот замысел провалился. Территория княжества Хайдарабад после долгой борьбы народа за свободу стала частью Республики Индии. Низам же удалился в свой дворец, прочно сохраняя старые привязанности. Газеты сообщали, что во время выборов 1967 г. никто

из его многочисленной родни и челяди не принял участия в голосовании, зато от его имени был внесен солидный куш в избирательный фонд крайне правой реакционной партии Сватантра.

Низам умер. И стало известно, что его состояние, по данным индийской прессы, составляло один миллиард триста пятьдесят миллионов рупий. Триста пятьдесят миллионов наличными, пятьсот миллионов в сокровищах и пятьсот миллионов в ценных бумагах. Все это — не считая недвижимости, банков, предприятий.

От эпохи низамов в городе Хайдарабаде остались лишь мрачные воспоминания о том, как зловещее средневековое дожило до середины XX в. и отметило уход с исторической сцены ценой новой крови и новых преступлений. Все больше и больше стирает со своего лица следы этой эпохи столица штата Андхра-Прадеш, в который вошли большая часть владений низама и город Хайдарабад.

Еще в 1950-х гг. никому бы и в голову не пришло назвать Хайдарабад промышленным городом. А сейчас первое, что бросается в глаза, когда подлетаешь к нему, — крупные промышленные предприятия: заводы электронного оборудования, синтетических лекарств, тяжелого энергетического оборудования. Есть в городе много других предприятий, но сегодня сердцевину промышленности города составляют те, которые построены с помощью социалистических стран.

Мне случалось бывать в Хайдарабаде в разные годы, и я видел, как рос завод синтетических лекарств — от нулевого цикла до начала выпуска готовой продукции. Индийская государственная компания «Индийские медикаменты и фармацевтика» построила это предприятие в сотрудничестве с советскими организациями. До сравнительно недавнего времени индийский рынок медикаментов зависел, и в известной мере зависит и сейчас, от различных западных фармацевтических фирм, не стесняющихся спекулировать на острой нужде индийского народа в современных медицинских средствах.

У входа на завод синтетических лекарств на стене — мраморная доска со словами: «Этот завод — еще одна веха в индо-советском сотрудничестве». Нередко здесь слышится русская речь — многие специалисты прошли

стажировку на предприятиях советской фармацевтической промышленности. Только на названных выше трех предприятиях занято более десяти тысяч высококвалифицированных рабочих. Да и сами эти предприятия уже стали центрами подготовки кадров высшей квалификации.

Хайдарабал — город поэтов и ученых. Здесь жил и работал выдающийся индийский прогрессивный поэт Махдум Мохи-уд-дин. Здесь находится один из крупных индийских университетов — университет Османия, основанный низамом Хайдарабада еще в 1918 году с целью сделать это учебное заведение оплотом ислама. Только замысел этот не оправдался — университет готовит разнообразных специалистов в интересах развития экономики, науки и культуры независимой Индии. Виля сегодняшних студенток, трудно поверить, что в первые годы существования университета те немногие девушки, которые были допущены к обучению в его стенах, должны были сидеть, не снимая паранджи, и их лиц не мог видеть лектор, если он мужчина, да и они не видели учителя — его скрывал от аудитории специальный занавес.

Уже никогда Хайдарабад не станет бастионом английского колониализма, никогда здесь не будет больше «верных союзников британского правительства». Город обрел облик одного из бастионов экономики и культуры независимой Индии.

ЧТО ЗНАЧИТ ОСТРИЧЬСЯ

Ночь в Дели. Тишина. За окном — тьма, вполне могущая служить фоном для романтической или детективной повести. За спиной — ровный шум кондиционера, гонящего в комнату приятную прохладу. На столе — лампа, вокруг которой вьются мошки да поблескивают зеленоватым перламутром щикады. Если открыть дверь — внутрь ворвется волна влажного зноя, напоенная ароматом индийского жасмина и удивительно нежным, слегка напоминающим смесь лимона и чайной розы запахом цветка «царицы ночи». Его белые цветы, похожие на звездочки, слабо просвечивают сквозь стекло. Поздно, пора спать.

Кто-то постучал в дверь. Слишком тихо, робко.

Вряд ли это кто-то с официальным визитом. Я подошел к двери и задал единственно уместный вопрос:

— Кто там?

— Это я, Дарбара Сингх,— последовал ответ.

Дарбара Сингх — мой шофер. Что случилось? Может быть, что-то случилось с его женой? Третьего дня он отвез ее в родильный дом. Его жена — настоящая красавица, и я уверен, что она достойна стать рядом с величественной по своей красоте Венерой Милосской и трогательно женственной Венерой Медицейской. Уже четыре года как они женаты, и вот Савитри должна родить первенца.

— Входи, Дарбара. Что случилось?— приветливо сказал я.

Он был явно взволнован. В руках он мял тюрбан, снятый с головы.

— У нас родился сын,— еле сдерживая слезы, бормотал он.

— Я рад и от души тебя поздравляю. Так все-таки, что же случилось?

— Я остригся,— грустно сказал Дарбара Сингх.

До меня не сразу дошел смысл его слов — на жаргоне шоферов тот же самый глагол может означать «врезался», «разбил машину» или еще что-нибудь в этом духе. В моем воображении сразу образовалась довольно живая картина: узнав, что родился сын, Сингх от радости погнался на большой скорости и, видимо, разбил ее, бедняжку, честно прослужившую добрых пять лет!

— Что с машиной?— сухо зато спросил я, хотя Дарбара мне очень нравился и приятнее было бы ограничиться лишь поздравлениями.

— Да с машиной все в порядке. Понимаете, я остриг волосы,— заявил Дарбара.

Я посмотрел на него и увидел, что он сбрил свои довольно длинные волосы, которые полагается носить всякому правоверному сикху. Как это понять? Ведь на это не пойдет ни один сикх. Что-то все-таки произошло.

— Садись, Дарбара, успокойся,— предложил я ему и сам опустился в кресло рядом.— Так все-таки, что же случилось?

— Сын умер...

Как некстати обратился я к нему со своими поздравлениями. Я так растерялся, что не знал, о чем его еще спросить.

— Когда это произошло?— вырвалось у меня.

— Часа через три после родов,— тихо сказал он и вдруг зарыдал,— мы так молились, так молились! Сколько времени мы молились, чтобы родился сын! И вот она... божья милость!

Никогда мне не приходилось видеть Дарбару в таком состоянии.

— Я специально ездил в Амритсар, в Золотой Храм,— широкая спина красивого молодого человека содрогалась от рыданий.— Молились и мои родители, и родители жены, и вместе, и порознь. А бог не дал нам ребенка! Он украл его!

До этого мне не приходилось беседовать с Дарбарой на религиозные темы — я просто принимал его таким, каким он был,— типичный сикх с длинными волосами, упрятыными под аккуратно уложенный тюрбан, с бородкой, со стальным браслетом и кинжалом — кирпаном, хотя он был ему и не нужен. Он интересовал меня лишь как человек и работник. Не все ли равно, какому богу он поклонялся. Работал у меня и гуркх Рамбахадур из Непала, индус, прекрасный сторож, и мусульманин Моин-уд-дин, который аккуратно вел делопроизводство, и христианка Кальяни, она прекрасно печатала на машинке.

Что касается Дарбары, то его вера ему была не безразлична — с самого детства он рос с чувством глубокого к ней уважения, да и к чужой тоже. Отец сумел дать сыну образование — Дарбара имел аттестат зрелости. Меня всегда поражала его способность самостоятельно оценивать события. Он всегда проявлял большой интерес к технике. Стоило послушать, как он увлеченно расспрашивал шоферов о новых машинах, о том, какие усовершенствования сделаны в каждой из них, в чем их смысл. Когда в Дели открылась международная промышленная выставка, каждую свободную минуту он проводил там, изучая, а не просто рассматривая экспонаты.

И вот события его собственной жизни пришли в столкновение с тем, чему его учили с самых ранних лет,— ведь если бог всемогущ, то почему он не мог свершить такую малость — подарить ему сына? Ведь никто из семьи и даже самых дальних родственников Дарбары не нарушал трех важнейших заповедей сикхизма — все они честно трудились, зарабатывая на пропитание, делились, если была в этом нужда, послед-

ним куском с ближним; почитали бога и совершали необходимые обряды.

Ну, уж все это чересчур прямолинейно, возразит изощренный теолог. Ведь идея бога — идея сложная, выработавшаяся десятками веков. Сложная ли, не сложная — это в конце концов предмет теологических спекуляций, тем более что идея проверяется ее осуществлением. А вот здесь не осуществилась — и все тут!

Что я мог ему сказать? Горе у него было большое — умер сын, а вместе с ним вера: он остригся, он отказался от ее завета.

И я мог лишь спросить Дарбару:

— Как сейчас чувствует себя Савитри?

ГОЛОСА КАЛЬКУТТЫ

По раскаленной, распаренной Чоуринги — главной улице Калькутты — с раннего утра непрерывно течет людская река. Здесь можно увидеть служащих и рабочих, торговцев вразнос и туристов, горожан и приезжих. Лишь поздно ночью, часа на два-три, затихает жизнь на этой улице. Вдоль Чоуринги, на панели под навесом или без него, спят, как, впрочем, и на многих других улицах, бездомные.

С первыми поездами на калькуттские вокзалы Ховра и Баллигандж прибывают крестьяне с семьями из отдаленных районов штата. Их влекут сюда неотложные дела, кроме того, они стремятся сами посмотреть, да и членам семей показать этот многоликий город. Национальный музей открывается в 10 часов утра, но уже с 7 часов вдоль всего здания, прямо на панели, сидят группы местных жителей и приезжих и терпеливо ждут его открытия, коротая время за неторопливыми беседами.

После получения Индией независимости значительно увеличилось стремление народных масс к образованию, усилилась тяга к культуре и искусству. Для крестьянина город, особенно такой, как Калькутта, — центр культуры. Конечно, здесь есть многое, что чуждо крестьянину, как и любому труженику вообще. Но нельзя же изумляться тому, как тысячи крестьян каждый день посещают залы Национального музея. Их интересуют и исторический, и археологический отделы. С благогове-

нием рассматривают они памятники древнего и средневекового искусства, восхищаясь мастерством скульпторов и архитекторов, узнают в этих работах сцены из сельской жизни, самих себя, людей, с которыми им приходится сталкиваться и сегодня, — помещиков и ростовщиков. В музее выставлено много предметов религиозного искусства: буддийского, индусского, джайнского — ведь в этих произведениях отразилась реальная жизнь предков современных крестьян.

Многих влечет еще и другая калькутская достопримечательность — Виктория-Мемориал. Даже под горячими лучами бенгальского солнца это огромное здание всегда выглядит серым. На мраморном постаменте перед ним восседает на троне, отлитая в бронзе, старая женщина — королева Виктория. Статистика умалчивает, сколько таких бронзовых старух сидело по всей Индии. Но на постаментах часто можно было видеть надпись — «Королеве Виктории, императрице Индии, матери ее народа». Проходят мимо потомки тех, на чьих костях строилось здание Британской империи, кого Виктория и ее подданные никогда не брали в расчет. Англичане делали ставку на индийских князей, к ним обращались, задабривали и заласкивали, чтобы их же руками терзать индийских крестьян и ремесленников.

Вход в Виктория-Мемориал — платный. Очередь в кассу все растет, появляются новые и новые посетители. Они выкладывают свои монетки и робко ступают под величественно мрачные своды музея-мавзолея, где навечно захоронен не только дух Виктории, но и сам британский колониализм. Здесь собраны интереснейшие материалы, касающиеся истории установления английской власти над Индией, а также произведения искусства, памятники материальной культуры.

Многое, что представлено здесь, повествует о «добрести», «мужестве», «благородстве» колонизаторов. И даже самые черные их дела выглядят истинными благодеяниями. Я вовсе не хочу очернить всех англичан, в чем меня однажды упрекнул один мой друг из Калькутты. Введение книгопечатания, журналистики, запрещение обычая *сати* — сожжения вдов, изучение экономических возможностей страны, создание основ современной системы коммуникаций, современное машинное производство — всему этому в какой-то мере способствовала деятельность англичан в Индии. Со временем

Индия сама бы неизбежно пришла ко всему этому, так как законы социально-экономического развития необратимы, но интересы колонизаторов поневоле ускорили подобные процессы.

Разумеется, многие англичане внесли серьезный вклад в дело изучения культуры, истории и языков страны. Нельзя забывать и о тех англичанах — правда, их очень мало, — которые понимали объективные потребности национального развития Индии и в той или иной мере способствовали пробуждению национального самосознания ее народа. Благородна фигура миссионера Джеймса Лонга, осужденного английским судом за то, что он издал пьесу бенгальского драматурга Динабандху Митры «Зеркало Индиго» — индийскую «Хижину дяди Тома». Именно поэтому в Виктория-Мемориал его портрета нет. К тому же он был привезен в Россию еще мальчиком, видел восстание декабристов, переписывался с В. И. Далем, издал в Калькутте в 1869 г. переведенные им на английский язык басни И. Крылова, а затем способствовал их переводу на бенгальский язык. Это было первое художественное произведение русской литературы, изданное в переводе с русского языка на индийский.

Создатели Виктория-Мемориал предпочитали размещать в залах совсем другие материалы, иные портреты, свидетельствующие, по меткому и справедливому выражению русского художника В. В. Верещагина, об «истории, как англичане заграбастали Индию», а согласно официальной английской точке зрения, о «цивилизующей роли Англии в Индии». Так и хочется задать несколько ретроспективных вопросов создателям музея, давно покинувшем этот свет.

Кто расправлялся с национальной государственностью народов Индии? Последним ее оплотом стал Пенджаб, государство Ранджита Сингха, покоренное колонизаторами лишь в 1849 г. В Виктория-Мемориал нет ни одного рисунка, демонстрирующего, как пенджабцы давали отпор английским завоевателям. Зато тут есть немало литографий (кстати, я видел их и на другом конце субконтинента — в музее Лахорского форта), прославляющих жестокие расправы английских солдат с пенджабцами.

Кто истреблял повстанцев 1857—1859 гг., героически сражавшихся за свободу и независимость родины? Тексты как бы убеждают зрителя, что из-за «повстанцев

англичане страдали в Лакхнау во время осады Резиденции — крепости их гарнизона в этом городе».

В музее рядом висят две гравюры. На одной из них изображена героиня национального восстания 1857—1859 гг. Лакшми Баи. О ней лишь сказано, что она сражалась против англичан. И это все. Однако в тексте к другой гравюре говорится о том, что во время осады Резиденции в Лакхнау англичанам понадобилось сообщить срочные данные командованию спешивших им на выручку войск. Сведения вызвался доставить мелкий чиновник Генри Каванаг. Переодевшись в индийский костюм и вымазав лицо сажей, чиновник с помощью индийца Канауджи Лала отправился в путь и в конце концов доставил необходимые сведения. Так, о мерзавце, продавшемся англичанам, написано в десять раз больше, чем о героине восстания. Более того, сообщается, что Канауджи Лал получил одновременно 5 тысяч рупий и жалованную землю с ежегодным доходом в 847 рупий, что по тем временам было солидной суммой.

Индийский народ воздал должное своей замечательной дочери — в честь нее воздвигнуты памятники, о ней написаны романы и исследования, но в Виктория-Мемориал ее портрет все еще продолжает висеть рядом с материалами о «подвиге» Генри Каванага и предателя своей родины Канауджи Лала.

Кто расправился с героическим Типпу Сахибом? Разве не Корнуоллис, забравший его сыновей как заложников? И не Уэлсли, разыскавший труп Типпу, погибшего на поле битвы, чтобы быть окончательно уверенным в том, что он умер? Но в музей приходит крестьянин из Бихара или Ориссы и смотрит на литографии и картины, посвященные победе над Типпу, и видит, как великодушен победитель, как он благороден, как возводит очи к небу над трупом героя. Здесь крестьяне, ремесленники, рабочие и служащие получают солидную порцию фальсифицированной истории своей страны.

В одном из залов Виктория-Мемориал висит огромное полотно кисти В. В. Верещагина «Въезд принца Уэльского в Джайпур». Жаль, что остался незавершенным его великолепный замысел создать «живописную историю того, как англичане заграбастали Индию!» Однако само по себе полотно очень интересно. На спинах слонов восседают принц Уэльский, его свита, махя-

раджа Джайпура и его родичи. Вокруг слонов — яркая, нарядная толпа. Лица англичан под тенью козырьков пробковых шлемов плохо видны, они резко контрастируют с сочным, ярким светом картины. Зато простых индийцев художник выписал скрупулезно. Лицо каждого из них — самостоятельный, независимый характер. Художник работал над ними с любовью.

У этой картины сложная судьба. Она была написана по заказу английского королевского двора. В процессе работы В. В. Верещагин обратился к выдающемуся и авторитетному художественному критику В. В. Стасову, находившемуся тогда в Лондоне, с просьбой раздобыть ему портрет принца или устроить так, чтобы сам принц позировал ему:

«Я не решался беспокоить принца Уэльского, чтобы он не подумал, будто я навязываю ему свою лавочку, но, ввиду того что его фигура должна быть похожа, не вижу иного средства, как или достать его хороший портрет в полной форме и в нужном мне повороте, или просить посидеть его на солнце».

В. В. Стасов был возмущен этой просьбой и ответил: «Что касается Вашего поручения насчет принца Уэльского, то ни по русским посольским чиновникам, ни по английским секретарям принца (мною давно и глубоко презираемого, так что я не понимаю, как и почему он попадет в картины русского художника вместо совершенно других сюжетов!), по всем этим сукиным сынам, я ни за что ходить не стану».

Ответ друга удивил художника: «Принц Уэльский — лицо историческое, завершающее своей поездкой по Индии огромный период в истории этой чудесной страны, и как лицо историческое он интересен для меня, как интересны многие из тех Великих Моголов, которые были большими негодьями в сущности; так что мне все равно, презираем принц или нет, давно он презираем или только со времени Вашего приезда в Лондон, наконец, глубоко он презираем или только немножко. Ни с меньшим, ни с большим старанием не будет вследствие этого исполнена его фигура на моей картине... Так как эта фигура должна быть похожа, то мне и нужен или хороший портрет его в форме, или его особа для срисовывания... он мне нужен действительно как модель, а не как покровитель...» В одном из дальнейших писем В. В. Верещагина мы читаем: «Помнится, Вы были в восторге, трижды подчеркнутом, когда я сообщил Вам замысел

моих картин: история заграбастания англичанами Индии. Некоторые из этих сюжетов таковы, что проберут даже и английскую шкуру, и, уж наверное, в лести или низкопоклонстве перед английским моголом, как и перед тюркскими, меня не заподозрят... Много принцев, от Уэльского до нашего императора включительно, придется мне изображать, но, признаюсь, я не буду разбирать, кто из них более негодяй или более презренен, как Вы выражаетесь, а стану брать их как исторические лица и модели...»

В конце концов картина была завершена, но... английскому двору она решительно не пришлась по вкусу. Более того, художнику не разрешили ее экспонировать и в свернутом виде упрятали в запасники, а гонорар автору сильно срезали. Так и лежал бы еще этот великолепный холст, если бы к королеве Виктории не прибыл в Лондон сам махараджа Джайпура. Тут шедевр В. В. Верещагина оказался включен в число монарших подарков. Однако и в Джайпуре холст пролежал свернутым до тех пор, пока не скончалась королева Виктория. Вот тогда-то лорд Керзон собрал индийских князей и предложил за счет их доброхотных даяний возвести мемориальный музей, посвященный памяти их благодетельницы. В нынешнем английском путеводителе по странам Южной Азии говорится, что на южной стене королевской галереи «...висит шедевр В. В. Верещагина, изображающий официальный визит короля Эдуарда VII в Джайпур в 1876 г., в то время, когда он был еще принцем Уэльским. Мимо этого экспоната, подаренного махараджей Джайпура, ни в коем случае не следует проходить».

И действительно, посетитель его не пропускает, только не тот, на которого рассчитан путеводитель, а потомки тех, кого так щедро и реалистично, с пониманием подлинной, а не сомнительно экзотичной Индии изобразил великий русский художник, патриот и гуманист. Подолгу простаивают посетители перед истинно великолепным полотном, в работу над которым русский художник вложил не только свой талант, но и искреннюю симпатию к индийскому народу.

...Целыми днями не умолкает шумная жизнь на улицах Калькутты. Разнообразны голоса города. Тут слышится и шум порта, и сипловатые гудки морских судов, прибывающих прямо в центр города. Функционеры выкрикивают лозунги различных политических партий.

Везде рекламы спектаклей, поставленных Утпал Даттом в театре «Минерва». Утпал Датт возглавлял «Литл тиэтр групп» и настойчиво вводил в репертуар спектакли на острую социальную тематику, такие, как «Чингар» («Искра»), пьеса об индийских угольщиках; «Каллол» («Волна»), эпическое повествование о восстании моряков индийского флота в феврале 1946 г.; «Джай Вьетнам!» («Победа Вьетнаму!»). Театр всегда полон. Утпал Датт отдает определенную дань крайне радикальным взглядам, и это, конечно, сказывается и на его практике как режиссера и актера. Но долгое время это был единственный в Индии театр, работавший на профессиональном уровне и смело ставивший острые социальные проблемы. Видимо, это и определяло его популярность.

Голос Калькутты раздается и в бурных оvaçãoх, устроенных государственному ансамблю УзССР «Бахор», очаровавшему Калькутту, как и другие города Индии, своим высоким, подлинно народным искусством.

Голос Калькутты слышен и в звуках бубенчика фикши, который постукивает им об оглобли, зазывая клиентов, и в промовых раскатах многотысячных митингов, собирающихся на Майдане — огромной площади, там, где неоднократно жители Калькутты приветствовали советских руководителей.

Изредка по улицам Калькутты шествуют два-три странствующих певца, аккомпанирующих себе на незамысловатых инструментах. Их голоса — голоса прошлого — безнадежно тонут в многоголосье города, где проходят бурные митинги и процессии, где трудятся люди, процветает наука, литература и искусство. Имя этого города — Калькутта, и есть в нем среди других улиц и та, которая носит имя великого друга Индии, вождя трудящихся всего мира — Владимира Ильича Ленина.

ОЧНЕТСЯ ЛИ РАМАСВАМИ?

Дом для журналиста — понятие довольно относительное. Остановишься недели на две в гостинице, и чужой, скучно обставленный номер становится тебе домом. И если приходится выезжать отсюда куда-нибудь на день, два или три, то, после того как возвращаешься,

этот номер воспринимаешь как свое родное гнездо. А когда приезжаешь к себе, на корпункт, то тут уж и во все чувствуешь себя по-домашнему. Такие же ощущения испытал на себе я и на этот раз, вернувшись из Колombo в Мадрас.

Разобрав несложный багаж и пообедав, я стал просматривать накопившиеся за это время газеты и журналы, и прежде всего московские. Двери и окна были раскрыты настежь. Дул свежий ветерок. Снаружи доносился размеренный шум стройки — сосед достраивал дом и о чем-то договаривался с подрядчиком. Пропевела в вышине очередная «Каравелла» — рейс на Калькутту. Время от времени торговцы вразнос проходили по улице и громко рекламировали свой товар. Но ничто не могло отвлечь меня от московских газет и журналов — с их помощью я дышал воздухом родины, строил Красноярскую ГЭС, бывал на концертах, любовался высотными зданиями на проспекте Калинина...

Мне вдруг показалось, будто сзади кто-то пристально смотрит на меня. Приподнявшись на локте, я оглянулся. В двери стоял стройный тамил с вишнуитским знаком на лбу, в белоснежной одежде, со сложенным аккуратно платком через плечо. Я быстро встал.

— Чем могу быть полезным? — спросил я.

— Я хотел бы видеть корреспондента «Правды», — ответил человек.

— Пожалуйста, входите. Я корреспондент «Правды», — сказал я.

— Меня зовут Рамасвами, — представился незнакомец. — Извините, пожалуйста, за такое неожиданное вторжение. Я, видите ли, преподаю историю и географию в школе. По программе мы должны несколько часов посвятить вашей стране. Но в учебнике сказано очень мало. И... я подумал, что вы могли бы помочь мне подобрать необходимую литературу. Я каждый день прохожу мимо ваших дверей, когда иду в школу.

Я с удовольствием выполнил его просьбу и не только порекомендовал, но еще и подарил гостю несколько книг и брошюр. Учитель рассыпался в благодарностях, но уходить не спешил, он явно хотел что-то еще мне сказать.

— Надеюсь, эти книги будут интересны вашим ученикам, — сказал я, чтобы как-то поддержать разговор.

— Да, конечно. Извините, но мне хотелось бы задать вам еще один вопрос.

— Пожалуйста, задавайте,— согласился я, конечно не подозревая, о чем он может меня спросить. Рамасвами некоторое время помолчал и, как бы собравшись с духом, произнес:

— Я член партии Раштрия Сваям Севак Сангх.

«Вот так посетитель,— подумал я про себя,— член одной из самых реакционных партий страны». И спросил довольно безразличным тоном:

— Неужели?

— Да, я член партии Раштрия Сваям Севак Сангх,— повторил гость.

— Кажется, вы собирались задать мне какой-то вопрос?

Рамасвами снова замолчал. Наконец, он произнес:

— Почему ваша газета считает нашу организацию... фашистской?

Так вот, оказывается, ради чего пришел сюда этот человек!

В памяти всплыли калькуттские пожары 1964 г., бесчинства в Джабальпуре, демонстрация в Дели, приуроченная партией Джана Сангх к 7 ноября 1967 г. под предлогом «защиты коров», вылившаяся в разгул мракобесов и бандитов,— вот что было организовано этой партией.

— Понимаете,— снова заговорил Рамасвами,— мы все очень встревожились, когда узнали, что ваша газета считает нашу организацию фашистской.

— А какой вы ее считаете?— поинтересовался я.

— РСС — организация культурная, имеющая целью возрождение культуры индуизма, нашей древней религии. У нас нет ничего общего с фашизмом,— заявил Рамасвами.

В голосе гостя слышались нотки обиды, кажется, я затронул в его душе что-то очень сокровенное.

— Читаете ли вы, мистер Рамасвами, выступления ваших руководителей?— спросил я.

— Я подписываюсь на газету «Органайзер»,— был ответ.

— А кроме этого вы что-нибудь еще читаете?— задал я вопрос гостю.

— Что нам необходимо знать, нам сообщают на собраниях,— сказал Рамасвами.

— Но ведь вы мыслящий человек, вы же учитель. Вы получили высшее образование. Разве самостоятельно вы не знакомитесь с тем, о чем пишут ваши лидеры?

Вот, например, с этим сочинением? И я взял с полки «Связку мыслей» верховного руководителя РСС Голвалкара.

Рамасвами недоуменно покачал головой и проговорил, что эту книгу он не читал, но слышал о ней.

— Очень жаль! — заметил я. — Если бы вы прочли ее и критически отнеслись к тому, о чем в ней написано, вашего вопроса не было бы. Впрочем, может и лучше, что вы эту книгу не читали. Но позвольте вас спросить: чем для вас плох фашизм, коль скоро вы обиделись на то, что наша газета считает вашу организацию фашистской?

Рамасвами объяснил мне, что фашизм — человеконенавистническая теория, из-за которой началась вторая мировая война. Хотя ответ его оказался неполным, однако теперь можно было продолжить беседу.

— Вы — преподаватель, а я — журналист. Так почему вы считаете себя выше меня? — спросил я гостя.

— Я? — удивился Рамасвами. — Вы ошибаетесь. У меня нет никаких оснований для этого.

— Вы — индус, а они, как утверждает эта книга, превосходят все другие нации, — сказал я.

— Быть этого не может! — почти закричал Рамасвами.

— Вот читайте, пожалуйста! — и я протянул ему раскрытую книгу на соответствующей странице. — Там не только об этом говорится. Оказывается, индусы — раса, которая является создательницей мировой цивилизации. Это так?

Собеседник медленно читал.

— У вас есть семья, мистер Рамасвами? — спросил я.

— Да, жена и трое детей, — ответил Рамасвами.

— Вы их любите? — снова задал я вопрос.

— Конечно, — последовал ответ.

— И заботитесь о них? — пытал я гостя.

— Да, да, — быстро проговорил он.

— И, естественно, вы хотите, чтобы будущее ваших детей не было омрачено? — продолжал я.

— Этого желает всякий родитель, — задумчиво сказал гость.

— Я тоже этого хочу. Хочу, чтобы нашу страну больше никто не пытался захватить. Вы, наверное, помните, что немецкие фашисты развязали войну с СССР.

— Да, конечно, помню.

— А теперь ваша организация тоже хочет обрушить на нас войну, вы знаете об этом? — задал я вопрос Рамасвами.

— Нет, вы ошибаетесь, — последовал ответ.

— Вы относитесь с уважением к вашему верховному руководителю? — продолжал я.

— Да.

— Вы согласны со всем, что он говорит и пишет? Ведь этому учат вас на ваших встречах.

— Да, гуру¹ Голвалкар великий человек.

— Так вот именно этот великий человек утверждает, что миссией организации, к которой принадлежите и вы, является возрождение так называемой «большой Индии». В ее состав должны войти территории Тибета, Ирана, Афганистана, Средней Азии, Сибири, МНР, Японии, Китая, Индонезии, стран Индокитая. Все это, по его словам, должно быть захвачено силой. Позвольте спросить вас, какое отношение это имеет к культуре?

— Никто и никогда не говорил нам об этом.

— А о чем же они вам рассказывают?

— О том, что каждый индус должен быть достоин своих великих предков, быть сильным...

— Для чего?

— Чтобы создать могучую Индию.

— Затем?

Рамасвами умолк. Ему, географу и историку, об этом не говорили, а сам он не дал себе труда — а может, не смел? — подумать, что же за всем этим кроется.

Руководители РСС, спекулируя на вполне естественном стремлении народа, избавившегося от двухвекового колониального рабства, осознать себя независимой силой, вдалбливают в умы своих последователей идеи расового и религиозного превосходства, нетерпимости к инакомыслящим, культ физической силы, слепое повиновение «наставникам», а вернее сказать, фюрерам разных рангов — от верховного главы — *сарсангх-чалака* до руководителя низовой организации — *шакхи*.

Разговор с неожиданным посетителем затянулся на добрых три часа. Вряд ли я переубедил его. Дело это вовсе не легкое — высвобождение из-под гнета внешне привлекательных иллюзий, даже когда человек начина-

¹ Гуру — наставник, учитель (санскр.).

ёт осознавать их вредоносность. Уходя, Рамасвами сказал:

— Вы были откровенны со мной, и я благодарен вам за это. Поверьте, я и мои друзья высоко ценим подвиг вашего народа, отстаившего родину и разбившего врага. Мы знаем, что вы сумели достичь многого и хотели бы, чтобы и наша родина стала такой же.

Конец разговора оказался совсем неожиданным. Не думаю, что Рамасвами просто хотел польстить. Я готов поверить в его искренность. Во всяком случае, не могу причислить его к тем, кто враждебно относится ко всему советскому просто потому, что это — советское. Он принадлежит к числу тех, кто еще не разобрался во всем.

Несмотря на вполне благополучный конец беседы, она меня встревожила. Ведь РСС — массовая организация, по крайней мере на севере Индии. Ее руководители не раз устраивали пробу сил — они были причастны и к мусульманским погромам в Калькутте, и к религиозно-общинным столкновениям в Джабальпуре, и погромам в Дели в 1967 г. В январе 1965 г., во время вспышки сепаратистского движения в Мадрасе, один из руководителей среднего звена этой организации, некто Н. Рао, говорил мне, полагая, видимо, что это — комплимент:

— Вы, русские, понимаете ценность мира — вы прошли через две мировые войны и через гражданскую войну. Мы, индийцы, никогда не воевали. Нам нужно как следует подраться. После этого мы сможем оценить подлинную ценность мира.

Как бы деятели этой партии ни старались набросить на свои концепции религиозно-культурное покрывало, идеология РСС не может не вызывать тревогу. Их усилиями создается миф об извечности индуизма как концепции «образа жизни», присущей индусам не как представителям исторически возникшей и исторически ограниченной религии, а как особой расе индуизма, выражения некоего расового духа. Искусственно строится «идея» о культурно-творческой миссии так называемой индусской нации, а поскольку история свидетельствует против, то им приходится создавать соответствующую этой идее «методологию». Как утверждал один из идеологов РСС, «в истории нет объективных, установленных фактов». Все, по его мнению, зависит от воли историка.

Такое мы уже слышали. Никогда не изгладится из памяти человечества ужас фашизма, за который заплачена чудовищная цена — 50 миллионов человеческих жизней. Была и «арийская идея», и соответствующая ей политика, и «теоретическое» обоснование нацистского варварства.

Может ли подобное повториться в других странах? Должны ли жители этих стран испытать на себе все ужасы, через которые прошли народы Европы? Разве недостаточно поучителен опыт человечества, чтобы сделать соответствующие выводы и вовремя поставить необходимый заслон перед идеями фашизма?

В Делли май — июнь — обычно самые жаркие месяцы. А в 1968 г. стояла невыносимая жара. Даже яркое индийское солнце не могло пробиться сквозь плотный слой пыли, висевший в воздухе, и казалось старой монеткой, прилипшей к небу. От одной мысли, что через три дня я буду в Москве, становилось даже прохладнее.

Мне надо было зайти к знакомому продавцу книг, он пообещал достать несколько старых изданий. Хозяин магазина был человеком гостеприимным, всегда угощал чаем и спешил показать новинки. Только на английском языке в год издается около трех тысяч книг. Среди книг, которые он предложил мне, было немало интересных — со всеми трудно познакомиться сразу. Вдруг в глаза мне бросилась грязновато-зеленая обложка, с которой на читателя смотрело лицо человека с наглыми глазами, на его хозяине была гимнастерка, через плечо португепя, а под носом слишком характерные усики. Оказалось, что это не работа по истории нацизма, не отчет о Нюрнбергском процессе, а сама «Майн кампф», принесшая человечеству Освенцим и Бухенвальд, Майданек и Дахау.

Книга издана в Индии на английском языке издательством, перепечатавающим по дешевке дорогостоящие западные антисоветские издания. Кое-кто склонен оценивать этот факт как проявление... свободы слова. Да разве не поставило человечество фашистскую пропаганду вне рамок гражданских свобод? Думаю, преступнику нет места среди честных людей. Или, может, кто-нибудь считает, что преступность автора этого сочинения может быть доказана лишь повторением на индийской земле всего, что произошло в Европе во время второй мировой войны?

Кто-то ведь явно заинтересован в том, чтобы подобные идеи укоренялись, пропагандировались, вели к соответствующим действиям. В начале 50-х годов мне довелось познакомиться с произведением некоего Каррэна «Воинствующий индуизм в индийской политике». Автор ее — американский политолог. После того как в 1948 г. было совершено подлое убийство, жертвой которого пал Махатма Ганди, замечательный вождь индийского национально-освободительного движения, госдепартамент США направил Каррэна в Индию. Два года провел этот «ученый» в стране, скрупулезно исследуя на всех уровнях деятельность крайне правых организаций, особенно Раштрия Сваям Севак Сангх. В результате — названная публикация, в которой автор делает вывод: если США желают в своей политике в Индии достичь успеха, им следует опираться на крайне правые круги религиозно-общинной реакции. Вывод весьма и весьма многозначительный — каждому, кто следит за международными событиями, становится очевидным то значение, которое придают заправилы американской политики любым религиозно-общинным конфликтам. Для достижения своих целей они прибегают к помощи конфессионально-реакционных партий, идет ли речь о бессмысленной ирано-иракской войне, о необъявленной войне против ДРА, о поддержке так называемых сикхских террористов с их идеей создания государства Халистан, нацеленной на раскол Индии, или же о преступном убийстве премьер-министра Индии госпожи Индиры Ганди.

Что стало с учителем Рамасвами за эти годы, я не знаю, но надеюсь, что он и ему подобные будут более трезво оценивать то, о чем им твердят их гуру разных рангов.

ЙОГИ

В Индии веков 11—12 назад развивалось широкое общественное движение. Его участники, известные как сиддхи, натхи, йоги, занимали непримиримую позицию по отношению к «сильным мира сего», утверждали идеалы равенства, пытались осознать материальную природу человека, законы природы, для того чтобы продлить человеку жизнь и преобразовать мир. Они

опирались на древнейшие религиозно-философские учения. Но все это — события стародавние, а в наши дни... Сейчас индийские газеты полны сообщений о йогах — похитителях детей, йогах — насильниках и растлителях, самых заурядных мошенниках и шарлатанах, спекулирующих на древней народной вере, будто йог может исцелить от болезни, выступить в защиту обиженного, смело сказать правду в лицо «сильным мира сего».

Много лет назад йог Лакшмана Рао заявил в сингапурской газете, что опровергнет закон тяжести и наступит день, когда он сумеет пройти по воде, не замочив ног. Прошли долгие тридцать лет, пока готовился он к этому событию. Вряд ли откроет он кому-нибудь свои секреты. Во всяком случае, за эти годы Лакшмана Рао изрядно поездил по свету, встречался с политиками и бизнесменами, с красавицами и богачами, поражал их тем, что жевал битое стекло и запивал его стаканом азотной кислоты, а также многими другими «подвигами». Но неотвратимо, как он говорил, приближался день и час, когда наука должна была быть повергнута в прах и доказано, что дух может делать с материей все, что ему заблагорассудится.

Все началось довольно современно, с соответствующего паблисити: «Самые красивые и самые богатые женщины мира у ног Л. Рао», «Л. Рао и Мэрилин Монро», «Л. Рао и Черчилль» и т. д. и т. п. Поток «авторитетных» мнений по поводу сверхъестественных способностей Л. Рао захлестнул мир. На страницах газет и журналов появились его фотографии с государственными и политическими деятелями, с журналистами. Был и снимок — Рао на фоне специально выстроенного для него бассейна в Бомбее, где и должно было состояться это эпохальное событие.

Стали даже распространять билеты. Их было немного — всего пятьсот штук, но цены на них оказались высокими — сто одна, двести одна, триста одна, четыреста одна и пятьсот одна рупия за билет. Таким образом, там должна была присутствовать избранная публика, то есть самая богатая.

Наконец настало раннее утро 12 июня 1966 г. С волнением и трепетом ждали собравшиеся (среди них были артисты и ученые, государственные деятели и журналисты, предприниматели и чиновники) момента, когда же не сработает закон тяжести хотя бы для одного человека на свете!

...Бассейн наполнили водой. Она словно трепетала в ожидании торжественного момента. Легкая рябь покрывала водную поверхность. Великая стихия в тот день участвовала в необычайном событии.

Все должно было быть строго документировано — десятки корреспондентов газет, радио- и телевизионных компаний принялись за дело. Наготове блицы и камеры, магнитофоны и пишущие машинки. Заранее уже написаны заголовки и первые строки статей. Все — в предвкушении мировой сенсации, перед которой померкнут даже подвиги в космосе. Появился Лакшмана Рао, торжественный и величавый, преисполненный сознания значительности момента. Глаза его сверкали, волосы развевались на ветру, смуглое, мускулистое тело отливало темной бронзой. Наступила тишина.казалось, замер не только стадион, но и весь город. Рао поднялся по ступеням к бассейну, остановился на его краю, поднял ногу для шага, который должен был буквально перевернуть науку. Он поставил ногу на воду... но предательская стихия оказалась недостаточно плотной средой, чтобы удержать вес человека, — Рао с плеском погрузился в воду. Жалкий и растерянный, он сразу же стал мишенью для фоторепортеров — уж если чуда не произошло, так почему бы не запечатлеть провала!

Собравшиеся прореагировали на случившееся, в общем, с юмором. Кто-то закричал:

— Верните деньги обратно!

За этот спектакль Рао получил довольно солидную сумму — 50 тысяч рупий. Кто-то потребовал привлечь обманщика к суду. Больше всего расстроились корреспонденты американских и западноевропейских газет, радио- и телевизионных компаний. Положение, как отмечали газеты, было спасено лишь благодаря присутствию 25 полицейских офицеров, ста констеблей и клятвенному заверению виновника торжества, что деньги будут возвращены.

Нужно отдать ему должное — он все-таки постарался «научно» объяснить свой провал. Выбравшись из воды, йог подошел к микрофону и сказал, что два дня назад при осмотре бассейна он упал, после падения у него нарушился баланс внутренних сил, и он утратил способность... вдохнуть столько воздуха, сколько необходимо, чтобы поддержать свое тело над поверхностью воды. Рао обещал предпринять новый эксперимент цеде-

ли через две, и уж тогда точно наука будет посрамлена! Впрочем, вскоре он удлинит этот срок до месяца. Некоторые газеты требовали: «Рао следует либо доказать через месяц свою правоту, либо извиниться перед публикой!»

Прошел месяц. Стало известно, что Л. Рао болен, у него диагностировали... рак. Дело приняло действительно трагический оборот. Бедняге можно было только посочувствовать. Но рак — это лишь предлог, и появился он здесь для более или менее «пристойного» объяснения провала.

Один видный публицист по поводу требования публики вернуть деньги писал: «Зачем же их возвращать? Тот, кто верит в подобные чудеса, заслуживает того, чтобы стать обманутым».

Не успел забыться этот скандал, как в газетах появилась любопытная фотография «американского йога», молодого человека 21 года, американца Майкла Риггса. Волосы у него были распущены по плечам, и он сидел, вывернув ступни кверху. У него имелось даже индийское имя — в Аллахабаде, у священного слияния Ганга с Джамной, он был обращен в брахмана, наделен священным шнуром и назван Бхагван Дасом.

Как случилось, что образованный молодой человек, сын вполне благополучных родителей обратился к йоге? Не тревожьтесь, он не подвергает себя суровым испытаниям, не глотает ржавых гвоздей и не запивает их азотной кислотой или какой-либо другой. Майкл неплохо проводит время. Я видел его в фешенебельном «Джимхана клубе», на пляже, в веселой компании молодых европейцев. До приезда в Индию он жил среди битников в Гринич-вилладж в Нью-Йорке, играл на гитаре в кафе в Сан-Франциско, занимался абстрактной живописью, скульптурой, кинематографией, но... «жизнь была слишком хороша», и он распродал все — одежду, гитару, чтобы «оплатить проезд в Европу». Ох, уж эта страсть к путешествиям. Молодой человек путешествовал по Европе. Затем из Испании он попал в Марокко, потом в Ливию, Тунис, Алжир, Египет, провел шесть месяцев в Греции. Вот тут-то ему и пришла мысль побывать в Индии, но денег не было. В это время мать прислала Майклу очередной чек, и, наконец, он сумел отправиться в Индию. Его обращение в индуизм не составляло большого труда. Раз, два — и готово! Не менее просто, чем ниспровержение закона тяжести

почтенным Лакшмана Рао! И сколько их, таких «йо-гов», и в Индии, и на Западе!

Однако Риггс — всего лишь новичок, а в Индию приезжают американские и европейские знаменитости, обремененные множеством научных степеней и титулами, произносящие высокопарные речи о всемогущих йогах, о чудесах, на которые они якобы способны.

Действительно, йоги доводят с помощью повседневной тренировки отдельные человеческие потенции до высокой степени развития. Они могут достичь этого потому, что опираются на законы природы. И такое доступно всем людям, вовсе не принадлежащим к числу йогов. Но как только они пытаются попирать законы природы — провал неминуем.

Однако история с Л. Рао, оказывается, на этом не закончилась. Конечно, немало пошумела пресса, возмущенная наглым обманом шарлатана. Среди общеиндийских газет одна «Таймс оф Индия» оставалась невозмутимой — она ограничилась лишь публикацией фотографии о скандальном провале эксперимента. Через несколько дней, когда страсти поутихли, «Таймс оф Индия» опубликовала передовицу под заголовком «Чудо». Уделив определенное внимание характеристике материалов различных органов прессы по поводу этой истории, статья заканчивалась словами: «Мы не можем согласиться, что чудо не свершилось. Оно произошло. Разве не чудо, что пятьсот человек, считающих себя цветом общества, дали шарлатану обмануть себя?»

Прошло несколько месяцев. Было объявлено о проведении выборов 1967 года, и началась подготовка к ним: выдвижение кандидатов, регистрация и т. п. Просматривая списки зарегистрированных кандидатов, я наткнулся на знакомое имя — йог Л. Рао. Он зарегистрировался как независимый кандидат не только для выборов в Законодательную ассамблею штата Махараштра, но и в Народную палату парламента Республики Индии. Он выбрал себе символ, проводил пресс-конференции, давал интервью. На одной из пресс-конференций Рао, между прочим, спросили о его программе. И он ответил, что для ликвидации международных конфликтов необходимо повсеместное распространение системы йогов. Для независимых кандидатов была предложена целая серия рисованных символов, как, впрочем, и для партий, — среди избирателей еще много неграмотных. Л. Рао сообщил корреспондентам, что

в качестве избирательного символа он выбрал бутылку, поскольку она — предмет, широко распространенный в хозяйстве.

— Впрочем,— добавил он,— я мог бы избрать и льва.

Последовал вопрос:

— А почему именно льва?

— Да потому,— заявил йог,— что, когда лев рычит, волосы падают!

Тем самым он намекнул на то, что избирательным символом партии Индийский Национальный Конгресс была повозка, влекомая волами. В конце концов дело дошло и до голосования — по обоим округам, охватывавшим около полутора миллионов избирателей. Л. С. Рао получил немногим более шестисот голосов.

Проповедники, пророки-риши, йоги, садху, гуру ищут разные пути приложения своих «талантов» и превращают занятия в более или менее удачливый бизнес. Так, сверкавший в 60-х годах риши Махешйоги ныне пытается организовать научные семинары и симпозиумы и рассылает отпечатанные золотыми буквами на веленовой бумаге приглашения видным ученым. Гуру Раджниш попытался обосноваться в США и даже немало преуспел в финансовых делах, но и эта великая держава выставила его вон за нежелание платить налоги и еще кое за что. Прабхупада Свами, создав своего рода «международный концерт» по пропаганде «неокришнаизма», не сумел заслужить благоволения бога Кришны и покинул земную жизнь. Их становится все больше, проповедующих всевозможные обеты — индуизма или буддизма,— спекулирующих на вере, а иной раз на неведении людей и наживающих на этом немалые капиталы.

Многие из них прямо связаны с ЦРУ и проводят разрушительную работу, умело манипулируя главным образом сознанием молодежи и вовлекая ее в бездну отвлеченных от жизни, от социальной борьбы (и это — их главная цель) и от активного участия в социальном строительстве пропагандой эфемерных идей, которые лишь отдаленно связаны с религиозными и философскими школами стран Востока, но зачастую очень ловко окрашены в яркие тона и оттенки, что заманивает и ослепляет несведущую аудиторию. И вот это — уже прямое преступление, и только так его следует оценивать, делая из этого соответствующие выводы.

Залы первой в истории Индии *триеннале* — международной художественной выставки — закрылись. Снова она вернется в индийскую столицу через три года. Впервые жители Дели увидели выставку, отразившую многообразие современного искусства. Судя по резонансу, который она вызвала в индийской печати, по притоку посетителей, триеннале стала заметным событием в художественной жизни страны. Представленные на выставке произведения художников 32 стран у индийского зрителя вызвали большой интерес.

Английский искусствовед Джон Бергер в послании по случаю выставки заявил:

— Борьба против империализма и всех его институтов тесно связана с борьбой за подлинно современное искусство.

Эту мысль разделяют, судя по представленным на выставке работам, многие художники, в том числе и те, кто пытается, несмотря на шоры модернизма, коснуться самых острых проблем современности.

В залах делийской триеннале было собрано много работ разных течений и толков модернизма. В какой-то степени они — попытка художников Запада противопоставить свое творчество господствующим в мире капитала официальным эстетическим догмам, создатели которых, часто опираясь на силу и власть «денежного мешка», стремятся оторвать искусство от народа, отвлечь художников от борьбы идей, «освободить» от ответственности перед собой и обществом. Разве модернизм в целом не выполняет сегодня именно этой роли, которую играл когда-то «академизм»? И разве не стал «академизмом» современности модернизм во всех его ипостасях?! По-моему, стал.

Конечно, решающее слово в художественном процессе принадлежит творческому и гражданскому сознанию художника, и на триеннале были работы, авторы которых, ломая каноны модернизма, рассказали правду, например, о Вьетнаме.

Но когда на той же выставке зритель встречается с геометрическими упражнениями (не более!) в красках и карандаше, то не вправе ли он усомниться в том, имеют ли они вообще какое-то отношение к искусству? Художественный эксперимент — неотъемлемое право

художника, и всякий раз он, когда приступает к новой работе, экспериментирует. Но когда «экспериментаторство» становится самоцелью, тогда появляются такие «произведения», которые были выставлены, например, в «американском» зале описываемой триеннале. Вот висит кусок фетра траурно-черного цвета, прибитый к потолку. Каталог предупреждает, что толщина фетра — пять миллиметров, а длина и ширина могут по желанию меняться. К тому же фетр разрезан на несколько полос... А вот застекленная коробка — в нее поставлено пять настоящих рюмок. В одной — кусочек дерева, в другой — рисунок чайки, в третьей — почтовая марка. Остальные пустые. Эта композиция называется «Миграция птиц».

Гиды и отдельный каталог «американского» зала утверждали, что подобные формы — попытка протестовать против дегуманизации искусства. Но удивительно, как можно бороться с ней, начисто изгоняя человека, человеческие эмоции, чаяния, надежды! То, что было выставлено на триеннале представителями буржуазного искусства Запада, в большинстве случаев свидетельствует главным образом о том, как модернизм отчуждает искусство от человека, художника от действительных проблем жизни.

Не случайно, что наиболее ярко и живо рисуется образ простого человека в произведениях художников социалистических и развивающихся стран. Здесь работы многих художников Ирака, АРЕ, Югославии и других стран. Они — свидетельство того, что проблемы современности буквально стучатся в двери искусства. Это ощущаешь, когда смотришь на трагическую скульптуру Вады Жочич (СФРЮ) «Заклученная концлагеря», напоминающую об угрозе возрождения фашизма, или когда останавливаешься перед картиной К. Мюллера (ГДР) «Индийская женщина-строитель». Кстати, это одна из тех работ, которые наиболее ярко воплотили творческий характер нашей эпохи, — эпохи, когда социализм стал движущей силой всякого творческого начала — будь то национальное возрождение страны, вырвавшейся из пут колониализма, или творчество художника, писателя, поэта и ученого.

Индийский писатель Мулк Радж Ананд, президент индийской Академии изящных искусств, в предисловии к каталогу триеннале писал, что новый подход к художественному познанию мира невозможно обнаружить в

коммерческих картинных галереях, где произведения «живописи и скульптуры покупаются и продаются с помощью навязчивой рекламы, формирования моды и превращаются главным образом в форму капиталовложений». Это чувствовалось и на делийской триеннале — там, где зрители сталкивались с данью моде.

По-разному выражали свое мнение посетители. Одни восхищались, чтобы не оказаться зачисленными в число «ретроградов», другие высказывали недоумение по поводу «ящичков», «конструкций» и нумерованных «схем». Отзывы интересно читать — они свидетельствовали о том, как необходимо современному человеку искусство, чего именно он ждет от него и, главное, что делийская триеннале имела все основания стать важным международным художественным форумом.

В последующие годы и вплоть до нашего времени в Дели стали регулярно проводиться общендийские и международные выставки, привлекающие широкое внимание представителей самых разных слоев общественности.

ГОРДОСТЬ

Аэропорт Палам — воздушные ворота индийской столицы — работает с равным напряжением и днем и ночью. Опрямые лайнеры, пересекающие океаны и высочайшие горные хребты, и рейсовые машины индийских линий подчиняются команде диспетчеров и послушно занимают отведенные под стоянку места. Здесь все так же, как и в любом другом аэропорту мира. Встречи и проводы, улыбки и слезы при расставании, дела и размышления, политика и быт — смешиваются тут воедино, создавая неповторимую атмосферу, присущую всем аэропортам мира. Одни спешат на посадку в самолет, другие — поскорее сойти на землю.

Так как меня никто не встречал, я быстро направился к стоянке такси. Но тут на плечо мне легла сильная рука, и я услышал знакомый голос:

— Куда вы спешите? Так и друзья можно не заметить!

— Навтедж! — я обернулся и попал в объятия коренастого бородача в тюрбане. На нем была простая куртка, холщевые панталоны и туфли на босу ногу.

— Навтедж! Откуда?— только и сумел я вымолвить от изумления. Ведь почти год от него не было никаких вестей, даже в журнале «Притлари», который он издавал вместе с отцом Гурбахш Сингом, его статьи почти не печатались.

— Об этом позднее. А сейчас — куда вы спешите? В гостиницу? Так поедem вместе, по дороге и поговорим.

Таксист, такой же бородатый, как Навтедж, боролся с баранкой, пытаясь уберечь свою выдавшую виды машину от нежелательных столкновений, старался, даже с несколько излишней лихостью, показать нам, на какую «бешеную» скорость способен его автомобиль. При этом он напевал что-то лирическое. Под шум колес и пение шофера Навтедж рассказывал:

— Вы, наверное, читали, что в нашем городе два месяца продолжалась забастовка текстильщиков? Знаете, я принимал в ней участие и был все это время невероятно занят.

— Подождите, Навтедж, ведь забастовка кончилась месяцев пять назад.

— Действительно закончилась, но ее последствия многие чувствуют на себе и сейчас. Ведь я только что вышел из тюрьмы. По закону о превентивном заключении я получил шесть месяцев. Все-таки мы победили, почти все наши требования удовлетворены. Ничто не помогло предпринимателям — ни штрейкбрехеры, ни подкупы. Всего бастовало около тридцати тысяч человек, а за время забастовки арестовано свыше двух тысяч человек. Меня арестовали тоже, — с гордостью добавил он и замолчал.

Таксист всю дорогу тянул свою песню, у которой не было конца, но нас это несколько не смущало. Глаза Навтеджа весело поблескивали:

— Мне здорово повезло, — продолжал он. — Ведь все мои родные уже сидели в тюрьме — и отец, и братья, и сестры. А я ни одного дня не провел за решеткой. Зато теперь отбыл полгода. Я горжусь этим. Вы, наверное, думаете: «Вот странно! Человека упрятали в тюрьму, а он гордится этим!» Знаете, ведь есть чем гордиться! Мы, интеллигенты, любим поговорить о народе, посетовать о его горестях, порассуждать о том, что вот если бы... Но многие ли действительно разделяют беды народные? А тут я оказался вместе с самыми простыми, рядовыми рабочими. И я был поражен: у них есть чему поучиться. Прежде всего — мужеству, че-

стности, стойкости. Общение с ними дало мне громадный материал — я начинаю серию рассказов и очерков «Мои земляки». Следите за рекламой!

Я почувствовал, что это был уже не прежний Навтедж. Что-то в нем изменилось. Появилась уверенность в своих силах, внутренняя убежденность в своих идеалах.

С тех пор прошло более двадцати лет, впервые мы встретились в 1959 г.: однажды я приехал в гости к Гурбахшу Сингху, который жил в небольшом городке Притнагаре. Гурбахш Сингх — писатель, оказавший огромное воздействие на умы пенджабцев. Он помогал им разбираться и в международных событиях, и в хозяйственных, и в семейных. Каждый, кто обращался к нему с письмом, был уверен, что в очередном номере журнала «Притлари», основанном Гурбахшем, в рубрике «Из моего окна» найдет ответ. Это был удивительный человек.

В тот приезд Навтеджа, его сына Ритураджа и меня сфотографировал сам Гурбахш. Я храню эту фотографию, но моих друзей уже нет в живых. Навтеджа не стало в 1978 г., а тремя годами раньше умер Гурбахш, отец современной пенджабской прозы. Шами, старший сын Навтеджа, возглавил журнал «Притлари» и по-прежнему продолжал прогрессивную, демократическую линию, направленную против идеологов сикхского фанатизма, проповеди пресловутого Халистана.

ИЗ КАТМАНДУ В КОЛОМБО

Казалось, лишь вчера я любовался панорамой стройки гидроэлектростанции на реке Панаути, возле Катманду, еще вчера под иссиня-черным звездным небом морозным вечером смотрел представление цама, ну вот уже снова в Мадрасе, в тепле, у себя дома. Минул месяц со дня моего приезда в Катманду, куда я, признаюсь, прилетел одетым для января довольно легко. Пришлось срочно утепляться. Труднее всего оказалось подобрать головной убор. Выбирая, я, наконец, показал на что-то вязанное из шерсти яка, и продавец переспросил:

— Балаклава кэп?

Меня несколько удивило это крымское слово здесь, среди Гималаев, но я, примерив, все-таки купил нечто похожее на кепи с уложенными вокруг него наушниками, спустив которые можно оказаться в своего рода шлеме. Вот только тогда, когда я превратил этот головной убор в «шлем», стало понятно и название. Подобные головные уборы вязали в прошлом веке лондонские дамы для английских солдат во времена Крымской войны.

Маршрут, которым я добирался до Непала в январе 1965 г., почти повторял путь великого русского востоковеда Ивана Павловича Минаева, когда тот отправился в столицу Непала в 1874 г. — Катманду. Разница была в том, что я летел, а он трясся по бездорожью в паланкине. Самолет непальской авиакомпании пролетал над ущельем, склоны которого покрыты лесами, казалось, до них можно было дотянуться рукой. Опытный пилот уверенно вел машину, несмотря на значительную облачность. Внизу, по дну ущелья, среди лесных зарослей поблескивала лента реки и желтели отмели. Наш полет занял всего полтора часа, а тот же путь И. П. Минаев преодолевал целую неделю.

Когда сто лет назад он приехал в Непал, перед ним предстала страна, которая, казалось, была обречена действиями британского колониализма и жестоким режимом местных правителей Рана на вечное прозябание во мраке средневековья. Множество препятствий пришлось преодолеть тогда русскому востоковеду, чтобы добиться разрешения приехать в Непал в поисках буддийских рукописей. Но ничто не могло остановить ученого, одержимого страстью узнать как можно больше о жизни и обычаях других народов и стремившегося установить с ними дружеские связи. В книге «Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского», опубликованной в 1878 г., большой раздел он посвятил своему путешествию в Непал. Это был первый научный труд о Непале, созданный русским ученым.

Отмечая очередную годовщину путешествия И. П. Минаева в Непал, советские востоковеды праздновали также и очередную годовщину такой отрасли отечественного востоковедения, как непалистика. В книге И. П. Минаева, написанной русским исследователем более ста лет назад, давались не только сведения по географии страны, истории, экономике, этнографии, но и по проблемам духовной жизни и международных от-

ношений, мифологии и литературы. Для русского читателя конца XIX — начала XX в. записки И. П. Минаева были подлинной энциклопедией знаний о Непале. Именно он впервые рассказал русским людям о жителях далекой страны, расположенной в Гималаях, их жизни и быте. Ученый аналитически описал и те силы, которые препятствовали общению непальцев с другими народами, — английские советники стали здесь носителями худших черт так называемой западной цивилизации.

Самолет сделал круг над Катманду и пошел на посадку. Внизу лежала долина, окруженная со всех сторон Гималаями. Пройдя обычные процедуры — таможенный досмотр, паспортный и медицинский контроль, я на такси отправился в город. Катманду расположен от аэропорта в 20—25 минутах езды на машине. Но это был уже совсем не тот город, каким он предстал сто лет назад перед Минаевым. Тогда в нем насчитывалось пять тысяч жителей. XX в. решительно утвердился на земле Непала: теперь отсюда можно связаться по телефону или по радио с любой страной, сегодняшний гражданин Непала смотрит кинофильмы, пользуется автобусным сообщением и в целом он более уверенно смотрит в завтрашний день, чем в далекие времена. Идет необратимый процесс преобразования фундаментальных основ жизни. Рассказывая соотечественникам об экономической жизни Непала, И. П. Минаев ничего, кроме традиционного ремесла да караванной торговли, описать не мог.

Я был преисполнен чувством громадной гордости, что мне, корреспонденту «Правды», предстояло продолжить рассказ других представителей советской прессы о событиях огромной важности — об открытии первых крупных предприятий национальной непальской промышленности, оборудованных по последнему слову техники, — сахарного завода в Биргандже и сигаретной фабрики в Джанакпуре. Оба предприятия построены при экономическом сотрудничестве с СССР. И я присутствовал при торжественном моменте открытия. Там трудятся непальские рабочие, которыми руководят талантливые непальские инженеры и техники. Затем был построен еще и завод сельскохозяйственных орудий в том же Биргандже. Сейчас этот город — крупнейший промышленный центр Непала. Символом преодоления вековой отсталости стали превосходные автодороги

Биргандж — Джанакпур и общенациональная магистраль Восток — Запад. В стране закончилась эра бездорожья, тормозившая экономический прогресс страны, территория которой расчленена хребтами и долинами.

В то время, когда я приехал в Катманду, строительство гидроэлектростанции на реке Панаути было в самом разгаре. В своей книге И. П. Минаев так рассказывал об этой реке: «Мы поднимались с полчаса и затем стали опускаться к долине реки Панаути. Река не видна с вершины, но, как только начинаешь спускаться, шум быстро текущей реки явственно слышен»². Все было, как и в тот день. Только когда я спускался к этой реке, то увидел не «ряд разбросанных глыб, ничем не скрепленных и легко размываемых...», а панораму строительства непальской электростанции.

ГЭС Панаути уже давно успешно работает, обеспечивая промышленность и жителей Катманду электроэнергией. Она заставила реку Панаути служить на пользу развивающемуся Непалу. Это прообраз будущих энергетических богатей, которые заставят служить мощные гималайские реки непальскому народу. А гидроэнергетические ресурсы страны, лежащей в центральной части Гималайского хребта, очень велики.

Конечно, о том месяце, который я провел в Катманду, можно бы рассказать подробнее, но о Непале уже немало написано, да и времени, чтобы поближе познакомиться с этой страной, у меня не оставалось — пришлось спешить на Шри-Ланку, где должны были состояться парламентские выборы и мне следовало написать об этом репортаж в газету. Недели через три из Мадраса я вылетел в Коломбо.

В Мадрасе было тепло, но в Коломбо я почувствовал себя словно в оранжерее. Термометр показывал на шесть градусов выше. В Коломбо я остановился в гостинице «Голл Фейс Отель», в том самом, в котором когда-то останавливался Иван Павлович Минаев во время своего путешествия на Цейлон (Шри-Ланку). Конечно, гостиница старомодна, но само ее местоположение привлекательно — перед ней лежит громадная площадь, чуть ли не до самого форта, вокруг которого и выросла Коломбо. Это, в сущности, не площадь, а кусок океанского берега, место прогулок и развлечений.

² Минаев И. П. Очерки Цейлона и Индии. Из путевых заметок русского. СПб., 1876, с. 261.

От самой гостиницы веяло стариной, даже портье, с белым крахмальным высоким воротничком и черным галстуком, казался пришельцем из прошлого века. Сверяясь с заказами, он ловко раскрыл промадную книгу для регистрации и попросил внести необходимые данные. После этого он вручил мне увесистый ключ и приказал слуге проводить меня на третий этаж в мой номер.

Обстановка номера была старомодной. Окна выходили на застекленную крышу ресторана. Несколько фрамуг на крыше были постоянно открыты. Мне предстояло провести здесь немало дней, следовало вникнуть в ситуацию, разобраться в том, что происходило в стране, совсем недавно пережившей трагедию, — заговорщиками был предательски убит премьер-министр Цейлона Соломон Бандаранаике. Я спустился в холл, нашел газетный киоск и купил свежие газеты — и местные, и английские. Но в потоке обрушившейся на меня информации я, к сожалению, нашел совсем мало материала, способного прояснить ситуацию.

Познакомившись с газетами, решил прогуляться по городу и обменять аккредитивы (чеки) на деньги. Шагая по улицам Коломбо, я про себя отмечал, что во многом он отличается от индийских городов, и тут наткнулся на громадный валун, покрытый мхом. Сквозь неровную зелень мха просматривался полустершийся от времени герб португальских королей. Они мечтали царствовать на земле Шри-Ланки вечно, и их слуги решили, что валун может служить олицетворением вечности. Но у времени свои законы.

Шри-Ланка 1965 г. хорошо помнила шаги, предпринятые Соломоном Бандаранаике в деле демократизации страны, упрочения национальной экономики, ослабления зависимости от иностранных чайных монополий, привнесения некоторых социалистических начал. После его трагической гибели правительство возглавила его вдова Сиримава Бандаранаике, продолжившая тот же курс, но могущественные противники этой политики резко активизировали свою деятельность и, в сущности, спровоцировали необходимость ускоренного проведения парламентских выборов.

Я обменял свои чеки в местном отделении лондонского банка «Нэйшнл энд Гриндлейз Бэнк». При этом я и не подозревал, что через несколько дней доведется познакомиться с его деятельностью поближе. Среди

ежедневных газет я обнаружил лондонскую «Таймс», отпечатанную на превосходной рисовой бумаге — она в несколько раз легче, чем обычная, — специальное издание для пересылки по воздуху. Среди разнообразной информации и обильной рекламы меня особенно привлек годовой отчет банка «Нэйшнл энд Гриндлейз Бэнк». Пространный документ занимал несколько полос газеты, отличающейся весьма компактным набором. Банк, один из крупнейших в Англии, занимался, среди прочих своих дел, еще и финансированием чайных монополий на острове, и к тому же откровенно (я бы сказал — цинично) вмешивался в политику стран, где сколько-нибудь значительно представлены их интересы.

Особое внимание в документе уделялось, например, положению на Шри-Ланке. Деятельность правительства Сиримаво Бандаранаике, возглавлявшей «Шри-Ланка фридом парти», направленная на национализацию транспорта и нефтяных монополий, находившихся в руках иностранного, главным образом британского капитала, и начавшаяся дебатами о национализации чайных и каучуковых компаний, вызывала раздражение хозяев банка. В прессе монополий не только излагалась жесткая политическая программа, которая ожидалась от нового правительства (в него входили, разумеется, противостоящие тогдашнему кабинету силы), но и предложен — поименно! — конкретный его состав.

Это были дни, когда решался вопрос об отсрочке выборов, поскольку тогдашняя оппозиция нуждалась еще в двух неделях для завершения ряда предвыборных мероприятий. Оппозиция вела непрерывную атаку на правительственную коалицию демократических партий с тем, чтобы не дать ей эффективно использовать такое мощное средство информации, как радио. И, как ни парадоксально, правительство, не желая «нарушать» демократию, отказалось использовать радио в предвыборной кампании, отдав его в сущности в полное распоряжение оппозиции.

Когда уже было объявлено об отсрочке, «Файнэншл таймс», издаваемая на Шри-Ланке, опубликовала ряд материалов, выглядевших как развитие «идей» отчета «Нэйшнл энд Гриндлейз Бэнк». В каждой строке утверждалось, что именно ее хозяева, т. е. банки и частные монополии, и есть подлинные творцы и хозяева жизни, и именно «они создают национальное богатст-

во»³. Газета уверенно писала о грядущей победе Объединенной Национальной партии, располагавшей и солидными средствами, и хорошо отлаженной организацией. Партии правительственной коалиции противопоставляли этому самоотверженные усилия отдельных кандидатов — с ними было трудно встретиться, но когда встречи все-таки случались, они не без горечи признавали, что если коалиция и одержит победу, то лишь с небольшим перевесом.

За последние дни корреспондентский корпус значительно вырос, и холл гостиницы по вечерам превращался в своеобразный клуб журналистов — «Франс Пресс», «Дейли мейл», «Майнити», «Ассошиэтед Пресс» и многие другие. Кое-кто из них приехал с совершенно определенной точкой зрения — Объединенная Национальная Партия победит, ибо по-другому и быть не может. Контакты с коллегами полезны во всех смыслах — иной раз узнаешь удивительные подробности, детали и нюансы.

Я вечером спустился в холл гостиницы и застал там кое-кого из своих знакомых. Они беседовали с англичанином, внешность которого дала многим авторам детективов некоторый стереотип — суховатый, спортивный, с волевым подбородком. Оказалось, что он менеджер крупной группы чайных плантаций. Присоединился к этой группе и я. Коллега из «Дейли мейл», прилетевший из Сингапура, стал расспрашивать о порядках на плантациях. Менеджер был откровенен:

— Предупреждаю вас, не вставляйте, пожалуйста, в свои чертовы листки моего имени. Печатайте, что хотите, но на меня не ссылайтесь.

Ход предвыборной кампании вызывал у него удовлетворение — наконец-то будет покончено с этим проклятием, с национализацией. Ему возразили, ссылаясь на то, что национализированная нефтяная корпорация работает успешно.

— Да неужели? — спросил он. — Работает? А кому от нее выгода? Ведь «Бармашелл», создавшая всю систему снабжения нефтепродуктами на острове, не получила ни гроша! А разве ее строили местные жители?

И с некоторым раздражением добавил:

— Они и на чайные плантации хотели замахнуться. А что такое Шри-Ланка без нас? Это все равно что

³ «Файнэншл таймс». 18.03.1965.

конь без ног. Да осуществи коалиция эту глупость (он так и сказал — глупость), местные жители умрут с голода, если только не возьмет их кто-нибудь на иждивение!

— А как у вас живут рабочие?— полюбопытствовал корреспондент «Франс Пресс».

— А что им сделается? Ведь они трудятся на открытом воздухе, а климат у нас превосходный. Каждый день я плачу сборщице две рупии сорок семь центов за выполненную работу, плюс 5 центов за каждый фунт, собранный сверх того. Вы и не представляете, сколько нам приходится возиться с ними! Мы обязаны предоставлять им жилье (на самом деле — бараки.— *И. С.*), медицинское обслуживание и даже заботиться об их образовании.

— Об образовании?— удивился француз.

— А как же! Вот посудите сами — я плачу сборщице сорок две рупии, если она родит ребенка. Затем, пока ему не исполнится год, я обеспечиваю их обоих бесплатной медицинской помощью. Потом, когда он дойдет до школьного возраста, я отправляю его в школу, где ребенок получает образование за мой счет. Там он учится до четырнадцати лет.

— А что же затем?— не унимался француз.

— А потом я получаю готовую пару рук для плантации,— сказал он.

— Так!— задумчиво произнес француз.— Не согласитесь ли вы, что это смахивает на рабовладение?

— Нет, никогда не соглашусь с этим. Рабочие работают по контракту. Закончился контракт, я расплачиваюсь с ними, теперь он может убираться на все четыре стороны. Но прежде всего — надо расплатиться за труд.

— У вас есть акции?

— Нет, я на жалованье. Акции у моей жены.

— Какой компании?

— Той, в которой я работаю,— «Лакки Вэлли». Жена — один из основных акционеров.

Он был откровенно циничен и искренне убежден, что именно так и должно быть: тамилы должны собирать на местных плантациях чай для английских плантаторов, а сингалам нечего совать туда свой нос. Участникам беседы было явно не по себе от столь откровенного восхваления модернизированного рабовладения, но менеджер радушно приглашал заехать на подведомственные ему плантации и полюбоваться на под-

линный «рай» на земле. Корреспондент «Дэйли Мэйл» поинтересовался, какой дивиденд выплатила компания в прошлом году.

— Всего семнадцать процентов,— был ответ.

— Ожидаете ли вы такой же и в этом году?

— Что вы! Уверен, в этом году он составит процентов сорок-сорок пять. «Файнэншиэл Таймс» констатировала серьезный рост акций частных компаний на лондонской бирже тех лет.

Очевидно, позиции менеджера, местной газеты и лондонской биржи совпали.

По-своему мнения подобных менеджеров поддерживают и представители иных слоев. Возле гостиницы всегда дежурят такси — автомобили разных марок. Мой таксист сразу же завел беседу на тему о предстоящих выборах.

— Теперь дела пойдут у нас на лад,— начал он разговор и хлопнул по приборной доске, свидетельствовавшей о том, что машина набегала уже около 70 тысяч километров.— Покончу с этим старьем. Дадли обеспечит свободный импорт. Вчера я был на митинге. Завтра пойду снова.

— Завтра? А где будет выступать кандидат Дадли? На что вы надеетесь?

— Да здесь, в Коломбо.

Пожалуй, подумал я, нужно пойти послушать.

— А давно у вас эта машина?

— Да у меня шесть таких. Этой — три года.

— Что же вы водите автомобиль сами?

— А зачем кому-то платить? У меня и так восемь рабочих — пятеро на машинах, трое — в гараже. Я зарабатываю неплохо, кое-что приобрел, но деньги лежат мертвым капиталом, импорта нет. Конечно, я расширил бы дело. Ну, да скоро все будет иначе. Хватит министрам за наш счет на мерседесах разъезжать. Теперь мы на них поедем.

Он рассуждал по-обывательски примитивно, но его жизненное кредо отражало настроения того слоя общества, который связан со сферой обслуживания.

...На следующий день я отправился на митинг Дадли Сенанаяке. Площадь запружена народом. Присутствовало много крепких парней в зеленых рубашках и зеленых каскетках. Зеленый цвет — цвет ОНП. Я поехал не один, а с коллегами — два француза, англичанин, американец, двое японцев. Речь Дадли не произвела особо-

го впечатления, все, о чем он говорил, уже было известно из газет, из выступлений других кандидатов. Наша группа разошлась по площади — нужно было поговорить с людьми.

Там, куда направились оба японца, сгрудились зеленые рубахи, они размахивали кулаками, шумели. Один из японцев вынырнул из толпы, но уже без своих превосходных камер. Пиджак на нем был разорван, рукой он прикрывал глаз. За ним было погнались несколько зеленых, но, увидев иностранцев, вернулись. Группа зеленых распалась, и второй японец, пошатываясь, побрел к нам. Мы помогли ему сесть в машину, и французы повезли бедолаг в госпиталь...

Вот и наступил канун выборов. По договоренности противоборствующих сторон в этот день не должно было проводиться никаких агитационных мероприятий. Чтобы посмотреть в день выборов, как будет идти голосование, мы решили отъехать куда-нибудь подальше. За Галле, а назавтра, двигаясь в сторону Коломбо, познакомиться с ходом выборов на местах.

На страницах «Дейли миррор» появилось сенсационное сообщение о том, что мистер Дон Дэвид, кандидат от ОНП в округе Агалаватте, арестован в связи с тем, что застрелил человека, поддерживавшего кандидата от Ланка Сама Самаджа парти (социалистической партии, входившей в правительственную коалицию) — Анила Мунесинхе.

Пострадавший умер в госпитале... О том, что произошло, нам рассказал водитель:

— В моем автомобиле находилось четверо, в том числе Кариавасам. Кариавасам сидел впереди, а трое — сзади. Машина остановилась, он вышел, чтобы зайти в типографию Тилака Пресс. Я и трое других пассажиров тоже вышли. У находившегося рядом дома стояли двое с пистолетами в руках. Между ними стоял Дон Дэвид. Тут Дэвид сказал: «Пусть этот парень тоже получит свое». И тогда один из двоих выстрелил в Кариавасама, и тот упал.

Из последовавших затем сообщений, в частности «Дейли миррор» от 23 марта 1965 г., явствует, что Кариавасам был убит сразу несколькими пулями, из чего следует, что в него стреляли не один раз. Вот вам и зерно политического детектива.

Двигаясь на юг, в сторону ХамбантоTTY, мы проезжали по очень живописным местам: рядом океан и

пальмы, песчаные пляжи и рыбацкие деревушки. В бухточках около них стояли катамараны, кое-где суденышки были вытянуты на берег.

Наша машина остановилась возле одной такой деревушки — незавидно живут тут рыбаки. Вокруг нашего «Москвича» собрались чуть ли не все ее жители. Сначала трудно было объяснить им, откуда мы приехали: в школьных учебниках, все еще воспевавших в те годы блага колониальной эпохи, нашей стране уделено всего несколько строк. Но с помощью сообразительных мальчишек географическая проблема была быстро решена. Мы узнали, что здесь собираются голосовать за партию Сиримава Бандаранаике. Об этом рассказал нам один рыбак. Мы с ним однолетки, но никто бы этому не поверил — ему можно было дать по меньшей мере лет на 20—25 больше.

— Нужно, — сказал он, — чтобы победила эта партия — благодаря ей все наши дети учатся, лечиться можно бесплатно. Я тоже лечусь, — и он показал на ноги, раздутые от слоновой болезни. — Наша артель приобрела новые сети, может, на будущий год заведем моторный баркас.

В разговор вступил молодой рыбак в зеленой рубашке:

— Выходит, ради мотора ты продашь демократию?

Таков один из стереотипов предвыборной демагогии правых.

— При чем здесь демократия? С мотором рыбы выловишь побольше. У твоего отца два моторных баркаса, а у нас на всю артель — ни одного.

Рыбак обратился ко мне:

— Его отец раньше был нашим хозяином, а теперь мы работаем в артели, хозяйничаем сами. Для него демократия — к двум моторным баркасам прикупить третий, а нам — по-прежнему мыкаться в нищете. Это и есть его демократия.

И вот мы уже на пути к Галле. Это удобная, но заброшенная гавань. Во времена путешествия И. П. Минаева на Цейлон именно сюда прибывали корабли — порт в Коломбо тогда еще только зарождался. Как раз здесь был один из первых оплотов колониализма на этой земле. Настоятель церкви форта охотно отвечал на наши вопросы. Он хотел, чтобы победа на выборах досталась ОНП. Настоятель сообщил, что он молится за это денно и ночью со всеми прихожанами. А велик.

ли приход? Как выяснилось, около четырех тысяч прихожан, все, кто живет на территории форта. Мы поинтересовались, все ли они будут голосовать за ОНП. Он сказал, что эти люди вполне единодушны в своем решении. А какого мнения настоятель о «Шри-Ланка фридом парти»? Он ответил, что не хотел бы говорить о ней плохо. Она поддерживает буддистов, и он опасался, что католиков при ней будут преследовать.

Около шести часов вечера по пути в Матару увидели на дороге необычное оживление и большое количество хороших, новеньких машин — фольксвагенов, шевроле, фордов, плимутов, мерседес-бенц. Они останавливались на обочинах в разных местах, и их пассажиры раздавали зеленые сари, рубашки и каскетки. Там, где приобретение новой рубашки — событие громадной важности (ведь покупка вызывает напряжение в семейном бюджете), такой подарок влечет за собой естественное стремление быть благодарным. А как? Отдать голос за партию этого цвета?

Местами мне пришлось быть свидетелем прямого подкупа — деньги вручались местным функционерам для раздачи избирателям.

Под избирательные участки использовались, как правило, школы. Мы заехали в одну из них. Тут царил дисциплина. На дорогах не видно было ни полицейских, ни армейских патрулей, хотя вчерашние газеты истошно кричали на разные голоса о патрулировании избирательных участков — прямо как в условиях военного положения. Они просто не нужны, если не появятся новые Дон Дэвиды. На всем протяжении пути от Галле до Коломбо голосование проходило спокойно.

23 марта уже передавались, по мере поступления сведений, результаты выборов. ОНП выходила вперед — прежде всего по округам района чайных плантаций, затем там, где была сильна католическая церковь. К трем часам дня ситуация прояснилась. Формально большинство проголосовало за ОНП, но этого оказалось недостаточно, требовалась для получения права формирования правительства поддержка других партий. Если главные партии правительственной коалиции смогли бы заручиться поддержкой партий, представляющих интересы тамильского меньшинства, то они могли бы сохранить власть в своих руках. Начинался напряженный период межпартийных переговоров и встреч. А тем временем печать и радио сообщали, что

на лондонской бирже акции чайных компаний энергично пошли вверх.

Наряду с такого рода давлением оказывается еще и моральное, с тем чтобы исключить попытки госпожи Сиримаво Бандаранаике все-таки сформировать правительство. Это давление обволакивается лестью. Вот как зывала к Бандаранаике «Дейли миррор»: «Пусть потомство сохранит в памяти ее облик — первой женщины премьер-министра на Цейлоне, вернее, во всем мире; пока еще лучи славы освещают ее лицо, пусть она покинет сцену, как того требует долг.

Пусть она стряхнет с себя людей, приведших ее к падению... Теперь они будут петь ей дифирамбы, чтобы сбить с пути истины, чтобы не дать принять поражение с должным изяществом, конституционно, освобождая путь партии, получившей безусловную поддержку народа».

Вечером 24 марта я работал над поступившей корреспонденцией. Откуда-то доносился нарастающий гул, словно на город надвигалась громадная волна. Я выбежал в холл, чтобы посмотреть, что происходит, — мой номер выходил окнами во двор. За машиной с государственным флагом, движущейся в сторону форта, к резиденции генерал-губернатора, текла бесконечная клокочущая людская река. Слышались восторженные крики:

— Она согласна! Сиримаво формирует правительство!

Действительно, она была готова к этому. Ей даже было дано согласие генерал-губернатора на образование кабинета министров, при условии, что ее новое правительство обеспечит порядок, но, когда она обратилась к командующим вооруженными силами и суперинтенданту полиции с просьбой поддержать ее, они наотрез отказались. После этого Бандаранаике подала в оставку.

Об этом стало известно 25 марта около 10 утра, а в 11 часов Коломбо увидел иную демонстрацию. На этот раз не крики радости людей, а рев торжествующих класонов. И снова та же дорога к форту, но на этот раз она была запружена автомашинами, и на каждой прикреплен зеленый флажок, зеленые платки. Уже на следующий день появилось объявление, что «Лакки вэлли ти компани» выпустила дополнительно 640 тысяч акций по две рупии каждая.

Хотя органы газетных концернов «Лейк Хауз» и «Таймс оф Цейлон» пытались в предвыборной кампании играть — и довольно настойчиво — на всякого рода и антикоммунистических, и антисоветских мотивах, однако национальные интересы оказались более сильными. Соглашение об экономическом сотрудничестве, понимание советской стороной фундаментальных задач национальной экономики Цейлона, упрочение ее независимости, практические шаги в развитии дипломатических, торговых, культурных связей между Советским Союзом и Цейлоном оказались сильнее.

Не раз пришлось мне бывать на замечательном острове, истинной жемчужине Индийского океана. Парадокс жизни Цейлона состоял в том, что страна, являющаяся одним из важнейших производителей каучука, импортировала покрышки на миллионы рупий. Это положение продолжалось до тех пор, пока не был построен с помощью СССР шинный завод в Келании, в предместье Коломбо. Тогда потребности в автопокрышках стали удовлетворяться, значительная часть продукции идет на экспорт. Нужно иметь в виду, что в основном пассажирские и пружинные перевозки в стране делаются за счет автотранспорта.

Металлургический завод, выросший в Орувеле, избавил страну от валютных затрат на ввоз металла. Над портом Коломбо маяками поднялись башни первого на острове мельничного комбината. Решались и другие задачи технико-экономического сотрудничества, росли плодотворные и взаимовыгодные связи. Знаменательны слова одного из видных политических деятелей Шри-Ланки — Филиппа Гунавардене: «Каковы бы ни были изменения политической погоды в нашей стране, среди моих сограждан растет убежденность в том, что в деле укрепления национальной независимости и суверенитета, укрепления мира во всем мире, в борьбе против империализма и колониализма СССР — надежная опора».

Коломбо растет. Неподалеку от него, по пути на Келанию, среди кокосовых пальм стоит небольшой белый мавзолей, увенчанный изображением земного шара. Вокруг тишина. Здесь царит дух одного из замечательных людей нашего времени — Удакендавалы Сарананкары Тхеро. Мне посчастливилось несколько раз при его жизни беседовать с ним, первый раз — в 1965 г., недели за три до выборов.

Небольшого роста, в бордово-коричневатой рясе, со спокойно уверенным выражением лица, он, буддийский священник, участник борьбы за национальное освобождение народов Шри-Ланки и Индии, рассказывал о своей духовной эволюции. Необычайно интересно было проследить, как от веры в абсолютную истинность слова Будды через конкретный опыт национально-освободительного движения он шел к пониманию диалектики, не только к ознакомлению с марксизмом, но и к освоению его.

— И вот теперь я, тхеро,— разводя руками, несколько недоуменно заключал он свой рассказ,— член Политбюро Коммунистической партии Шри-Ланки.

Лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами», он остался в памяти людей как воплощение скромности и негибаемой воли в борьбе за социальную справедливость, за счастье народа. На изданном посмертно первом томе его автобиографии — изображение разорванных цепей — красноречивый символ решимости народа Шри-Ланки покончить с наследием колониализма.

ЗНАМЯ

И вот я снова приехал на север субконтинента, только не в Индию, а в Пакистан. И снова приходилось выезжать в разные города, встречаться с новыми людьми.

С Раза Али всегда было необычайно интересно. В гости к нему приходили умные люди, не только понимающие, но и знающие жизнь. Это были истинные патриоты. Хозяин — Раза Али — ученый с мировым именем, — человек со сложной и трудной биографией; он много мог сказать людям вообще и, в частности, тем, кто собрался у него в тот вечер. И еще — поваром у него был бывший солдат англо-индийской армии, который еще в начале второй мировой войны был вестовым у лейтенанта полка раджастанских стрелков Раза Али. Повара звали Али Раза. С хозяином его связывали узы дружбы. И не только потому, что Али Раза спас жизнь Раза Али в бою.

Однажды вечером гости расходились медленно, хотя, но было уже поздно, каждому нужно было еще

добираться до дома. В Равалпинди зимой холодно, случаются и морозы. Не сибирские, конечно, но одним демисезонным пальто не обойдешься. Ударит мороз, ночью выведет, а поутру на долины лягут туманы и закроют их серебрящимся инеем, и, пока не пригреет солнце, они будут лежать, клубиться, точно горы серой ваты. Я уже стал было собираться домой, в мою скучную и холодную гостиницу, но Раза Али попросил меня не торопиться.

— Али!— крикнул он, и в гостиной, отирая руки, появился повар. Он подошел к Раза Али, и тут мне показалось, что они настоящие братья. Было в них что-то такое, что объединяет людей сильнее, чем кровное родство.

— Посиди с нами, пожалуйста, Али,— сказал Раза.— Сегодня у нас гость из России.

— Я знаю,— ответил Али и обратился ко мне с довольно витиеватым мусульманским приветствием.

В гостиную вернулась Айша, жена Разы Али, уже проведив последних гостей. Мы сидели, потягивая легкое вино. Они втроем расспрашивали меня о жизни советских людей, о событиях, происходящих в мире. Раза обратился к жене.

— Милая, принеси, пожалуйста, знамя.

Айша поднялась и вышла из гостиной.

— Во время войны,— заговорил Раза Али,— мне довелось побывать в городе Баку. Да, да, в вашем Баку. Я был адъютантом офицера связи подполковника Клинтон. Он взял меня с собой в эту поездку. Клинтон должен был договориться с советским командованием об обеспечении охраны транспорта с вооружением и горючим, проходившего по территории Ирана. Подполковник относился ко мне довольно либерально, и я этим пользовался.

Тогда, в конце 1943 г., в Баку в госпиталях лечилось много советских офицеров, участвовавших в Сталинградской битве. С одним из них мне посчастливилось подружиться. Он тоже был лейтенантом, но служил не в пехоте, а в танковых частях. Несколько лет спустя я узнал, что он погиб в боях за Берлин. У меня остался подарок от него — знамя, которое он вывез из Сталинграда. Я храню его как самое дорогое сокровище. Айша сейчас его принесет.

Наступила тишина.

— Нам пришлось защищать это знамя,— проговорил

Али.— У нас началась в свое время охота за ведьмами, и Раза арестовали. В поисках улики полицейские все перевернули в доме. Только вот вещи повара они смотреть не стали. Знамя лежало у меня, завернутое в священную рубаху, доставшуюся мне от деда,— когда-то ее надевали под кольчугу, надеясь, что она спасет от смертельного удара. Ведь на ней написан весь текст Корана.

Айша вернулась с картонной коробкой в руках, которую передала Раза. Он открыл ее и, вынув сверток бурого цвета, протянул мне. Я осторожно принял сверток.

— Пожалуйста, разверните его — сказал хозяин.

Действительно, на ткани были написаны суры Корана мельчайшим, но четким и изящным почерком. Витязь, носивший эту рубаху, видимо, был не очень рослый — наверное, она предназначалась юноше. Судя по тому, что с левой стороны, примерно там, где под тканью, прикрытой кольчугой, билось сердце, виднелась круглая дыра с почти почерневшими краями, ткань не спасла воина.

Я бережно разворачивал древнюю ткань, и вдруг из-под нее полыхнул кумач — и в моих руках оказалось знамя. Скорее всего флаг, развевавшийся над советским учреждением, может, над зданием школы. Но это было боевое знамя, пробитое пулями и осколками мин и снарядов. Кто знает, сколько погибло солдат, защищая эту святыню.

Раза взял знамя и развернул его. На ткани виднелись серп и молот со звездочкой над ними.

— Мне пришлось застирывать его,— вздохнула Айша — чтобы не очень было заметно. Но мне это так и не удалось сделать.

Раза, Айша и Али встали и взялись за края знамени, словно солдаты перед торжественным принесением присяги. Я поднялся тоже. Мы присягали на дружбу, на верность чаяниям и надеждам всех людей на земле и самой драгоценной мечте — мечте о мире. Я закрыл на мгновение глаза и увидел клубы дыма над сражающимся городом, в вышине кружились стервятники, заклеенные черными крестами, какой-то солдат бросался грудью на амбразуру, плевавшуюся смертельным огнем.

...Домой я возвращался поздно.

Никогда не забыть мне этого вечера.

Не случает такой горячий интерес ко всем явлениям жизни Индии в душе каждого современного советского индолога. Более полутора столетий развивалась школа отечественной индологии, и открытия и работы многих наших учителей сформировали и наши взгляды, и наше тяготение к дальнейшему изучению Индии.

О жизни замечательного востоковеда Сергея Федоровича Ольденбурга, выдающегося организатора отечественной науки, многое известно. Однако высокое положение непрямого секретаря Академии наук, на котором он находился с 1904 по 1929 год, оставляло в тени ранние этапы формирования его и как ученого, и как человека, не только погруженного в поиски научной истины, но и живущего интересами страны и своего народа. Правда, кое-что об этом рассказано биографами А. П. Карпинского и В. И. Вернадского, великих ученых, его соратников и друзей. И все-таки многое остается скрытым под толщей времени. Большое количество документов находится в архивах либо непрочитанными, либо незамеченными, как, например, самая обычная почтовая открытка, на которой написано лишь пять строк.

Она адресована некоему С. Степняку, проживавшему в Лондоне по адресу: 13, Гров Гарденс, Сэнт-Джонсвуд, Норд-вест. На открытке проставлена дата — 23 ноября 1888 г. Текст открытки таков:

«Брошюр у меня нет здесь, я писал по просьбе Клейбера, которому пишу о Вашем согласии. Как только получу ответ, сообщу Вам. Я получаю свои лубочные книги и картины — не зайдете ли завтра (в субботу) вечером после 5 часов посмотреть их. Я был вчера у Вас, но никого не нашел.

Ваш Сергей Ольденбург

И приписка сбоку: *Мой звонок средний — 2 раза⁴.* Текст этой открытки мог бы показаться деловым и малоинтересным, если бы не ее адресат. Она обращена к С. Степняку, а он не кто иной, как Сергей Михайлович Кравчинский, известный русский революционер, участник «хождения в народ», страстный борец против царизма, автор ряда книг о России, пропагандист, чьи

⁴ ЦГАЛИ, ф. 1158, оп. 1, ед. хр. 375.

«сказки» получили одобрение и И. С. Тургенева, и Г. И. Успенского. 4 августа 1878 года среди бела дня он в знак отмщения за жандармские расправы заколол шефа жандармов Мезенцева. Словом, это была личность далеко не заурядная и ко времени написания открытки настолько широко известная, что молодой ученый прекрасно знал, к кому обращался. Шаг был, конечно, смелый, тем более для начинавшего ученого, будущее которого в немалой степени зависело от благоволения властей.

Ведь еще по окончании университетского курса решением Ученого совета Санкт-Петербургского университета было постановлено оставить кандидата С. Ф. Ольденбурга «для приготовления к профессорскому званию». Но суждения авторитетного ученого органа оказалось недостаточно. Требовалась еще и такая справка:

«8 июня 1885 г. СПбургский градоначальник дал С. Ф. Ольденбургу свидетельство о благонадежности на предмет оставления при Университете с целью приготовления к профессорскому званию. Просителю 21 год, проживает с октября 1883 г. Васильевский остров, 6 линия, д. 15»⁵.

Успехи молодого ученого были столь очевидны, что виднейшие русские востоковеды — основатель русской школы индологии профессор И. П. Минаев и знаменитый арабист В. Р. Розен сочли необходимым отправить его в командировку за границу сроком на два года для сбора материалов для диссертации на степень магистра. В мае 1887 г. он выехал с женой в командировку, предполагавшую работу в Париже и Лондоне, встречи с выдающимися востоковедами Запада. Программа его начиналась с Парижа. Он регулярно писал своему наставнику Ивану Павловичу Минаеву, уведомляя о ходе работы, о своих впечатлениях. Нет-нет да и проскользнут в этих письмах нотки тоски по Родине, возмущение тем, что творится вокруг. 26 мая 1887 г. он писал из Парижа: «Многое плохо там, и душно там теперь...»

Последняя дата не так уж далека от числа, когда была написана открытка. Видимо, не очень-то корреспондент «отстранился» от русских дел. Возможно, это не первое письменное обращение Ольденбурга к Степняку, который, в свою очередь, ему ответил. Только от-

⁵ ЛО Архива АН СССР, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 21.

вета в архиве Ольденбурга нет. И, думается, по причинам, вполне понятным.

О каких брошюрах говорилось, и корреспонденту, и адресату было известно. Точно так же они прекрасно знали, что такое «лубочные книги и картины», — мы понимаем эти слова сегодня в историко-литературном смысле, а для них речь шла, можем предположить, например, о сытинских изданиях для народа, к которым был причастен и С. Ф. Ольденбург, как он сам свидетельствует, обработками индийских сказок. Так ли или не так — предстоит еще разобраться.

Объясняя свое обращение, Ольденбург констатировал «...я писал по просьбе Клейбера». Как раз это имя уводит нас в начало 80-х годов прошлого столетия. Уже прогремели взрывы 1 марта 1881 г., уже были повешены Софья Перовская, Андрей Желябов, а другие участники процесса «первомартовцев» сосланы на каторжные работы. Лишь за один 1881 г. кроме процесса «первомартовцев» прошло еще 15 судебных расправ. Правительственный террор не знал пределов, но царизм искал и другие пути борьбы с революционным движением, в том числе предпринимал попытки отвлечь студентов от революционного движения.

В начале 1882 г. в Петербургском университете образовалось студенческое научно-литературное общество. Цель его была в высшей степени политически нейтральной — «содействовать научным и литературным занятиям студентов, устраивая рефераты и чтения, предпринимая переводы иностранных научных сочинений и издания в виде сборников или отдельных выпусков лучших студенческих диссертаций и статей, приискивая научные и литературные занятия членам и выписывая научные и литературные журналы и книги для пользования членов». В качестве инициаторов создания Общества выступили два графа — братья Гейдены и некоторые студенты, связанные с ними.

Один из друзей С. Ф. Ольденбурга, А. А. Корнилов, в своих воспоминаниях писал: «Вскоре после открытия обнаружилась скрытая цель общества — сплотить те элементы студенчества, которые могли бы деятельно противостоять весьма распространенной в студенческой среде революционной пропаганде»⁶. Так, в постановлении совета Общества от 20 февраля 1882 г. было вы-

⁶ Русская мысль. 1916, кв. 3.

сказано сомнение по поводу темы «Об отношениях церкви и государства»; но прошел день 1 марта 1882 г. — обратите внимание на дату, — принят проект устава Общества, подготовленный Гейденом. Но за мартом последовал апрель, когда так называемое дело Лелонга потрясло буквально всех. Восстановить событие невозможно, и о существовании его можно судить по косвенным, но достаточно убедительным свидетельствам, принимая во внимание документ, в котором говорится о необходимости «приискивать научные и литературные занятия членам».

Некий Лелонг, увлеченный карьеристскими перспективами, оказался болтлив и сообщил что-то о «проектах» своего «устройства». В отчете о деятельности Общества за пять лет отмечалось: «...в апреле 1882 г. случилось в нем одно горестное происшествие, вовсе приостановившее деятельность Общества слишком на полгода, а прогрессивное его развитие — более чем на год. Оказалось, к сожалению, что в члены Общества поступили несколько человек, далеко не с одним желанием сблизиться с товарищами в кругу истиннейших и законнейших интересов студенчества, а с целями, которые никак не должны бы были иметь студенты, — оказалось, что несколько человек думали, что Общество сосредоточит в себе студентов с определенными политическими воззрениями и что, прочее того, пребывание в нем послужит им блестящею рекомендациею для будущей карьеры. Такие взгляды стояли в очевидном и резком противоречии с целями Общества...»⁷

Гораздо полнее и отчетливее этот конфликт обрисован в письме брата С. Ф. Ольденбурга, Ф. Ф. Ольденбурга, его другу, известному русскому историку И. М. Гревсу. Вот что он рассказал: «Общество возникло по мысли „консерваторов“ и „карьеристов“, почувствовавших в острый момент студенческих волнений, какие совпали с событиями 1 марта 1881 г., необходимость организовать для противопоставления себя гораздо более объединенным „радикалам“ и для проведения в университете своих взглядов и стремлений. Но они не очень тщательно вербовали себе сочленов, и неудачно рекомендованные или попавшие в Общество юноши-идеалисты скоро обнаружили скрытую тенденцию учредителей. Один болтун из части подго-

⁷ ЛО Архива АН СССР, ф. 208, оп. 2, № 76, л. 17—18.

людей настоящих реакционных воротил прямо стал проповедовать, что Общество преследует „антинигилистические“ цели и будет заботиться об исклопотании для своих добропорядочных сочленов выгодных служб по окончании курса через свои связи, о заключении которых оно будет очень добиваться, набирая богатых и знатных участников. Неумная откровенность испортила дело, заговор был раскрыт (может быть, даже раздут), и попавшие в Общество радикалы и прогрессисты решили вывести тайных политиканов на чистую воду. Готовился резкий „запрос“, который мог разрядиться в крупную историю и в такой повиточный момент привести к закрытию Общества»⁸. Заметим, что ядром той группы, которая решила «вывести тайных политиканов на чистую воду», стали братья Сергей и Федор Ольденбурги. Эта группа получила сильную поддержку со стороны председателя Общества профессора О. Ф. Миллера. Длительная борьба привела к тому, что из Общества ушло «созвездие» учредителей — граф Гейден I, граф Гейден II, князь Ливен, князь Голицын, граф Бобринский, князь Абамелек-Лазарев. Что собой представляли эти люди, ярко показано в портрете старшего представителя рода Гейденов, нарисованном В. И. Лениным в статье «Памяти графа Гейдена».

Общество действовало более пяти лет. На последнем этапе существования его научный отдел возглавлял И. А. Клейбер, талантливый математик и астроном, чье имя и упомянуто в открытке, а секретарем научного отдела был А. И. Ульянов. Последнее обстоятельство сыграло решающую роль в судьбе Общества, несмотря на то что Александр Ильич еще в декабре 1886 г. сложил с себя эти обязанности и практически вышел из Общества. Уже после его казни 12 июня 1887 г. в университет поступило следующее распоряжение министра просвещения Делянова: «Из сообщаемых Министерством внутренних дел сведений усматривается, что при СПб-ом университете имеется Студенческое научно-литературное общество, среди членов коего состояли все главные участники преступления 1 марта сего года, а один из самых деятельных руководителей заговора, Ульянов, исполнял обязанности секретаря общества. Сообщая об изложенном, имею честь покорнейше просить Ваше превосходительство сделать рас-

⁸ ЛО Архива АН СССР, ф. 726, оп. 1, № 36, л. 54—55.

поражение о немедленном закрытии упомянутого общества и о последующем донести в Министерство». Студенческое научно-литературное общество разогнали.

17 октября 1887 г. С. Ф. Ольденбург писал И. П. Минаеву: «Только что получил письмо, что Оре-ста Федоровича (Миллера.— И. С.) изгнали за непо-чтительные отзывы о Каткове — неужели это правда? Такое омерзение просто берет, как видишь, как спокой-но одна гадость делается за другую и все молчит»⁹.

Интересно, как отразилось пребывание молодых су-пругов за границей в письмах его жены Александры Петровны Ольденбург. 19 июня 1887 г. она писала из Парижа И. М. Гревсу: «Тут чувствуешь себя совершен-но спокойно со стороны личной безопасности, и все пе-тербургские тревоги ужасно кажутся далекими. Мне бы очень хотелось побольше войти во внутреннюю париж-скую политическую жизнь. Но как трудно понять, чего желать: такая масса различных мастей, оттенков поли-тической физиономии представляется здешними газе-тами, и такая резкость и смелость выражений, что те-ряешься, с одной стороны, а с другой,— не вполне дове-ряешь резкому суждению. Кажется, что теперь положение очень обострилось, финансовый кризис, мас-са рабочих отпущена (т. е. уволена.— И. С.) с фабрик и бродит без дела по Парижу... *Хлеб очень вздорожал*; во всех радикальных и рабочих органах требуют отме-ны закона (мартовского этого года) о пошлинах на хлеб, требуя устройства муниципальных булочных. *Зимой угрожает голод*.

Странно кажется это предположение, когда видишь массу вещей роскоши, различных приспособлений к удобствам людей, дешевизну этих предметов; всякий мог бы жить с комфортом; а *самое нужное дорого*»¹⁰.

Неделей раньше, 3 июня 1887 г., Сергей Федорович писал брату о неприятии парижской жизни, о встречах с коллегами, в частности с Сильвенем Леви, с которым беседовал о необходимости утверждения мира, сообщал о газетах, с которыми систематически знакомился, и среди них называл «Proletariat». Интерес к социалисти-чески окрашенной прессе свидетельствует и Александра Петровна. С. Ф. Ольденбург, сообщая брату о встрече с С. Леви, подчеркивал: «Он тоже видит спасение в кре-

⁹ ЦГАЛИ, ф. 1696, оп. 1, ед. хр. 354, л. 59.

¹⁰ ЛО Архива АН СССР, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 28, л. 242—243.

стях, в земле, а о рабочих говорит, что это, вероятно, наиболее мыслящий и работающий умственно класс (вот видишь, а санскритист)»¹¹. Вместе с тем во время пребывания в Париже они посещают социалистические митинги.

Такой же настрой звучит и в письмах к брату из Лондона. 23 января 1888 г. С. Ф. Ольденбург дал характеристику политической жизни Англии и, обращая внимание на роль профсоюзов, отмечал: «Этим вопросом следует заняться, он в России может иметь большое значение»¹².

«На Trafalgar Square,— писал он далее,— положено начало новой борьбе, которая должна перевернуть английские порядки. Невыносимая нужда и замедление решения коренных экономических вопросов страшно развитой благотворительностью ставят вопрос прямо и резко — только здесь масса чернее и темнее, чем парижская, и вдали мерещится кровь. Вообще надо сказать, что с горечью убеждаешься все более и более в том, что те, кому есть еще время отказаться теперь от того, что скоро возьмут от них силу, более слепы и безрассудны, чем когда-нибудь.

...А времена ветхозаветных пророков с их чудною, мощною речью прошли, и тщедушным журналистам наших дней не пробить, верно, страшной брони предрассудков „правлящих классов“. Да, многое придется нам пережить, и, может, смерть застанет нас еще тогда, когда кровь будет все литься и зарю восходящего солнца можно будет видеть только с „высоких вершин науки“»¹³.

В письмах Александры Петровны проскальзывает упоминание о некоем новом знакомом, который «...много рассказывал о Фрее и его коммуне... человек совершенно противоположный по убеждениям Фрею, материалист очень резкой окраски, требующий в настоящее время для народа только хлеба и считающий блажью заботы о просвещении»¹⁴. Имя его осталось незазванным, но упоминание Фрея, основателя «религии человечества», и выражение отрицательного отношения и к его концепции, и к его коммуне, вводят нас в область духовных поисков русской интеллигенции той по-

¹¹ ЛО Архива АН СССР, ф. 726, оп. 2, ед. хр. 252, л. 3.

¹² ЛО Архива АН СССР, ф. 887, оп. 2, ед. хр. 157, л. 12.

¹³ ЛО Архива АН СССР, ф. 887, оп. 2, ед. хр. 157, л. 13.

¹⁴ ЛО Архива АН СССР, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 28, л. 247.

ры, крайние пределы которых обозначены в этом письме. Не Кравчинский ли имелся в виду?

За тридцать лет, прошедшие между датой открытки и 1 декабря 1918 г., когда С. Ф. Ольденбург выступал с докладом о Льве Толстом, Россия пережила три революции, последняя из которых — Великая Октябрьская социалистическая революция — открыла завтрашний день строительства, преодоления накопленного веками зла, создания новой жизни.

Во время своей второй экспедиции в Восточный Туркестан С. Ф. Ольденбург записал 25 января 1915 г. в дневнике: «Зло надо всегда ненавидеть, а не только понимать и истолковывать. И не надо бояться ненависти, в ней больше настоящей любви к людям, к человечеству, чем в созерцании и рассуждении, самом беспристрастном. Попросту беспристрастия нет и быть не может у людей, пока они люди»¹⁵.

Пять строк на открытке Степняку символичны — они при всей их простоте и деловитости означали серьезный поворот в образе мыслей С. Ф. Ольденбурга и связанных с ним членов Студенческого научно-литературного общества. После его разгона они составили тесный кружок, так называемое «Братство», первоочередной задачей которого была «...признана борьба с самодержавием, как основным злом русской жизни, сводящим на нет все прогрессивное содержание»¹⁶. В этой по-юношески наивно сформулированной идее отразилась главная задача русской революционной демократии, осуществленная благодаря самоотверженной деятельности В. И. Ленина и руководимой им партии.

Сказанное выше далеко не исчерпывает то, что скрыто в этих пяти строках содержания открытки. Предстоит дальнейший поиск.

ПО СЛЕДАМ УЧИТЕЛЯ

За окнами, неплотно задернутыми шторами, давно уже сгустилась промозглая петроградская густая осенняя хмарь. Время от времени завывал ветер и бросал в окна морось. Внезапно в окно ударил мгновенный ярко-желтоватый свет, точь-в-точь как кусок шелка, который

¹⁵ ЛО Архива АН СССР, ф. 208, оп. 5, ед. хр. 28, л. 185.

¹⁶ ЛО Архива АН СССР, ф. 208, оп. 2, ед. хр. 42, л. 30.

лет семь назад подарил ему далай-лама, и послышался грохот, похожий на раскаты грома. Гроза в конце октября в этих широтах?

Он взглянул на часы — 9 часов вечера... А гроыхнуло и сверкнуло почти так же, как тогда, когда он сидел допоздна над рукописями по древнеиндийской философии в библиотеке махараджи Бенареса. Помнилось, то был гнетуще душный пасмурный день. Под вечер разразилась гроза, метавшая над Гангой и над полями за ней целые вереницы таких же лимонно-желтых ветвистых молний. С разъяренных небес лились потоки воды, от которых бежало все живое.

Он подумал о том, что на всякого, кому случится приехать в Бенарес, этот город, расположенный на берегу священной для индусов Ганги, набросит легчайшее покрывало своего обаяния.

Если захотите увидеть знаменитую реку, тогда встаньте пораньше, пока еще не забрезжил рассвет, и спешите на берег, к многочисленным *гхатам*, спускам, чьи крутые ступени подведут вас к зеркально-спокойному потоку могучей реки, рождающейся высоко в горах. Вы увидите многие десятки тысяч паломников, пришедших со всех концов Индии со своими бедами и горестями в надежде, что омовение в водах священной реки избавит их от житейских несчастий; знатоков священных книг и древних сказаний, астрологов, предсказателей судеб, лекарей, сидящих под зонтами и не отказывающих в своих советах за незначительную мзду. Однако славу центра великой мудрости еще со времен глубокой древности создали Бенаресу настоящие ученые, в совершенстве знающие санскрит, хранящие традиции знания Вед, священных книг индусов, и всей связанной с ними комментаторской литературы.

Вот почему сюда, в этот город, куда устремлялся каждый, жаждавший приобщиться к сокровищнице знаний, в октябре 1910 года приехал из России он, Федор Ипполитович Щербатской, профессор восточного факультета Санкт-Петербургского университета, индолог, уже завоевавший мировую известность, инициатор такого международного начинания, как «Библиотека Буддхика», член ряда научных обществ, знаток индийской культуры и философии. Его задача была ознакомиться с традиционной методикой изучения санскрита и воз-

можностями ее использования в университетском образовании...

Он вспоминал об этой поездке как своего рода обеде перед памятью своего учителя, основателя русской школы индологии, профессора Ивана Павловича Минаева. Щербатской закрыл Минаеву глаза в далекой Ницце. Туда загнала Ивана Павловича надежда избавиться от терзавшей его чахотки... Вспоминалось, как учитель то и дело обращался памятью к последней своей поездке в Индию и Бирму — уж очень больно отзывалось в его душе все, чему он был там свидетелем.

— Вы читали, Федя, роман Золя «Жерминаль»? Мне случилось прочесть его на обратном пути, пока шли до Суэца. Право же, я содрогнулся, закрыв последнюю страницу. Вот эту-то беду и несет Запад народам Азии, наследникам великих цивилизаций? Вот этот непосильный труд сотен тысяч ради кучки алчных нуворищей? И это Запад превозносит как свои щедрые дары Востоку?

Филиппики его прерывались приступом кашля, но, отдышавшись, слабеющим голосом, который становился еле слышным, продолжал Иван Павлович свои рассказы о местах, где побывал, о людях, которых встречал, пока... пока не наступил тот миг, после которого уже ничего не бывает.

При подготовке к поездке в Индию, проходившей при активном участии непременно дружески внимательного Сергея Федоровича Ольденбурга, был намечен маршрут, который в какой-то мере стал бы отражением странствий их учителя. Следовало посетить Бомбей, Патан, Ахмедабад, Пуну, Кашмир, Бенарес, Сикким, Калькутту, Траванкур, Коломбо и Непал. Однако, несмотря на энергичные усилия российского консульства, от большей части планов пришлось отказаться. Британским властям оказалась почему-то нежелательна столь широкая программа, и из-за этого большую часть времени пришлось провести в Бомбее, в близлежащих местах, знакомиться с собраниями рукописей, заниматься вместе с местными пандитами переводами важнейших текстов философии ньяя¹⁷. С особой теплотой вспоминал Федор Ипполитович о своих занятиях с брахманом из Дарбханги — столицы древнего культур-

¹⁷ Ньяя — одна из классических школ индийской философии, уделявшая основное внимание логике, выработавшая систему доказательств с помощью силлогизмов.

но-исторического района Митхилы, с человеком, изгнанным с родной земли разразившейся там засухой и голодом.

А затем ему пришлось отправиться прямо в Бенарес, где его занятия были посвящены прежде всего исследованиям философии мимансы¹⁸. И, конечно же, он часто навещался в Сарнатх, в то самое место, где, по преданию, Будда начал проповедь своего учения и где всегда было много паломников из Тибета. Однако, пожалуй, кульминацией поездки стал визит русского ученого в Дарджилинг, где он смог (только с разрешения британских властей!) встретиться с далай-ламой, которого, как отмечал Щербатской в отчете о поездке, содержали как военнопленного, в полной изоляции от внешнего мира. Но за время пребывания в Дарджилинге русский ученый не раз виделся с далай-ламой и его окружением и получил богатую информацию о собраниях тибетских и санскритских рукописей в тибетских монастырях. Она не всегда была радостной — ему, например, сообщили, что богатейшее в Тибете собрание буддийских санскритских рукописей в монастыре Боам-яс было уничтожено пожаром.

Далай-лама пригласил русского ученого приехать в Лхасу и познакомиться на месте с рукописными сокровищами тибетских монастырей. Да только одно мешало: хоть и был далай-лама безусловным властителем над душами тибетских монахов и мирян, но приглашение его оказалось бессильно — тут уже требовалось разрешение Пекина, причем испрошенное из Петербурга. Из-за этого не довелось Федору Ипполитовичу осуществить заветную мечту каждого тибетолога и увидеть своими глазами и страну, и ее столицу.

Из того дома, что стоит на берегу Невы, у моста лейтенанта Шмидта, дома, стены которого сверкают белизной мрамора и золотом мемориальных надписей, долгие годы изо дня в день, зимой, летом, рано, еще затемно, выходил высокий, могучего сложения человек. Зимой на нем был надет дул, тяжелый монгольский халат, подбитый лисьим мехом, осенью, весной или летом — холщовый. Он спускался по вымощенному булыжником спус-

¹⁸ Миманса — одна из классических систем индийской философии, в основе которой лежит учение о том, что словесное свидетельство есть единственный источник познания.

ку к реке и купался. Ничто не могло его остановить в этой своего рода ритуальной церемонии — он купался в проруби, даже если мороз был такой, что лед начинал трещать, или вдоль Невы свирепо завывала вьюга и мела поземка.

Он возвращался домой, завершал утренний туалет и, когда часы глуховато били шесть, уже сидел за письменным столом. А с девяти утра вступал в свои права рабочий день ученого вне дома — заседания в разных академических учреждениях, встречи с коллегами, занятия с учениками: и с теми, кто лишь начинал, и с теми, кто уже становился опорой в работе, вырастал в самостоятельных ученых. И Щербатской по-отечески с гордостью произносил их имена.

Рядом с ним, в этом же доме, жили те, кто прославил не только отечественную, но и мировую востоковедную науку. Он поддерживал постоянное общение с этими людьми, и, право же, было бы справедливо назвать их всех «богатырской дружиной», так богато представившей в мировом востоковедении достижения отечественной науки. Это были и академики — индолог С. Ф. Ольденбург, китаисты В. П. Васильев и В. М. Алексеев, арабист И. Ю. Крачковский, египтолог П. К. Коковцов, кавказовед Н. Я. Марр, и славная когорта их учеников и продолжателей. В них воплотилась связь поколений, преемственность великих гуманистических традиций основателей российской востоковедной науки и пафоса огромных исторических преобразований, рожденных Великой Октябрьской социалистической революцией.

Федор Ипполитович Щербатской учился у человека, научный талант и широта общественных взглядов, глубокая человечность которого сделали его основателем русской школы индологии, — у профессора историко-филологического факультета Петербургского университета И. П. Минаева. Не сразу пришел Федор Ипполитович к тем областям науки, которые прославили его и дали основание Джавахарлалу Неру в книге «Открытие Индии» не раз обращаться к его трудам по истории индийской философии и индийской науки, полагая его авторитетом в этих вопросах¹⁹. Этому предшествовали настойчивые занятия общим языкознанием и санскритом у И. П. Минаева. Кроме того, Ф. И. Щербатской изучал

¹⁹ *Неру Дж. Открытие Индии. М., 1955, с. 118, 177—178.*

готский, англосаксонский, древневерхненемецкий, сербохорватский, церковнославянский языки. Кончились университетские годы, последовали занятия в Вене санскритом у знаменитого индолога Г. Бюллера и средневековыми индийскими языками — пракритами — у Г. Якоби.

Первые самостоятельные работы молодого ученого могли бы породить представление о некоторой разбросанности: здесь и текстологическая работа о произведении поэта Харикави «Жизнь Хайхаендры», и статья «Теория поэзии в Индии», сообщения о надписи царя Шиладитьи, жившего в IV в. Занимался Щербатской и историей философии, и грамматикой знаменитого древнеиндийского грамматиста Панини, и религиозными установлениями древней и средневековой Индии. Но два фактора сыграли решающую роль в определении главного направления его научных занятий. Во-первых, это было наследие его учителя И. П. Минаева, стремившегося в своих трудах выявить первоначальное учение Будды, отличавшееся большой радикальностью, и, во-вторых, указания С. Ф. Ольденбурга, предложившего на основании международного сотрудничества создать собрание основополагающих текстов буддизма в оригиналах и переводах. Ф. И. Щербатской стал активнейшим соучастником в осуществлении этого замечательного начинания, вполне сохранившего свое научное значение и сегодня...

В тот вечер, глядя за окно в осеннюю темную питерскую мглу, Щербатской представить себе не мог, что именно этот миг разделит его жизнь почти на две равные половины.

После Октябрьской социалистической революции и Академия наук должна была тоже пройти определенные преобразования. Об этом написано много и обстоятельно, в том числе и о востоковедении. Однако пока еще мы недостаточно хорошо представляем себе, как переживали этот трудный, сложный процесс выдающиеся деятели академического востоковедения.

Один из ближайших соратников В. И. Ленина, управляющий делами Совета Народных Комиссаров В. Д. Бонч-Бруевич, приводит слова Владимира Ильича Ленина из его беседы с неперменным секретарем Академии наук академиком С. Ф. Ольденбургом:

«Вот Ваш предмет... как будто бы он далек от нас, но он и близок... Идите в массы, к рабочим и расскажите им об истории Индии, обо всех вековых страданиях этих несчастных поработанных и угнетенных англичанами многомиллионных масс, и вы увидите, как отзовутся массы нашего пролетариата. И сами-то вы вдохновитесь на новые искания, на новые исследования, на новые работы огромной научной важности»²⁰.

Памятуя о словах, призывавших обратить востоковедение в общенародное дело, раскрывающих перед учеными-востоковедами источник вдохновения «на новые работы огромной научной важности», взглянем на то, чем ответили они на призыв гениального вождя. Прочтем объявление, появившееся весной 1918 г. на дверях факультета восточных языков Петроградского университета:

«В наступающем летнем семестре (15 мая — 15 июля) факультет восточных языков, примыкая к инициативе историко-филологического факультета, открывает двери своих аудиторий, доселе принимавших в себя только студентов-востоковедов, перед широкой публикой и в лице некоторых своих представителей объявляет ряд публичных научно-популярных курсов, имеющих целью привить широким массам населения интерес к серьезному изучению Востока».

Среди лекторов были имена людей, составляющих славу отечественной и мировой науки, — Николай Яковлевич Марр, Иосиф Абгарович Орбели, Игнатий Юлианович Крачковский, Федор Ипполитович Щербатской, Сергей Федорович Ольденбург и ряд других. И первыми двумя лекциями стали лекции С. Ф. Ольденбурга — «Поэзия Востока (Введение в цикл)» и «Древнеиндийская поэзия».

Минул год со времени Великой Октябрьской социалистической революции, состоялись первые при Советской власти выборы в Академию наук, и среди избранных действительных членов Академии наук был и Ф. И. Щербатской. Вновь избранный академик оказал активную помощь молодому советскому государству в подготовке востоковедных кадров и в решении некоторых практических вопросов. Ведь когда ленинским декретом в Петрограде и в Москве в 1919 г. создали ин-

²⁰ *Бонч-Бруевич В. В. И. Ленин в Петрограде и в Москве. М. 1956, с. 32.*

ституты живых восточных языков, в Петроградском институте основу индологического образования закладывали именно академик С. Ф. Ольденбург и Ф. И. Щербатской, а среди их аспирантов были будущий академик А. П. Баранников и видный советский индолог М. И. Тубянский.

Маленькая книжечка в желтом бумажном переплете. Это лекция «Философское учение буддизма», прочитанная академиком Ф. И. Щербатским 24 августа 1919 г. на открытии Первой буддийской выставки в Петрограде. Она удивительна тем, что в своем крохотном объеме уместила высоконаучное, хорошо аргументированное и написанное популярным языком изложение философского развития одной из мировых религий — буддизма. Но, может быть, важнейшей ее частью — с точки зрения характеристики позиций ее автора — прежде всего является заключительный раздел. Завершив изложение темы, ученый сообщает, что затронул лишь главные аспекты философского учения буддизма, и полагает, что они, если правильно их понять и изложить философским языком, обнаруживают удивительную близость к новейшим, наиболее современным достижениям в области нашего научного мировоззрения. «Мироздание без бога», «психология без души», «вечность элементов материи и духа», служащая лишь особым выражением закона причины и следствия, «процесс жизни вместо существования вещей»...

И не к этому ли относится и та буддийская идея, на которую указал еще в 1895 г. С. Ф. Ольденбург в своей работе «Буддийские легенды и буддизм», — «лучше умереть, чем жить на коленях»? Не так давно, всего полтора десятка лет назад, все люди доброй воли содрогались от ужаса, когда читали или слышали о том, что в знак протеста против зверской агрессии американского империализма в странах Индокитая, особенно во Вьетнаме, тот или иной буддийский монах в Сайгоне предавал себя самосожжению — ведь «лучше умереть, чем жить на коленях». И при всей неожиданности для нашего времени такой формы социального протеста эти акты самопожертвования вливались в общенародную борьбу против неокolonизаторов, завершившуюся торжеством народа.

Выставка и прочитанные на ее открытии доклады — отражение той громадной работы, которую начали вести в те трудные годы русские ориенталисты. То, что ска-

зал Ф. И. Щербатской на этой лекции, получило продолжение в его дальнейшей деятельности.

Востоковеды стали активными участниками дела культурного обогащения народных масс. В созданном по инициативе А. М. Горького издательстве «Всемирная литература» была организована Восточная коллегия. Подготовленные и осуществленные ею в те годы издания на газетной бумаге — «Сказание о Хайе, сыне Якзана», «Монголо-ойратский эпос», «Гитанджали» Рабиндраната Тагора и многие другие произведения — символизировали глубину великого чувства интернационализма. Особое место принадлежит журналу «Восток» — предшественнику современного «Восточного альманаха». Пять номеров этого журнала заняли прочное место в классическом наследии советского востоковедения благодаря переводам и исследованиям, опубликованным в нем. В журнале «Восток» напечатан перевод с санскрита романа одного из зачинателей индийской художественной прозы, Дандина, «Похождения десяти принцев», выполненный академиком Ф. И. Щербатским.

В те первые трудные годы после революции советские востоковеды были заняты не только научной и литературной работой. Некоторые из них принимали активное участие в государственной деятельности. Еще 25 ноября 1919 г. непреременный секретарь Российской академии наук академик С. Ф. Ольденбург писал наркому просвещения А. В. Луначарскому:

«Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Позволю себе направить к Вам академика Федора Ипполитовича Щербатского, который, как Вы знаете, является в настоящее время лучшим в Европе знатоком индийской и специально буддийской философии, он учитель известного Вам О. О. Розенберга. Им после пребывания в Индии, где он специально работал по философии с пандитами, был задуман и при содействии Академии наук начал приводиться в исполнение план обнародования основных философских текстов буддизма, в подлинниках и переводах. Теперь, вследствие прекращения сношений с заграницей, этот план, введенный в широком международном масштабе, грозит остановиться. Вот почему Академия решила возбудить вопрос о командировании Ф. И. Щербатского за границу месяцев на пять для того, чтобы вновь двинуть в настоящее время, когда Восток, особенно Дальний Восток, начинает играть все

большую роль в мировой жизни, изучение буддизма... России важно сохранить за собою то выдающееся положение, которое она благодаря работе своих ученых заняла по отношению к изучению буддизма. Академия наук просит Вас об оказании содействия командировке академика Щербатского, которой она придает большое значение.

Примите уверения в совершенном моем почтении. С. Ольденбург»²¹.

Это письмо представляет большой интерес по многим соображениям. Прежде всего, в нем идет речь о важной инициативе русских ученых в деле организации международного сотрудничества по изучению буддийского наследия и публикации «Библиотеки Буддхика», всю честь основания которой С. Ф. Ольденбург отдает Ф. И. Щербатскому. И далее — важнейший по силе политический аргумент: эту инициативу нужно «...вновь двинуть в настоящее время, когда Восток, особенно Дальний Восток, начинает играть все большую роль в мировой жизни...» Эта мысль автора письма актуальна и сегодня, особенно в свете событий последних десятилетий, решительной борьбы народов стран Юго-Восточной Азии за национальную независимость, против империалистической агрессии, их исторической победы.

Прошло три дня, и А. В. Луначарский обратился к Г. В. Чичерину с просьбой принять группу ученых и подчеркнул в своем письме: «Со своей стороны, я сочувствовал бы поездке этих ученых за границу и просил бы, если к тому имеется политическая возможность, в содействии со стороны Наркоминдела»²².

27 марта 1920 г. А. В. Луначарский обратился к В. И. Ленину с рядом технических вопросов, связанных с организацией поездки, и начал свое письмо следующими словами: «После долгого и внимательного обсуждения вопроса о научной командировке академика Щербатского за границу Народные комиссариаты иностранных дел и просвещения пришли к выводу, что как с точки зрения интересов научных, так и с точки зрения политической поездка т. Щербатского за границу является желательной. Все необходимые для этого формальности в настоящее время выполнены»²³.

²¹ «Литературное наследство». Т. 80. Ленин и Луначарский. М. 1971, с. 169—170.

²² Там же, с. 170.

²³ Там же, с. 168.

А примерно через год и академику Щербатскому пришлось обращаться с особой телеграммой к известному английскому востоковеду Денисону Россу, тогдашнему куратору Британского музея, с просьбой помочь ускорить выдачу визы на поездку в Индию. Ведь в то время с Англией еще не были установлены дипломатические отношения.

А. В. Луначарский направил В. И. Ленину через Управление делами Совнаркома отзыв о его личных впечатлениях о некоторых ученых, в том числе и о Ф. И. Щербатском.

Нарком просвещения писал: «Академик Щербатской — превосходный ученый... Как человек весьма передовой и симпатично относящийся к Советской власти, был отпущен нами за границу с поручениями Академии наук. За границей вел себя исключительно лояльно. Дал несколько заметок по положению науки в России, совершенно корректных и безукоризненных. Написал несколько официальных писем Наркомпросу с отчетом о своих впечатлениях. Собирается вернуться на днях в Россию со всякими научными новостями»²⁴.

Досадно, но пока еще не найдены заметки, с которыми выступал за границей Ф. И. Щербатской. Да и вообще материалы об этой его поездке никогда не собирались и не публиковались.

С новой энергией принялся за работу Федор Ипполитович — «Библиотека Буддхика» ожила, и стали одна за другой появляться ее книги, делавшие достоянием современности философские тексты буддизма. И каждая из них была словно очередной ступенью к вершине не только этой серии, но и самой буддологии — к двухтомному труду Ф. И. Щербатского «Буддийская логика», изданному в 1928—1930 гг. на английском языке и остающемуся непревзойденным и по настоящее время (поскольку «Библиотека Буддхика» была международным научным предприятием, книги ее выходили на разных языках).

В то же время Ф. И. Щербатской написал статьи «К истории индийского материализма» и «Научные достижения древней Индии», характер которых позволяет видеть в них продолжение того дела, к которому призывал индологов В. И. Ленин.

Ф. И. Щербатской уделял много времени своей педа-

²⁴ Там же, с. 258—260.

гогической деятельности, занимаясь с аспирантами и студентами, вел активную общественную работу.

С 1935 г. он возглавил кафедру индийской филологии Ленинградского института истории, философии, литературы и лингвистики, где рядом с ним работали его ученики, а также деятель индийского национально-освободительного движения Вирендранат Чаттопадхьяя.

Гитлеровская агрессия вынудила эвакуировать крупнейших ученых из Ленинграда в глубокий тыл, где они могли бы заниматься наукой. Вдали от родного города, несмотря на преклонные годы, Ф. И. Щербатской продолжал свою исследовательскую деятельность. Он скончался 18 марта 1942 г. в селе Боровом, на севере Казахстана.

Прошло много времени, неизмеримо выросло число индологов в нашей стране. Однако творческое наследие великого советского индолога продолжает жить. В самом деле, один лишь его фундаментальный двухтомный труд «Буддийская логика» за послевоенные годы был полностью издан три раза в разных странах, переиздавалась и «Библиотека Буддхика», творцом которой наравне с академиком С. Ф. Ольденбургом являлся и Ф. И. Щербатской, переиздаются и отдельные ее книги. в том числе непревзойденный доньше труд одного из самых блестящих его учеников, профессора А. И. Вострикова, «Тибетская историческая литература», два тома произведений Ф. И. Щербатского, отдельные его статьи и переводы. К 100-летию со дня рождения ученого в издательстве «Наука» вышел посвященный ему сборник статей советских индологов «Индийская культура и буддизм».

Среди гостей, которых академик принимал в своем доме еще в 1938 г., был замечательный индийский писатель и филолог, историк и прогрессивный общественный деятель Рахула Санкритьяяна. До приезда в Ленинград он встречался с разными западными учеными, и одним из его постоянных вопросов оставался:

— Кто наиболее серьезный знаток буддизма среди ученых Европы?

И кто бы ни отвечал ему на этот вопрос, выдающийся ли немецкий индолог профессор Людерс или не менее известный французский ученый Сильвен Леви, ответ оставался одинаковым — академик Федор Щербатской.

Не раз Р. Санкритьяна — собиратель рукописных со-
кровищ в Ладакхе, Тибете и Непале, бывал в гостях у
советского ученого. Он сидел вместе с ним за круглым,
покрытым зеленым сукном столом, под громадным зе-
леным абажуром. В 1943 г. Р. Санкритьяна издал в
Аллахабаде один из важнейших текстов по буддийской
логике — «Праманавартику» Дхармакирти. Это издание
он посвятил памяти Ф. И. Щербатского — «величайшего
востоковеда своего времени», добавив к нему четверо-
стишие:

Друзья твердили неустанно мне
о Вашей славе,
Когда же сам я углубился в
Ваши труды,
То в изумленье был я ввергнут
глубиною Ваших знаний,
Они превыше всех человеческих
возможностей.

Современный крупнейший индийский философ Де-
бипрасад Чаттопадхьяя, чьи труды по истории индий-
ской философии, в частности индийского материализма,
знискали ему всемирную славу, предпринял издание се-
рии «Советская индология». Во втором ее томе он опу-
бликовал сборник избранных работ Ф. И. Щербатского,
предпослав им довольно обширное предисловие, в кото-
ром дал обстоятельный анализ всего научного наследия
советского индолога. Мы ограничимся лишь нескольки-
ми высказываниями: «Щербатской помог нам, индий-
цам,— пишет Д. Чаттопадхьяя,— открыть наше собст-
венное прошлое и восстановить в правильной перспекти-
ве наше собственное философское наследие»²⁵. «В то
время, когда его предшественники использовали тибет-
ские источники главным образом для понимания позд-
нейшего буддизма в его религиозном, метафизическом и
мистическом аспектах, Щербатской был первым, обра-
тившим серьезное внимание на существенный вклад
поздних буддистов в рационализм и логику. В этом от-
ношении он резко отличается не только от целого ряда
предшествовавших ему европейских тибетологов, но и
вообще от общей тенденции европейских мыслителей,
занимающихся индийской философией или, шире гово-
ря, индийским культурным наследием,— от Шопенгауэ-

²⁵ *Chattopadhyaya D. Further Papers of Schterbatsky. Calcutta. 1972, с. 3.*

ра, Дейссена, Макса Мюллера и прочих,— которые создавали изрядно искаженную картину индийской мудрости, подчеркивая лишь религиозную „спиритуалистическую“ и наиболее экстравагантную идеалистическую тенденцию Упанишад и философии Веданты, основанной Шанкарой... Конечно же, он вовсе не отрицал, что в индийском философском наследии присутствовали эти тенденции... он выступил с протестом против, в сущности, ненаучных и необъективных стремлений, господствовавших тогда в Европе, усматривать в индийской мудрости лишь подобные тенденции»²⁶.

Д. Чаттопадхьяя, предпосылая специальное предисловие к русскому переводу своего фундаментального труда «Живое и мертвое в индийской философии», писал: «Когда я был аспирантом под руководством профессора С. Н. Дасгупты, он обычно с энтузиазмом говорил нам, какую большую помощь он получил от Ф. И. Щербатского, особенно в отношении текстов, сохранившихся лишь в тибетских переводах... много других выдающихся индийцев, включая самого Р. Тагора, активно сотрудничали с ним в области изучения громадного культурного наследия Индии»²⁷.

Таково значение наследия великого советского индолога. Однажды Ф. И. Щербатский охарактеризовал своего собственного учителя такими словами:

«Под покровом строгой учености с весьма сильной скептической и саркастической окраской ума И. П. Минаев скрывал горячее сердце, глубоко озабоченное прошлым, настоящим и будущим Индии в той же степени, в какой и судьбой своей Родины».

Все сказанное вполне приложимо и к нему самому.

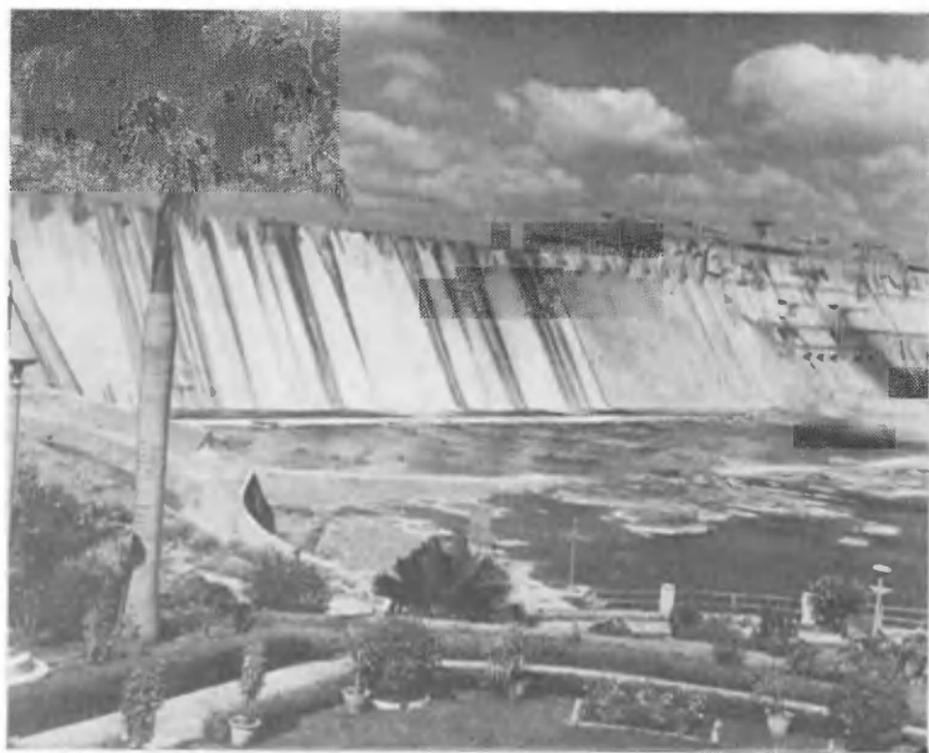
²⁶ Там же, с. 3.

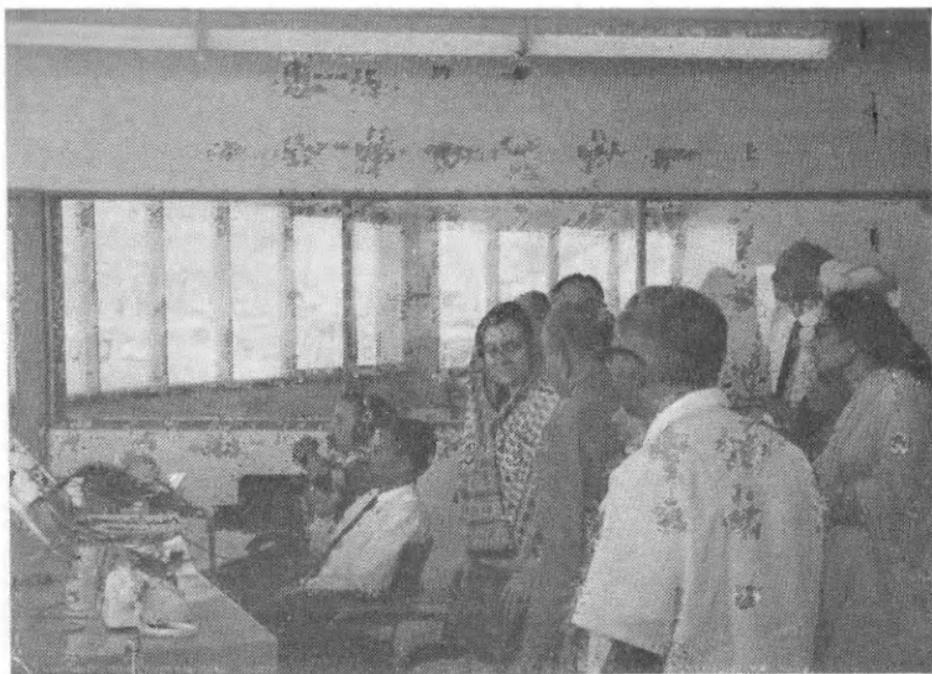
²⁷ Чаттопадхьяя Д. Живое и мертвое в индийской философии. М., 1981, с. 7.

На фармацевтическом заводе в г. Хайдарабаде,
построенном с помощью Советского Союза

Плотина гидроэнергетического комплекса Нагарджунасагар
во время строительства

**Премьер-министр Индии Индира Ганди
на открытии центра космических исследований Тхумба (Керала)**

**Первая индийская геофизическая ракета «Рохини»
на пусковой установке**

За ними — будущее!

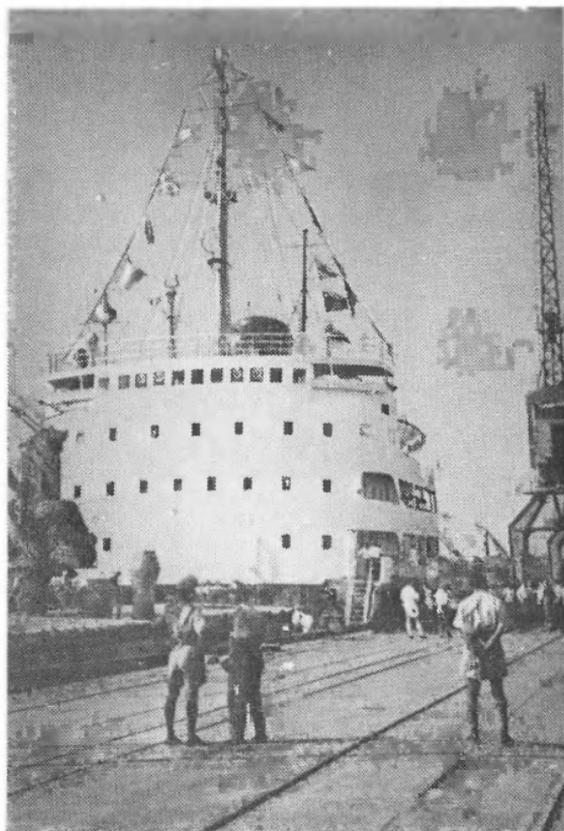
Учительница и ее питомцы (г. Рохтак)

Керальские рыбаки
(г. Кочин)

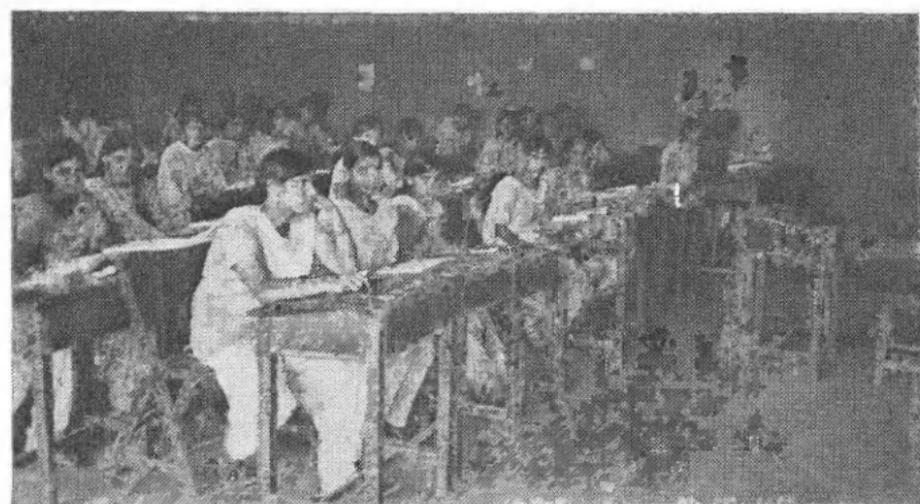
Эллумалап,
мадрасский портовик

«Первоуральск»,
доставивший пшеницу
в дар пострадавшим
от засухи жителям
юга Индии

Автор в гостях
у пенджабского
писателя Навтеджа

Убирают пшеницу;
(Пенджаб)

Обмолачивают рис
(Керала)

На занятиях
в колледже

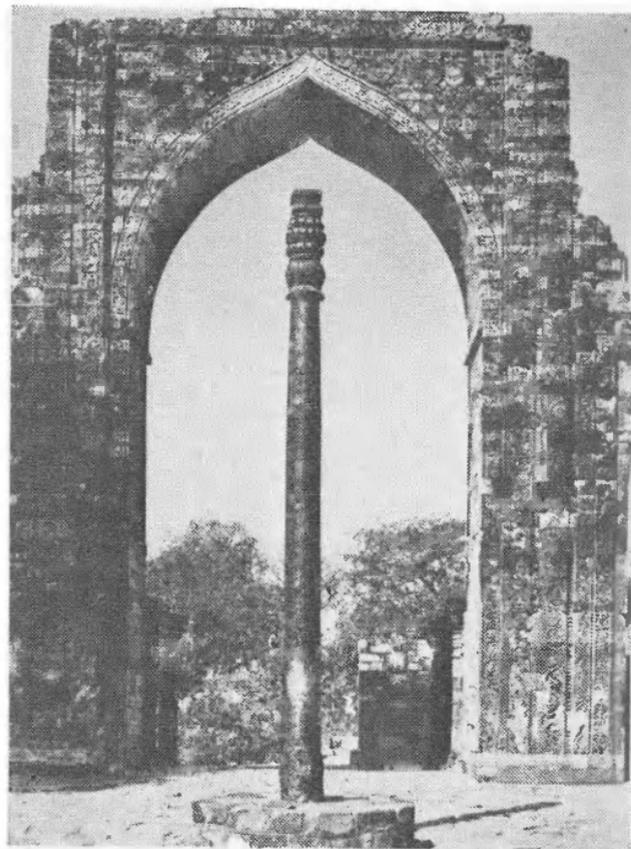
Индусский храм
на улице г. Рохтака

Здравствуйте,
шримати Индира!

Чар-минар (г. Хайдарабад)

Предвестница Бхилан и Бокаро — полторы тысячи лет стоит она и не поддается коррозии

Они сидели на веранде дома шотландского инженера Макферсона, руководившего строительством плотины. Был поздний вечер. Беседа угасла, и оба молчали, глядя во мрак. Перед домом шумела река. В крошечной тьме угадывалась стремительная пляска волн. В воздухе висела мельчайшая водяная пыль. Она оседала на волосах, на руках, на костюме, на траве. От нее становилось так влажно, что невыносимо трудно было дышать. На другом берегу чьей-то незримой рукой был зажжен крошечный светильник. Вот он поплыл над водой, резко спустился вниз и ринулся по волнам, то скрываясь за ними, то вновь появляясь и светясь призрачным, молочным светом. Скоро появился второй светильник и поплыл вслед за первым, затем третий, четвертый, и вот уже добрый десяток огоньков растянулся саженей на двести. Зажженные человеческой рукой светильники плыли все дальше, но вот почти все они утонули, и лишь один остался на плаву, превратившись вдали в такую крохотную звездочку, что, пожалуй, только в телескоп можно было проследить за ее движением.

За огоньками на том берегу наблюдала пара чьих-то встревоженных глаз с робкой надеждой на милость господню. Для чего молящийся совершал этот обряд, называемый *арти*? Просил богов о спасении ребенка от оспы? О дожде, о хорошем урожае? Кто он? Крестьянин? Купец? Служитель храма? Или, может, один из тех, кто обливался потом на строительстве плотины?

Вот на воде показалась новая вереница арти, поярче. Видно, светильники были побольше, а жертвователю побогаче. Кто же на этот раз просил смилостивиться богов? Огоньки горели сильнее, и даже некоторые волны просвечивались насквозь их зыбким, неуверенным светом.

Наутро пришел слуга шотландца и передал записку с просьбой прийти на плотину немедленно по получении

приглашения. Слуга сказал, что знает туда самый короткий путь.

Февральское солнце припекало, и пришлось надеть пробковый шлем. Тропинка вела вдоль большой дороги, проложенной по берегу обводного канала. У нее было особое назначение — по ней могли ходить только саабы, большие и малые. Довольно высоко на склоне горы белела палатка Макферсона, и его рыжая голова возвышалась над столом с чертежами. За палаткой у коновязи нетерпеливо переминались с ноги на ногу кони. Трое из них были уже под седлами.

— Доброе утро, сэр!— приветливо обратился к гостю хозяин.— Может быть, хотите чашку кофе? Настоящий мокко!

Русскому представилась возможность здесь, в глуши, испытать на себе все прелести английского комфорта. Мокко действительно был на редкость ароматен, место удобно и для наблюдения за работами, и для отдыха — если взглянуть на север, открывалось бурное течение реки, мокрые от брызг скалы, судорожно вцепившиеся в расселины чахлые деревца, похожие на русские березки, и кустики, и скалы, горы и снова скалы, и снова горы.

— Мы вчера не закончили разговор,— заговорил Макферсон.— Вернее, это я не закончил. Точнее, не ответил на ваш вопрос. Да, я люблю технику, приложение высоких научных истин к практической деятельности человека. Не берусь судить, кто все это создал,— и инженер обвел рукой все окружающее.— Но я хочу сказать о том, что с помощью техники люди могут извлечь из всего этого столько богатств, столько... — он замолчал, не подыскав, видимо, подходящего слова, и остановил взгляд на том повороте, из-за которого вырывался поток.— Какая сила! Какая сила!— шептал он. И, замерев в восхищении, несколько минут молчал.— О,— спохватился он,— я плохой хозяин. Позвольте показать вам наши работы! Саис!— крикнул он.

— Иес, сэр!— откликнулся молодцеватый парень и подвел двух оседланных коней.

— А знаете ли, сэр, что моя семья связана с Россией?

— В самом деле?

— Известно ли вам имя достопочтенного Джеймса Лонга, он — брат моего деда.

Русский знал это имя, потому что о приезде Лонга в

Россию рассказывал в университете профессор Васильев, а Владимир Иванович Даль в свое время с гордостью показывал знакомым письма из Индии и первое издание басен И. Крылова на бенгальском языке.

— Что с ним было дальше?

— Ему пришлось уйти в отставку после истории с книгой, которую ему вздумалось издать. С ним хотели расправиться и лишить сана. Самое страшное, что это пытались сделать наши же братья англичане. Верно, никак не могут забыть старое. Шотландец для англичанина — что-то вроде рабочей лошадки... поэтому с ним можно делать все что захочется... Сейчас будет поворот, а за ним вы увидите и котлован. Отсюда мы направим воды Ганга в сторону Мерата и Дели.

Легко ступая, кованые кони спустились по откосу и, обогнув торчавшую свечой скалу, вынесли всадников на площадку с хорошо утоптаным грунтом. Посреди площадки стояла палатка поменьше.

Саис, всю дорогу бежавший вслед за наездниками, подскочил и помог спешиться. Крупные капли пота струились по его лицу.

— Как тебя зовут? — спросил русский, спешившись.

— Икбал Сингх, сааб, — ответил он.

— Сингх?! А где же твои волосы? Где твой тюрбан? Ты же сикх?

— Я настик, сааб.

Настик... безбожник. Странно встретить в этой стране безбожника.

— А кто твой отец?

— Камаи, сааб.

Вот как! Сын батрака, крестьянина и вдруг — безбожник!

Но Макферсон тронул гостя за рукав.

— Позвольте, я представлю вам моего помощника. Мистер Вилкинс, инженер.

Молчаливый бородач шагнул навстречу к русскому и крепко пожал руку. Затем, повернувшись к Макферсону, бросил:

— Приезжал Старки.

— Что-нибудь случилось?

— Нет, он предупредил, что вы приедете.

Макферсон недоуменно передернул плечами, вздохнул и резко повернулся к гостю.

— Идемте, взглянем на стройку.

Они подошли к краю площадки. Перед ними открыл-

ся котлован, противоположный скат которого был исчерчен зигзагами тропинок, по которым тянулись бесконечной вереницей люди с плоскими корзинами на головах.

— Сколько же их здесь, этих людей?— в изумлении воскликнул русский.

— Каждый день тут работает семнадцать тысяч человек. Если хотите, мы можем спуститься.

— Хорошо, давайте.

Внизу, под скалой, еще оставалась тень, и там, сидя на рыжей кобыле, возвышался полицейский офицер.

— Хэлло, Старки, что вы здесь делаете?— насмешливо и с удивлением спросил Макферсон.— У вас имеются какие-нибудь претензии к нашим рабочим?

Козырнув, Старки послал кобылу вперед и, уже выехав на открытое место, крикнул:

— Да нет, я просто отдыхал от этого проклятого солнца.

Люди сторонились кобылы, кто-то оступился и просыпал содержимое корзины.

— Взгляните в ту сторону,— Макферсон показал на склон горы, где виднелась хижинка с треугольным оранжевым флажком над ней.— Когда мы вытащим из котлована еще миллиона полтора кубических футов, там будет заложена взрывчатка, и Ганг отдаст большую часть воды каналу. Правда, до этого еще нужно будет укрепить берега. Тысячи и тысячи крестьян получат воду.

— Бесплатно?

— Как бы не так! Есть надежное средство — налог. Здесь даже сложили песню о новом налоге.

Внутри котлована было и душно и пыльно: равномерные движения землекопов, молчаливые фигуры, поднимавшие корзины с землей на головы, шлепанье босых ног по влажной почве — все сливалось в монотонный и удручающий ритм. Здесь уже не было людей — лишь послушные частицы какого-то громадного механизма, все одинаково блестящие от пота и посеревшие от оседавшей на телах пыли.

На лицах не было ни тени каких-либо чувств, лишь беспредельное утомление.

...Русский со своим спутником выбрались на другую сторону котлована, где их уже ждал саис с конями.

— Мистер Макферсон, скажите, что эти тысячи людей получают от канала?

— Ничего, кроме заработка, пока он строится.

— А потом?

— Затем они будут искать другую работу. Пойдут батрачить. Будут голодать. Все будет так, как всегда в этой стране. Да они и сами знают об этом и все-таки идут и идут к нам. Зачем же здесь техника? Один паровой экскаватор стоит десятки тысяч фунтов стерлингов. На нем должны работать три англичанина, экскаватору нужны уголь, смазка и осмотр. А что нужно им, этим людям? Полфунта риса в день да пара лепешек. Посудите сами, зачем тут моим хозяевам чудеса техники, о которых мы говорили вчера?!

— Но ведь техника должна служить на благо человечества!

— В глазах англичанина индийцы стоят много ниже даже ирландцев, а вы знаете, что ирландцы для бриттов уже не люди.

Русский сквозь стекла пенсне смотрел на механические движения тысяч людей. Он всматривался в лица, заглядывал в глаза, пытаясь увидеть в них хотя бы искру возмущения. Все было выжжено беспощадным солнцем, загнано чужой властью глубоко внутрь. Пересохшие губы, мокрые от пота набедренные повязки, чернеющие впадины над ключицами, трепещущая от напряжения кожа, под которой бугрились лиловатые вены. За какие грехи согнали этих людей сюда, где тот Данте, который заклеил бы это позором на века? Где он? Пусть придет, пусть обмакнет свое перо вот в эту кровь, смешанную с потом и грязью, и пригвоздит к столбу позора тех, по чьей воле создан этот круг ада!

От этих мыслей его отвлекло лишь появление Старки, сидевшего в седле подбоченясь, точно кондотьер.

— Мистер Вересов, я сожалею, но вам придется покинуть зону канала.

Макферсона словно взорвало:

— Старки, вы спятили с ума! Мистер Вересов мой гость.

— Я ничего не знаю, мистер главный инженер. У меня имеется распоряжение начальника департамента полиции, согласно которому мистеру Вересову не разрешено посещение зоны.

— Простите, капитан, я думаю это недоразумение.

— Нет, мистер Вересов. Вот телеграмма,— и Старки

вытащил из кармана мундира бланк и протянул русскому.

Вересов спокойно взял бланк, развернул его и вполголоса прочел: «Посещение зоны строительства канала мистером Вересовым нежелательно».

— Ясно.

Макферсон покраснел, щеки его пылали.

— Пойдемте, дорогой друг, не то опоздаем к ленчу,— бросил он, и кони затрусили ленивой рысцой, как бы показывая, что в этом климате, под этим солнцем нельзя спешить. За ними вслед бежал все тот же саис.

У гест-хауза, резиденции для гостей, придерживая коней, Икбал Сингх помог Вересову сойти с лошади и стоял, глядя тому в лицо.

— Что ж ты, Икбал Сингх, так смотришь на меня?

— Я сражался у Собраона, сааб. Мы сильно молились перед боем нашим богам, но они нам не помогли. Не помогли нам и люди. Наш учитель Баба Рам Сингх просил у русского бадшаха помощи. Почему ваш бадшах не помог нам, сааб?

Трудно было ответить на этот вопрос. Вересов знал об этом письме, даже сам переводил его. Ученому было известно, что оно докладывалось царю и тот высочайшей рукой наложил рескрипт: «Надлежит избегать всего, что может повредить интересам августейшей сестры нашей Виктории». Вересову нечего было сказать, и он стал нервно теребить в кармане платок. Затем повернулся к саису спиной и, внезапно ссутулясь, быстрыми шагами зашагал к своей комнате. Перед дверьми он обернулся и еще раз посмотрел Икбал Сингху в глаза. Тот по-прежнему не отрываясь глядел на русского, и в черных глазах горели огоньки. Русский шарил в кармане в поисках ключа, нашел его и склонился над замком. Огоньки в глазах Икбала Сингха мучительно напоминали что-то, виденное совсем недавно, но память не хотела подсказывать.

Сидя за обеденным столом напротив необычно молчаливого Макферсона, Вересов вертел ложку. Тусклый блеск ее концентрировался в выпуклой части и невольно притягивал взгляд к этой блестящей точке. «Арти! Арти!»— вспомнилось русскому, перед его взором встало то, что он наблюдал вчера ночью на Ганге, и Вересов ясно увидел, как засверкали глаза Икбал Сингха огнем надежды.

Здесь все было иначе, чем на равнине. И растительность, и небо, лишенное знойной мглы, скрадывавшей его настоящие цвета. Здесь русский чувствовал себя почти как дома или где-нибудь на даче под Петербургом. Если бы не высота, заставлявшая дышать чаще, томившая непонятными предчувствиями, все было бы превосходно! Впрочем, в этих краях как будто нечего опасаться, за исключением некоторых чересчур усердных чиновников со светлой или желтой кожей, наивно пытавшихся выяснять, не приехал ли этот белокурый человек с умыслом, например, завоевать Индию?! Однако их ждало разочарование — в записных книжках прищельца можно было найти фразы, не представлявшие ровным счетом никакого интереса и даже вызывавшие предположения — уж не сошел ли их владелец с ума?

Во-первых, он писал шрифтом девангаги — здесь мало кто встречал саабов, писавших божественными знаками. То, что он принадлежал к племени саабов, было, конечно, очевидно. Правда, он делал многое из того, что саабы никогда себе не позволили бы. Например, он заходил даже в убогие каморки бханги-метельщика, уборщика, кого угодно, но не человека — он же ведь из очень низкой касты. Во-вторых, сааб записывал этим божественным шрифтом всякую чепуху — то глупейшие пословицы и поговорки, то самую обычную перебранку лавочника с приказчиком, то названия вещей, на которые никто и внимания не обращает! Все это давало повод доносить начальству, что пришелец, несомненно, появился здесь с какой-то тайной целью, но она будет раскрыта благодаря стараниям верных слуг Ее Величества.

Мешковато сидя в седле, белокурый человек догадывался, кто и зачем к нему приставлен. Вот хотя бы взять парня в поношенном армейском мундире, случайно приставшего перед переправой в Гархмуктешвар, — так и не отстает. Пятый раз он менял костюм и манеру носить тюрбан — то укладывал его по-раджпутански — туго закрученными жгутами во много слоев, так что получался затейливый многослойный узор, то появлялся в тюрбане сикха-намдхари, то в плоском маратхском. Правда, как бы ни наворачивал он тюрбан, своих плутовских глаз скрыть никак не мог.

Сегодня утром начался последний переход. К вечеру они должны были приехать в Найни-Тал. Сопровождавший — чиновник канцелярии губернатора г-н Мэрчисон — был не очень-то доволен данным ему поручением. Но он всегда говорил друзьям, что «служба есть служба» и, если неплохо платят, служить надобно так, чтобы платили еще больше. Самым непонятым, даже непостижимым казалось то, что русский не интересовался тем, чем, судя по газетам и секретным инструкциям, надлежало интересоваться всем русским в Индии. Мэрчисон даже маршрут составил так, чтобы русский мог проявить пагубный для Ее Величества интерес, но просто досадно, что русскому не было никакого дела до всего этого.

Дорога в гору становилась все круче и круче. Она петляла, вела наверх, на недоступные утесы, но городок, уже открывшийся глазам, словно бы и не приближался, а оставался на месте, поблескивая на солнце стеклами окон.

Путешественник, знавший об этой стране уже столько, что мало кто мог с ним сравниться даже из числа ученых-индийцев, не переставал удивляться парадоксам, которые порождала здесь природа. На северном богатыре-кедре сидели лангуры — седые обезьяны с черными мордами. Вожак следил за путниками. Взгляд у него был суровым, а глаза печальные, совсем человеческие.

— Сэр, вы не находите, — заговорил Мэрчисон, — что у лангуров большое сходство с жителями здешних мест? Очевидно, Дарвин все-таки был прав. — Видно, уж очень скучно стало Мэрчисону.

— Нет, не нахожу! — коротко бросил путник и замолчал. После нескольких поворотов дороги он повернулся к Мэрчисону:

— А вам известна теория г-на Дарвина?

— Да, сэр. У нас не только гражданские чиновники, но даже и офицеры согласны с г-ном Дарвином. Уж очень много убедительных доводов. Да вот взгляните, сэр, — и он указал на показавшихся из-за поворота двух горцев, мужчину и женщину.

Русский промолчал, недобро скосив глаза на Мэрчисона, и пришпорил лошадь. Остановившись около горцев, он спрыгнул и стал их о чем-то расспрашивать. Мэрчисон только недавно сдал первый экзамен по урду, но мунши обучал его благородному языку навабов Лакх-

нау, языку любовных газелей и печальных марсий. А это что такое? Да и язык ли это вообще?

Вдруг собеседники и даже женщина рассмеялись. Недоумение и досада овладела чиновником. Бог знает, чем от них несет — потом, грязью, запахом лука и чеснока и еще какой-то снеди, а русский стоит с ними, смеется, да еще хлопает горца по плечу. А те, сначала крайне сдержанные, уже через несколько минут смело отвечали на вопросы и, видно, шутили. Томительны были эти полчаса для Мэрчисона — лошадь не выдерживала и топталась на месте. Наконец, русский снова сел в седло. Мэрчисон недовольно пробормотал, что теперь, мол, в Найни-Тал они приедут затемно, дороги здесь опасные — того и гляди сорвешься.

— Что вы, мистер Мэрчисон, у нас опытный проводник. Да, а вы знаете, что сказала мне эта достопочтенная чета?

— К сожалению, нет, сэр!

— Они сказали, что у них есть пословица: «Горные тропы не страшны, если у тебя чистое сердце!» У вас ведь чистое сердце, мистер Мэрчисон?

— Вы называете языком эту тарабарщину?

— Да, мистер, это настоящий язык — гибкий, звучный, мягкий. Он называется кумаони.

Лошадь проводника тревожно заржала. Издалека донесся рев тигра и предсмертное, истощное, полное ужаса мычание вола.

— Ну, ну,— нежно потрепал проводник по шее свою лошаденку.— Ну, ну! Тигр свою долю получил, он ею и займется, а нам нужно спешить.

Сумерки все сгущались. На закате багрово-пыльный горизонт заливал пламенем великую индийскую равнину, где все потонуло в пепельно-жаркой мгле. Русский повернулся в седле в сторону долины и смотрел, словно навсегда старался запомнить открывшуюся его взору грандиозную панораму. Еще звенели от стрекота цикад, жужжания пчел и гудения стрекоз склоны горы. Чудилось, будто настраивают какие-то гигантские балалайки и нет им числа. Все слилось в могучий хор.

Говорили, что «Роял Отель» построен недавно, но он одряхлел, не узнав молодости, и в его холле дремала та же торжественно-затхлая, душная атмосфера: тот же неизменный «Таймс» трехмесячной давности, те же вы-

цветные акварели на стенах, которые обычно висят во всех гест хаузах, погостялых дворах, гостиницах на громадном субконтиненте, именем которому было Индийская империя.

В Найни-Тал было прохладно и сухо, а в номере стояла промозглая сырость, словно в каком-нибудь петербургском или лондонском подвале. Снова одолевал кашель, бил озноб, на платке оставались капли крови. Русский решил отдохнуть дня три-четыре, чтобы прийти в себя от утомительной дороги, зноя, пыли и нудного общества Мэрчисона.

Кумаонцы, которые встретились на дороге, оказались довольно общительными и рассказали, что сейчас здесь некому слушать сказки — слишком много в Найни-Тал приехало англичан. Вот в Альморе есть и сказители и певцы. Нужно туда съездить. Говорят, это всего шестьдесят миль от Найни-Тала, вглубь Гималаев.

А сейчас надо отдохнуть, ведь завтра рано вставать — предстоит поездка на гору Чина. Оттуда виден главный гималайский хребет — «Обитель снегов». Хорошо бы была ясная погода.

Сырые простыни неприятно холодили. Пришлось просить затопить камин. Истопник, больше похожий на калмыка, чем на индийца, положил на решетку камина настоящего кардифа — это грозило увеличением счета еще на 2—3 шиллинга.

Ученый сел на кровати. Тепло обволакивало его тело, томило, но это было все-таки настоящее, домашнее тепло, а не беспощадный зной равнины. Сон никак не приходил. Вспомнился Петербург, золотые купола Исаакиевского собора и шпиль Петропавловской крепости, бурный порыв Медного всадника, Нева, серое небо, шквальные ветры поздней осени, когда река кидалась на город. И его скромная квартира на Красной улице. Еще в студенческие годы ему страстно хотелось познать суть религий, этих всемогущих учений, разделивших народы. Его волновал вопрос, почему, казалось бы, общие идеи давали пищу беспощадному огню фанатизма и способствовали яростному истреблению себе подобных? Ведь все религии проповедуют мир на земле. Правда, некоторых волнует собственное благополучие, а не проблема мира. Во всяком случае, до сих пор нет в людях благоволения, а на земле мира.

Русский вспомнил тибетского монаха-паломника, которого вчера встретил на дороге, он отдыхал возле про-

зрачного, веселого родничка. Его бесстрастные глаза безучастно смотрели на озорную игру струй, бойко прыгавших с камня на камень, уносивших то сучок, то травинку, то еще что-нибудь. И монах был так чужд природе, всему, что его окружало, всему живому и живущему, что путешественнику в голову пришла неожиданная, просто парадоксальная мысль: зачем живет этот человек? Кому он нужен?

Тибетца в воспоминаниях сменил ученик — Федор Щербатов. Умен и работящ, хоть и белоподкладочник. Странное тяготение у Феди к этой оторванной от жизни форме буддизма — ламаизму, так прочно укоренившемуся в Тибете и Монголии. Единственно, на что годится северный буддизм, — на извлечение из его канона жемчужин старой индийской поэзии, утраченной нынче в Индии. Посмотрел бы Федя, что делает его излюбленное учение с людьми, как выхолащивает из души все живое.

Наплывали воспоминания об университете, о забавном мальчишке — сыне дворника, повадившемся в Восточную библиотеку и уже изучившем в свои шестнадцать лет весь ее фонд.

Вспомнил он и о студентах и выпускниках университета, о незавершенных работах, книгах, которые предстоит прочитать, людях, с которыми встречался на бесчисленных дорогах.

Так он и уснул, сидя в постели, с лицом, обращенным к догоравшему камину, на котором нежными темно-розовыми бликами пробегали редкие вспышки огня. Стояла тишина.

— Сэр, morning tea, morning tea, сэр!²⁸ — нараспев кричал слуга с подносом в руках за дверью.

В комнате было еще сумеречно и тепло, отчаянно не хотелось вставать, но делать это было надо — нельзя терять ни минуты в этой стране, каждое мгновение открывавшей что-то новое, неожиданное. Русский, потянувшись до хруста в суставах, скинул плед, сунул ноги в туфли и открыл дверь.

— Салам, сааб!

— Салам, салам! Ане, ане!

Босоногий слуга в пышной чалме и белой куртке,

²⁸ Morning tea — «утренний чай» (англ.).

перехваченной ярко-зеленым поясом, осторожно поставил поднос на низкий столик рядом с кроватью.

— Поставьте поднос сюда,— и русский показал на обеденный стол.

— Bed tea²⁹, сааб...

— Поставьте, пожалуйста, сюда...

Слуга недоумевал — его учили не так, он твердо знал, что в это время саабам нужно подавать чай в постель, таков обычай. Станный какой-то сааб. Но надо выполнять приказ — в конце концов он лишь слуга, и его профессия — повиноваться.

— Лошади поданы, сааб.

— Спасибо.

Слуга оторопело поглядел на человека с необычайными странностями и, пятясь, вышел из комнаты.

Чай был так крепко заварен, что даже нельзя было почувствовать его аромат и вкус — терпкая жидкость, и, если бы не молоко, бог знает, можно ли было бы его пить.

Еле-еле светало. С террасы виднелось озеро, спрятавшееся в долине, поросшей густым лесом; открывалась перспектива синих гор и ясная-ясная, словно умытая, синева. Саис, видно из отставных солдат, держал под уздцы двух низкорослых лошадок — пегую и буланую. «У крестьян где-нибудь под Тамбовом кони, пожалуй, чуть крупнее», — подумал русский.

На зеркальной поверхности озера отражались лесистые склоны, безоблачное небо, скалы, утонувшие в зелени хвои дома. Изредка между деревьями пробегал ветер и приносил свежие, такие родные запахи — хвои, чуть-чуть подопревшей осенней листвы, замшелых стволов. Появился Мэрчисон. Ему было невыносимо скучно. Русский посмотрел на его аккуратно расчесанную надвое бороду, серые унылые глаза и услышал еще более унылое приветствие:

— Доброе утро!

«Что для такого человека страна, где он живет? — думалось русскому. — Какое ему дело до красоты природы, что ему до людей Индии, их любви, счастья? Что значат для него человечество и человечность?»

— Вы — христианин? — неожиданно спросил он Мэрчисона.

— Да, сэр!

²⁹ Bed tea — «чай в постель» (англ.).

— Так порадитесь, как добрый христианин, этому славному утру!— и русский легко вскочил в седло.

Он ехал впереди и смотрел во все глаза, словно ребенок, впервые попавший в лес. Лошадь временами оступалась, пофыркивала, но в общем-то была исправной труженицей. Справа шел крутой обрыв, куда страшно было сорваться, но лошадь шагала уверенно. Проводник не подгонял ее, да и, по правде сказать, зачем подгонять животное на крутой тропе, все время петляющей то влево, то вправо. Внезапно открылся вид на долину. Она лежала далеко внизу в сиреневой утренней дымке, прекрасная и беспредельная. Там виднелись поля, леса и пастбища. И кто бы мог подумать, что в этой бесконечности сокрыты невероятная нищета и страдание, попранное достоинство, несокрушимая гордость, беспощадная ненависть к поработителям и неистребимая любовь к свободе?

С мощного кедра, снизу доверху покрытого зеленобархатным плащом мха, сорвался лангур, а за ним с визгом, ревом и посвистом кинулось все стадо. Невероятное сочетание — кедр и обезьяны. Если рассказать кому-то — не поверит. Впрочем, в Географическом обществе давно уже ничему не удивляются.

Стало заметно труднее дышать — сказывались высота и большие легкие. Временами бил кашель, и тогда лошаденка начинала тревожно прядать ушами и ускорять шаг, словно хотела убежать от кашля, а русский начинал смеяться, похлопывать лошадь по шее, успокаивая.

Проводник заторопился, стал погонять лошадей — через несколько минут конец пути — добрых полтора часа добирались они до вершины. Вот и она — плоская площадка. Тут стояла жалкая хижина и несколько грубо сколоченных скамеек. Из хижины тянуло дымком. В дверях показался голый малыш-кумаонец. На шее у него был амулет. Из двери протянулась жилистая рука и втащила мальчика внутрь.

Спешившись, русский посмотрел на Мэрчисона. Тот совсем слинял — уныло озираясь вокруг, он с трудом сдерживал раздражение.

Мощные порывы ветра раскачивали раскидистые кедры и неслись в долину. У Мэрчисона сорвало шлем, он покатился по узкой тропе, и даже совместные усилия саиса и кумаонца — хозяина хижины не помогли — шлем бесследно исчез где-то под крутым скатом.

— Возьмите мою шляпу,— предложил ученый.— Я привык к холоду. В университетские годы я ходил на занятия за семь миль с непокрытой головой в любую погоду. Да берите же, не стесняйтесь.

Ветер трепал волосы русского. Он снял очки, тщательно протер и осторожно снова надел.

Стояла чудесная погода. Вдали за Альморой и Раникхетом поднимался главный гималайский хребет, увенчанный синевато-зеленой шапкой вечных снегов. Над ним возвышался «трезубец Шивы» — пики Тришуль и Бадринатх. В бинокль можно увидеть изломы граней склонов, сверкающую их белизну. В небе громоздились исполинские ярусы облаков, словно кто-то пытался и в небе воспроизвести из их нестойких, беспрестанно меняющихся масс некое подобие титанических гор. Но попытка оказалась тщетной — облака плыли по ветру, сбивались под его ударами, прикипали к вершинам гор, сползали по их склонам, оставляя на кедрах клочья тающей серой ваты. В голубом мареве за Бадринатхом и Тришулем угадывались другие горы, но и бинокль уже не мог их приблизить. Не было видно конца океану вздымающихся в безмерную высь увенчанных снежно-пенными гребнями горных валов. Человек здесь чувствует свое ничтожество — уж не потому ли храмы индусов возвышаются тут на одиноких вершинах, куда миряину из долины добраться нелегко. Но зато какой подвиг, какая заслуга перед божеством!

Видно, отсюда брал начало космический размах религиозной мысли древней Индии. И не отсюда ли пришел космический размах ее хронологии? Что такое человек перед этими исполинами? День Брахмы — свыше двух миллионов лет — разве это не божественно? И верят, верят, верят! Когда дойдет сюда настоящее просвещение?

Ученый посмотрел на Мэрчисона с досадой — его присутствие ощутимо напоминало некое всевидящее око, донимавшее профессора даже в его кабинете на занятиях древнеиндийскими вокабулами.

Серая туча угрожающе навигалась на вершину и вот уже обволокла ее грязно-серым туманом. Откуда-то послышалась брань Мэрчисона, более уместная где-нибудь на окраине Лондона, чем в этих местах.

— Что случилось? Где вы? — крикнул русский.

— Сэр, подойдите к хижине! Подлец хотел стянуть у меня кошелек!

Кому мог понадобиться кошелек Мэрчисона здесь, на высоте около десяти тысяч футов?! Мэрчисон крепко схватил за руку хозяина хижины.

— Отпустите его, сэр! Осторожнее, посмотрите назад, а не то спуститесь сразу на пять тысяч футов.

Мэрчисон в ужасе отпрянул, а кумаонец, растерянно улыбаясь, стоял в трех шагах от обрыва. Он так и не понял, почему гневался сааб, что произошло.

— Вы ведь не на Стрэнде, Мэрчисон. Тут горы, и, может, обычная кастрюля дороже им всех ваших капиталов. Мне кажется, хозяина стоит отблагодарить.

Чиновник стоял, прислонившись к дереву. Его тонкие посеревшие губы продолжали извергать брань. Он проклинал все — и кумаонца, и русского, и Гималаи, и долины, и леса, и сослуживцев ниже себя чином, и эту пропасть, и все-все подряд.

Наконец туча сползла в долину, и снова открылась неповторимая картина гор. Это было царство вечного покоя, тишины, мира, непорочной чистоты снегов, нестерпимо сверкающего голубыми гранями льда, титанической мощи ледников, обрывающихся иссиня-зелеными стенами, буйных, стремительных ветров, затевающих могучие игры среди немых вершин и, словно чтобы нарушить их тысячелетнее молчание, низвергающих громовые снежные лавины. Местами виднелись острые клыки бурых скал, будто грозное предостережение людям, пожелай они забраться в заоблачные выси.

На память пришли стихи А. С. Пушкина: «Кавказ подо мною. Один в вышине...» Один? Не худо было бы побыть действительно одному. «...Отселе я вижу потоков рожденье». Безмолвие висит над этими вершинами, упирающимися в небо и словно рождающимися из него. В стеклах подзорной трубы сверкнула тонкая, белоснежная струя далекого водопада. Вода. Та самая, которая и кормит и поит жителей Гангской равнины. Порой она раздражается такой свирепой, такой неистовой дьявольской пляской на полях, так беспощадно расправляется с урожаем, посевами, деревенскими хижинами и городскими домами, сотнями тысяч людей. Бывает, что все живое задыхается от жажды, а реки скрываются под землю. Но наступает пора, и грязно-мутный бешеный поток смывает все, а затем земля снова покрывается нежной зеленью.

...Лишь за последние десятилетия наводнения стали бичом. Все правители так или иначе считали необходимым что-то предпринимать против стихийного бедствия. Только нынешние колонизаторы...

Русский подумал о своем спутнике, но бинокль уводил все дальше — вот прошли причудливые вершины Тришуля, горделивый Бадринатх, их бесчисленные младшие братья, все в голубовато-белых одеждах.

— Сэр, пора возвращаться. Мы опоздаем к завтраку. Паланкин уже готов.

— Что вы сказали?

— Паланкин готов, сэр.

Он опустил бинокль, но никак не мог оторвать глаз от панорамы величественных вершин. Наконец русский повернулся. Четыре носильщика-кумаонца держали наготове паланкин, в котором саабу будет удобно спускаться с горы. Внутри паланкин обит бархатом. В нем можно уютно вытянуться.

— Зачем вы это сделали, Мэрчисон? Разве нам мало лошадей?

— Лошади отправлены вниз, сэр.

— Почему? Как вы могли?

— Согласно инструкции я обязан...

— Согласно инструкции, согласно инструкции... Я не езжу на людях, милостивый государь! Никто у нас не ездит на людях, слышите?! Счастливо оставаться, г-н Мэрчисон!

Чиновник встревожился и загородил дорогу.

— Сэр, не унижайте своего достоинства!

— Какое достоинство, господин Мэрчисон! О чем вы говорите? И уйдите с дороги, вы, блюститель достоинства! Большого глумления вы придумать не могли!

— Но, сэр, таков обычай!

— Чей? Этих людей, умирающих с голода?! О, черт бы побрал всех цивилизованных недоумков.

У него снова начался приступ кашля. Доктора категорически запретили ему волноваться и переутомляться. Но кто мог предположить, что здесь, на высоте почти в десять тысяч футов, ему придется иметь дело с таким Мэрчисоном. А тот приберегал еще один, последний и самый сильный козырь.

— Сэр, я позволю обратить ваше внимание на то обстоятельство, что это *личный* паланкин Его Превосходительства губернатора Соединенных провинций!

Русский гневно повернулся к чиновнику:

— Я крайне польщен, г-н Мэрчисон,— медленно проговорил он, немного запинаясь.— Я полагаю, что при встрече с Его Превосходительством буду иметь удовольствие аттестовать вас с самой лучшей стороны. Не утруждайте себя заботами обо мне.

И он размашисто зашагал, так, как хаживал в студенческие годы, по полого спускавшейся дороге. За ним семенил Мэрчисон, а за последним, покачиваясь на плечах носильщиков, плыл сделанный из сандалового дерева, покрытый тончайшей резьбой, отделанный бенаресской парчой, личный паланкин Его Превосходительства губернатора Соединенных провинций.

ПЕРВЫЙ ПЕРЕВОД

Мне очень повезло, как и всем, кто учился на филологическом факультете Ленинградского университета, с учителями, и конечно, хотелось бы видеть хорошо написанные биографии каждого из них. Здесь я могу лишь вспомнить отдельные детали. Античную литературу читал Иван Иванович Толстой, потрясший нас тем, что самыми первыми словами первой лекции курса были произнесенные им, несмотря на уже почтенный возраст, с юношески восторженной горячностью гомеровские строки:

Гнев, о богиня, воспой Ахиллеса,
Пелеева сына...

И это было чарующе волшебно. Его лекции, казалось бы, увлекали в самые глубины античности, но он умело раскрывал перед студентами извечно человеческое, высокохудожественное в созданиях древних греков и римлян, оказывавшееся современным.

Александр Александрович Смирнов знакомил нас со средневековой литературой, и то, что первоначально в силу предрассудков казалось мрачно церковным, обретало неожиданную мощь, когда он гремел с кафедры актового зала звонкой латынью:

*Dies irae, dies illa
Solvat saeculum in favilla.*

И мороз продирали по коже, странное волнение, подобное трепету искренне верующего, когда мы, слушая его, осознавали, что же, собственно, могли значить эти

слова — надежду истерзанной и угнетенной души на то, что придет «День гнева, тот день, овеянный мрачной славой...», когда невинный страдалец будет вознагражден, восторжествует справедливость и все, творившие на земле зло и обрекавшие тружеников на голод, невежество и нищету, будут низвергнуты в ад.

Обаятельно скромн и эрудирован был Владимир Яковлевич Пропп, глубочайший знаток фольклора и его теоретик, под руководством которого я и познакомился с немецкими народными книгами и впервые почувствовал их родство с индийскими. В его библиотеке нашлось редкостное собрание трудов по индийскому фольклору вообще. Мне посчастливилось работать под руководством Владимира Яковлевича над первым научным докладом о «Двадцати пяти рассказах ветапы». Наставник был принципиален в своих взглядах на фольклор, но никогда не пытался обратить их в догму, представить как нечто окончательное. Напротив, он и сам искал новое и помогал другим найти новые подходы к проблемам, казалось бы, уже более чем разработанным.

Многих надо было бы еще вспомнить, но коль скоро я взялся рассказать о первом своем переводе, то надобно назвать одно из славных в нашем литературоведении имен — Александр Львович Дымшиц. Он читал у нас курс русской литературы конца XIX — начала XX в.; с большим уважением, но и с четко выраженной своей позицией, Александр Львович увлекательно рассказывал о вкладе в русскую поэзию таких художников, как В. Брюсов, Ф. Сологуб, Л. Андреев, А. Блок, и многих других, в том числе и К. Бальмонта. Последний был для меня особенно интересен, поскольку именно ему принадлежал перевод всех трех известных драм Калидасы с французского, отредактированный академиком С. Ф. Ольденбургом.

Не скажу, что Александр Львович был излишне критичен в отношении К. Бальмонта, но все, что он говорил о нем, «спровоцировало» меня открыться ему. После лекции о переводческой деятельности К. Бальмонта я подошел к Дымшицу и смущенно признался, что пытаюсь тоже переводить Калидасу, только не драмы, а его эпическую поэму «Потомки Рагху», которую читал на занятиях у Федора Ипполитовича. После этого я изложил не то просьбу, не то мольбу, адресованную Александру Львовичу, посмотреть мой перевод первой песни этой эпопеи. Для меня был полной неожиданностью

энтузиазм, с которым он встретил мои слова. Я сказал ему, что текст написан от руки, не перепечатан, но это его не остановило, и он назначил принести перевод к следующей же лекции. И я принес и отдал.

Две недели, которые последовали за этим, были для меня тревожными — в самом деле, ведь я же дерзнул вступить на тяжкую стезю поэтического перевода. Справедливости ради скажу, что этому предшествовало немаловажное событие. У нас на факультете было в обычае устраивать встречи с писателями, поэтами, переводчиками. И однажды к нам пришел М. Л. Лозинский, работавший тогда над переводом «Божественной комедии» и завершивший уже ко времени встречи перевод «Ада», о содержании самого произведения мы уже знали. Но в тот вечер мы впервые услышали этот блистательный перевод. Терцины были столь выразительны и емки, что именно эта форма по тому времени показалась мне оптимальной для передачи всей полноты содержания шлоки, типичной санскритской строфы. Дело в том, что если механически подойти к передаче стандартного эпического размера ануштубх и попытаться уложить все образное и идейное содержание его тридцати двух слогов в соответствующие тридцать два русских слога, то в большинстве случаев неизбежны тяжкие потери.

Но до поры до времени это оставалось чистой теорией, пока... пока на очередном занятии Калидасой я выложил (совершенно спонтанно) очередную шлоку русским стихом. Федор Ипполитович несколько удивленно посмотрел и сказал:

— Стихи — это хорошо. Но сейчас мне от вас нужен точный перевод, оснащенный комментарием.

Все требуемое было сделано, но сама атмосфера застряла в голове и мало-помалу стала обрастать другими, пока наконец не оказалась переведенной вся первая песня великой поэмы Калидасы. Тогда-то, ощутив саму возможность передачи древнеиндийского стиха средствами русского языка, в наивном юношеском восторге я воскликнул:

Мой труд суров! Из глубины веков,
Подъев тяжелый завес многолетия,
Я в наше время привожу рабов
Какого-нибудь давнего столетья.

Томительно тянулись две недели. Однажды, заканчивая очередную свою лекцию, Александр Львович сказал:

— Наш коллега Серебряков предпринял попытку стихотворного перевода с санскрита на русский. Пожелаем ему успеха. Попрошу его задержаться после лекции — у меня есть несколько замечаний.

Я почувствовал, что буквально сгораю от смущения под удивленными взглядами друзей. Был, конечно, и восторг от похвалы.

Мы остались вдвоем в аудитории.

— Все это крайне интересно. У вас есть серьезные возможности, и хочется, чтобы вы их реализовали в полной мере. Однако до этого еще достаточно далеко. Например, этот ваш перевод я считаю нужным опубликовать и надеюсь, что он будет напечатан. Конечно, вам следует над ним поработать. Посмотрите, каким количеством слов на «ание» --- «ение» вы его уснастили?! Не всегда четок и синтаксис вашего стиха. Да и размер частенько хромает. Вам нужно проконсультироваться у какого-нибудь большого мастера — вот хотя бы у М. Л. Лозинского. Я с ним уже договорился. Запишите его телефон.

Не веря своим ушам, почти не понимая, что делаю, я записал телефон.

— Позвоните ему завтра или послезавтра вечером, сошлитесь на меня и условьтесь о дальнейшем.

У меня даже дух перехватило... но я все-таки позвонил. Великий переводчик принял неопита тепло, слушал и расспрашивал и, подытоживая наш разговор, сказал:

— Начнем работать.

И работа закипела. Собственно, с этого началось осознание мною громадных художественных резервов родного языка, соотносимых с неисчерпаемыми ресурсами санскрита. Слово за словом, строка за строкой мы продвигались по тексту, решая одну задачу за другой. Едва ли не самой тяжелой было преодоление моей тогдашней тенденции к буквализму, к претензии на абсолютно окончательное значение моего перевода. Но оказывалось, что такой подход лишал стих индийского классика присущей ему идейной и художественной полноты.

Не то чтобы с отчаяния, а скорее с досады на очередном занятии у Федора Ипполитовича я заговорил с ним о моем переводе, о том, как идет работа с Михаилом Леонидовичем. Наставник терпеливо выслушал мои lamentации и сказал:

— Переводите не слова, а мысли и образы, которые,

в конечном счете тоже мысли, но — художественные, эстетически осознающие бытие, все многогранное бытие человека. К тому же не забывайте, что боль человеческая — всегда боль, под любыми широтами и долготами.

...Прошли несколько недель напряженной работы, прежде чем Михаил Леонидович сообщил, что перевод можно отдавать в перепечатку. Затем он предупредил:

— Только вычитайте как следует. Особенно имена, а потом везите в редакцию журнала «Ленинград».

Следуя всем его советам и пройдясь вместе с ним по уже вычитанному тексту, я отправился в редакцию журнала. Долгие годы «Ленинград» служил своеобразной школой писателей, поэтов, критиков новых поколений. Александр Львович был тогда членом редакционной коллегии.

Довольно быстро, насколько помнится, — месяца через два, меня вызвали в редакцию для чтения корректуры. Казалось бы, что особенного в запахе типографской краски? Но когда ты впервые в жизни видишь «преданным тиснению», как об этом говаривали встарь, свое произведение, этот запах более драгоценен, чем любые благоухания. Радостное волнение не оставляло меня вплоть до самого выхода сдвоенного номера журнала, где и был помещен перевод первой песни эпической поэмы Калидасы «Потомки Рагху». По правде сказать, я испытываю подобное волнение и сейчас, тем более что ощущаю свою, хотя и малую, сопричастность к великому делу духовного взаимообогащения наших народов. Ведь с той поры на языках народов СССР опубликовано свыше 40 миллионов экземпляров книг более тысячи писателей и поэтов народов Индии.

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ДЕЛИЙСКОЙ ДЕКЛАРАЦИЕЙ

27 ноября 1986 г. в славной столице Республики Индии Дели, в городе с многовековой историей был подписан документ, выражающий не только волю более чем миллиарда жителей двух стран — Республики Индии и Советского Союза, но и чаяния человечества. Это уникальный в истории международных отношений документ, являющийся Манифестом действенного гуманизма, возвещающий каждой своей буквой, всем своим духом единственно истинный путь в будущее. «Человечество достойно лучшей участи, чем быть заложником ядерного ужаса и отчаяния», — говорится в Делийской декларации.

Она не только результат переговоров между руководителями двух дружественных стран, она еще и итог их истории, огромного исторического опыта народов обеих стран. В очень давние времена сложилось в мифологии народов Индии, потрясенных междоусобными войнами, представление о *пралае*, космическом катаклизме, в огне которого сгорает мир, оскверненный социальной несправедливостью. Когда наступает пралая, на небе вспыхивают двенадцать солнц, они закрываются тучами, мечущими огонь, сжигающий все живое, иссушающий водоемы, обращающий землю в первозданный хаос. Нет, это не цитата из описания первых ядерных взрывов над Хиросимой и Нагасаки, а прозрение древними индийцами того будущего, которое неизбежно для мира, раздираемого социальной несправедливостью.

И именно поэтому в Делийской декларации два великих народа призывают к разуму и совести человечества, предлагая принципы построения свободного от ядерного оружия ненасильственного мира. В них звучит уверенность в торжестве разума.

На пресс-конференции М. С. Горбачева и Р. Ганди 28 ноября 1986 г. М. С. Горбачев говорил: «Здесь, в Индии, я и мои товарищи не могли не ощутить, насколько близки и созвучны духовные устремления наших наро-

дов. Наши страны — страны нелегкой исторической судьбы. Много горьких страниц было и в истории Индии, и в истории нашей страны. Может быть, поэтому так сильны в советском и индийском народах отзывчивость к чужой боли, стремление к справедливости, воля к миру и свободе».

Ведь еще в ведах прозвучали замечательные слова «*вишвам экас кутумбакам*» — «мир — одна семья». Памятники духовной жизни народов Индии донесли до нас и идеи, хотя и высказанные много веков назад, но актуальные и сегодня, и на грядущие времена. «Только такая победа может считаться настоящей, при которой все в равной мере являются победителями и никто не терпит поражения» — это слова Будды. Они были приведены Дж. Неру в его речи на митинге в Кремле в 1961 г. и произнесены М. С. Горбачевым на встрече с парламентариями Индии 27 ноября 1986 г.

А суждение Каутильи, гениального ученого, автора замечательного политико-экономического трактата древней Индии «Артхашастры», о том, что «мир и труд — основа благосостояния государства»?

А гневное осуждение всех, кто ввергает народы и страны в губительные войны, прозвучавшее в VII в. из уст великого лирика Бхартрихари:

Земля, земля! С материками и океанами.
Что ты?! Ничтожный атом в мирозданье!
Но даже этот атом ничтожные царьки
Стремятся разорвать на части
И войны страшные ведут!
Проклятие царям! Проклятие и тем,
Кто за подачки им вослед готов бежать!

Мечта о социальной справедливости звучала уже в ведах, но, быть может, первым на индийской земле сформулировавшим ее не на мифологическом уровне, а на вполне земном был поэт и мыслитель VIII в. н. э. Пушпаданга, говоривший об обществе, где все равны и где все равно трудятся. Многообразны воплощения этих мечтаний, часто находивших выражение в религиозном облачении, но и при этом оставаясь «вздохом угнетенной твари, сердцем бессердечного мира»³⁰.

Эта мечта непременно сопровождалась и грезами о мире без войны. Назовем лишь нескольких из великих

³⁰ Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. — Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 1, с. 415.

индийцев, поэтов и мыслителей, выразивших эту надежду,— Тируваллувар и Басава, Кабир и Нанак, Гуру Говинд и Праннатх. Последний, бывший свидетелем и кровопролитных войн, и религиозных преследований, обратился к Великому Моголу Аурангзебу с призывом установить такой порядок в государстве, который исключил бы и то, и другое. Куда там! Аурангzeb не удостоил его даже ответом.

Среди этих имен надо упомянуть и величественную фигуру Рабиндраната Тагора, гениального поэта. В самый разгар империалистического неистовства, провожая XIX в., он писал:

Последнее солнце века горит в облаках кровавых,
Праздник сегодня злых и лукавых,
Оружье о смерти поет звеня...

А когда разразилась первая мировая война, из его сердца, потрясенного трагедией десятков миллионов, ввергнутых в зверскую бойню, вырвались, как стон, стихи:

На дальнем берегу смолкнуть гром не хочет,
Безумец дикий вновь и вновь хохочет
Безудержно, не ведая стыда,
Везде царит последняя беда.

Лучом надежды сверкнули для него Великий Октябрь и революционные преобразования в России. И его приезд в Москву в 1930 г., и участие во всемирном антивоенном движении укрепили поэта в надеждах, что будущее мира связано с социалистической цивилизацией.

Воедино сливались в общем порыве к лучшему будущему усилия обоих народов, и могучий порыв индийского народа к национальному освобождению, и социалистические свершения советского народа. Силы империализма и фашизма продолжали вершить свои черные дела, подтверждая истинность изречения древних индийцев:

Чернее черного черны дела злодея
И черен день его, коль зла он не содеял.

Индийские труженики в те годы, когда советские люди отражали фашистскую агрессию, выражали свою солидарность с ними, волю к миру и свободе, собирая посильные пожертвования в фонд обороны, воспевая на всех индийских языках героические подвиги советских людей. Советские же люди не только сочувствовали

национально-освободительной борьбе индийских братьев, но и стремились во всех отношениях ей помочь. Так скреплялась созвучность духовных устремлений наших народов.

Когда читаешь Делийскую декларацию, этот исторический документ современности, открывающий путь в будущее мирного и творческого труда народов в сотрудничестве во имя общего блага, ощущаешь, что в ней воплощен выстраданный народами опыт тысячелетий; она — выражение высшей нравственности и высшей морали.

И как неопровержимый вывод из каждого сформулированного ею принципа, каждого ее слова звучат слова, запечатленные в памяти народов, слитые в чеканную формулу, украшающую герб Республики Индии, — «Побеждает только Правда!»

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Об индологе и его блокноте	5
Дорога в Индию	6
Его благословения	6
На дороге дружбы	10
Лица друзей	15
Уходит ночь	17
Пламя и камень (13 апреля 1961 года)	19
Оживший камень	22
От батареи Клайва до кафе «Ташкент»	23
Это было в Мадрасе, в 1921 году	28
У синих гор	31
Задумавшийся Гоммата	35
От Якутии до Колара	36
Четверо братьев и двадцать тысяч строителей	38
Дружбе пятьсот лет	39
Преодолевая отсталость	43
В индийской деревне	44
Памятная гирлянда	48
«Товарищ Правда»	50
Муругаян и Муругесан	53
Многоцветная ложь	56
У Хайдарабада три лица	62
Что значит остричься	65
Голоса Калькутты	68
Очнется ли Рагасвами?	74
Йоги	81
Делийская «триеннале»	87
Гордость	89
Из Катманду в Коломбо	91
Знамя	105
Пять строк на открытке	108
По следам учителя	115
Арти	129
Паланкин	135
Первый перевод	145
Размышления над Делийской декларацией	150

- Серебряков И. Д.**
С 32 Из блокнота индолога. М.: Главная редакция
восточной литературы издательства «Наука», 1987.
154 с. с ил. («Рассказы о странах Востока»).

В книге одного из ведущих советских индологов, восемь лет проработавшего в Индии на дипломатической и журналистской работе, увлекательно рассказывается о жизни рядовых труженников различных регионов Индии, а также о тех, кто закладывал основы отечественной индологии,— профессоре И. П. Минаеве, академниках С. Ф. Ольденбурге и Ф. И. Щербатском.

С 1905020000-159 67-87
013(02)-87

ББКл8

Традиционная Индия... Традиционно и представление о ее чудесах, в том числе и о заклинателях змей. Сегодняшняя Индия, сохраняя некоторые черты былой экзотики, устремляется в новое, в будущее, которое не поддается волшебному напеву свирели заклинателя змей. Оно строится руками сотен миллионов тружеников — крестьян и рабочих, техников и инженеров, ученых и мыслителей, усилиями великого народа, создателя неисчислимых материальных и духовных ценностей, обогативших цивилизацию Человечества. Вот истинное чудо, народ Индии, идеалами которого с древнейших времен являются Мир и Труд!